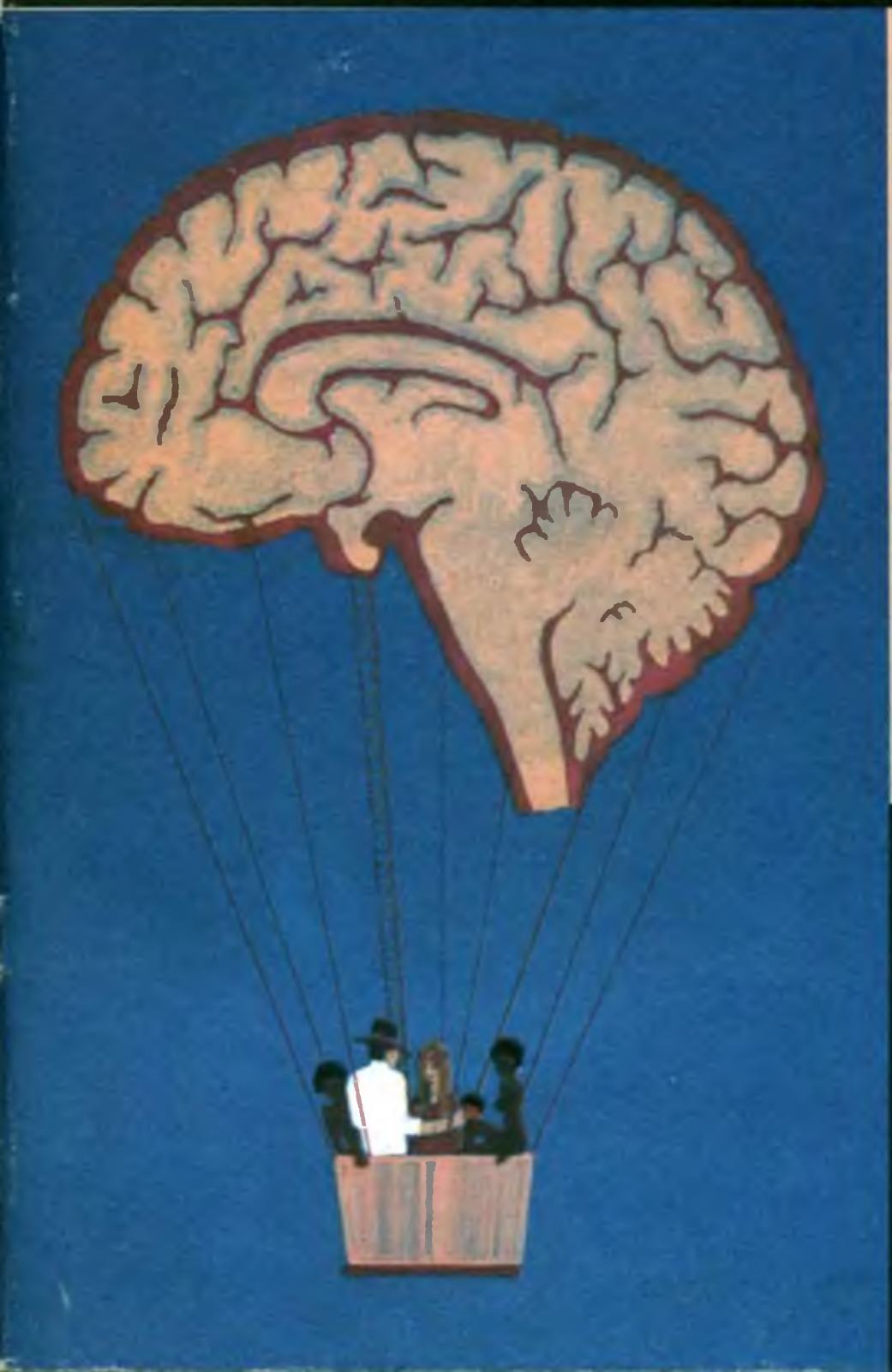
ISSN0136-0140

1994

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ



В НОМЕРЕ

ТЕОДОР СТАРДЖОН
БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЛЮДИ

ФРЭНК ХЕРБЕРТ
СТАРЫЙ ДОМ

ДЖОРДЖ МАКДОНАЛЬД
ЗОЛОТОЙ КЛЮЧ

ФИЛИП ПЛОДЖЕР
ДИТЯ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ИЗДАТЕЛЬ:
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

8'94 (22)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ ФУТУРОЛОГИИ

ЕСЛИ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ НОМЕР: CHILDREN FICTION

МОТИВ

СБОР ДАННЫХ

ГИПОТЕЗА

ЭКСПЕРИМЕНТ

РЕЗУЛЬТАТ

Фрэнк Херберт. *Старый дом.* 4

Лев Корнешов. Горькая сладость зарубежья. 7

Теодор Старджон. *Больше, чем люди.* Роман. 10

Андрей Бугаенко. Не наступайте на персональное пространство. 62

Александр Силецкий. *День игры.* 66

Ольга Карабанова. Всерьез понарошку. 67

Джордж Макдональд. *Золотой ключ.* 72

Валентин Берестов. Иванушка: Царевич и Дурачок. 80

Филип Плоджер. *Дитя на все времена.* 84

Маргарита Шурко, Илья Борич. «Не хочу быть взрослым!» 89

Кингсли Эмис. Новые карты ада. 92

Редактор журнала:
Александр Шалганов.

Заместитель редактора:
Елена Босовская.

Редакция:
Валерия Галлай,
Владимир Губарев,
Михаил Комаровский,
Сергей Никифоров,
Наталия Сафронова,
Елена Сеславина,
Татьяна Сычева.

Иллюстрации:
Надежда Бальжак *(Ф. Херберт),*
Олег Васильев *(Т. Старджон),*
Ольга Дунаева *(Ф. Плоджер),*
Александр Жабинский *(А. Силецкий),*
Александр Михайлов *(Д. Макдональд).*

Ворстка:
ТОО «Апокриф».

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2.
Телефоны: 200-25-08 (справочный),
209-17-07 (отдел распространения).

Сдано в набор 05.05.94. Сдано в печать 10.07.94.
Отпечатано в ИПК «Московская правда»,
123845, Москва, Д-22, ул.1905 года, д.7.
Усл.печ.л. 12,2. Уч.изд. 14,1. Тираж 49 тыс. экз.
В розницу цена свободная.
Заказ № 3159

© «Если»
Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Радиостанция «Юность»
«Молодежный канал»

Если Вы трудитесь для людей,

то

Вас услышат

и

Вас поймут

миллионы слушателей

во всем мире

- Круглосуточное вещание
- Тематические передачи
- Возможность личного интервью с Вами

Ваши предложения услышат
через 2 часа,
после того как лично
Вы этого захотите.
Предложите
свои товары и услуги,
и Ваши предложения
обязательно
примут

Телефон: (095) 233-60-60
Факс: (095) 233-62-44
Телекс: 411136 RADIO SU

ДВ – 153 кГц,
СВ – 792 кГц,
УКВ – 68,8 МГц

МОТИВ

Фрэнк Херберт

Старый дом

В тот вечер Тэд Грэхем вынырнул из стеклянной телефонной будки, пытаясь разойтись с пикирующей прямо на него ночной бабочкой, которая отчаянно сражалась с тусклым светящимся шаром на крыше будки.

У Тэда Грэхема была длинная шея с насаженной на нее головой в форме яйца. Яйцо это, излишне вытянутое, венчалось на самой макушке пучком сильно поредевших седых волос. Словом, его внешность вполне соответствовала профессии Тэда — конечно, бухгалтер, а кто же еще?

Он ткнулся в спину своей жены, изучавшей объявления, и выпалил:

— Они предложили ждать здесь. За нами приедут. Они сказали, что вечером тяжело найти дорогу к их дому.

Марта Грэхем обернулась. У нее было кукольное лицо и живот, свидетельствующий о том, что на свет очень скоро появится потомок семейства Грэхемов. Желтый цвет горевшей на будке лампы смягчал золотисто-рыжий оттенок ее волос.

— Ты пойми: ребенок должен жить в нормальном доме... Они действительно хотят его продать?

— Не знаю. Между собой они общаются на каком-то непонятном языке.

— Иностранцы?

— Наверное. Давай подождем их внутри, пока нас не сожрали заживо. Эти твари сегодня просто взбесились. — Он отогнал от себя ладонью стайку насекомых и пошел вдоль ряда вагончиков, пока не добрался до вагона янтарного цвета с двумя окнами.

— Ты предложил им посмотреть наше жилье?

— Да. Но мне показалось, что им все равно. Глупо как-то поменять нормальный дом на вагончик вроде нашего.

— Не вижу ничего глупого. У них наверняка свои соображения. Может быть, они не желают сидеть на одном месте, как мы когда-то.

Он сделал вид, что не слышит. Он знал свою жену и понимал, что спорить с ней на подобные темы не имеет смысла.

Он вошел в вагончик и сел на зеленую кушетку, которая раскладывалась при необходимости в двухспальную кровать.

— Здесь отличное место, — сказал он. — У этой долины большие перспективы. Народ сюда просто валом валит. Удивительно, что никто еще не открыл здесь контору по заполнению налоговых деклараций. Хороший бухгалтер мог бы здесь прилично заработать.

— Ох, кто бы знал, как я устала жить на колесах, — произнесла она. — Я хочу просто сидеть и смотреть на один и тот же пейзаж. До конца жизни.

— Но ведь когда-то и тебе нравилось колесить по стране... — ответил он.

За окном зашуршал гравий под колесами подъехавшей машины.

— Неужели это они? — вскочила Марта.

— Да, как-то слишком быстро, — согласился Тэд. Он открыл дверь и уставился на мужчину, который успел лишь поднять руку, чтобы постучать.

— Мистер Грэхем? — спросил гость.

— Да, — он все еще смотрел на незнакомца.

— Я Клинт Руш. Мы разговаривали по поводу дома, — мужчина шагнул к свету. Поначалу он показался Грэхему стариком, но под светом фонаря морщины исчезли, и он сразу помолодел лет на двадцать.

— Конечно, конечно, мы вам звонили. — Грэхем отошел от двери, освобождая проход. — Хотите взглянуть на наш вагончик?

Марта встала за спиной у мужа.

— Домик в прекрасном состоянии, — сказала она. — Мы всегда следили за ним.

«Она слишком волнуется, и это бросается в глаза, — подумал Тэд Грэхем. — Лучше бы она доверила вести переговоры мне».

— Вроде бы он выглядит неплохо. Надо бы приехать днем, — сказал Руш. — А пока давайте посмотрим наш дом. Машина у порога.

Тэд Грэхем колебался. Его не покидало какое-то неосознанное чувство тревоги, но он никак не мог понять, что же именно его настораживает.

— Нам, пожалуй, лучше ехать на своей машине, — возразил он. — Мы будет держаться за вами.

— В этом нет нужды. Все равно мы сегодня вернемся в город и можем по дороге подбросить вас обратно.

Тэд Грэхем кивнул.

— Хорошо. Подождите минутку.

В машине Руш познакомил их с женой, которая сидела на переднем сиденье. В темноте ее никак нельзя было разглядеть, и единственное, что увидел Тэд, — зачесанные назад и собранные в пучок волосы. Ее профиль выдавал цыганскую кровь. Муж называл ее Рэйми.

«Странное имя», — подумал Грэхем. Он заметил, что и она поначалу показалась старухой, но это впечатление пропало, когда ее лица коснулись лучи света.

Миссис Руш повернулась к Марте.

— Вам скоро рожать? — спросила она, хотя прозвучало это не как вопрос, а как утверждение.

— Месяца через два, — ответила Марта. — Мы хотим мальчика.

Миссис Руш посмотрела на своего супруга и внезапно сказала:

— Я передумала.

— Не пори горячку, — сказал Руш, не отрывая взгляда от дороги. И вдруг он перешел на какой-то странный язык, который Грэхем, кажется, уже слышал, когда разговаривал с Рушем по телефону.

Миссис Руш ответила на том же языке, и по интонации было понятно, что она волнуется. Муж так к ней и не повернулся.

Наконец миссис Руш замолчала.

— У жены слишком много воспоминаний, связанных с домом, — объяснил Руш, обернувшись назад к пассажирам. — Она прожила в нем много лет.

— Понятно, — согласился Грэхем. — Вы испанцы?

— Нет, — ответил Руш после долгой паузы. — Мы баски.

Он вырулил на хорошо освещенную улицу, которая вела на хайвэй. Но скоро машина съехала на боковую дорогу и начала петлять — налево, направо, снова направо... Грэхем совсем потерял направление. В довершение ко всему они въехали в большую колдобину, от чего беременная Марта вскрикнула и чуть было не потеряла сознание.

— Извините, у нас здесь не самые лучшие дороги. — сказал Руш. — Но мы почти у цели.

Машина въехала в проулок. Фары высветили очертания деревьев — высоких, тонких и совершенно без листьев. Их вид усилил недобрые предчувствия Тэда Грэхема.

Они остановились у низкого забора, за которым высился дом из красного кирпича с окнами на крыше, укрытыми ветвями плакучей ивы. Дом был действительно старой постройки. Впрочем, сейчас мода на все патриархальное.

Тэд Грэхем помог жене выбраться из машины и зашагал следом за хозяевами к дому.

Руш вставил замысловатый витиеватый ключ в замочную скважину. Широкая дверь распахнулась, открыв проход в такой же ширины коридор с застеленным коврами полом. Коридор заканчивался огромным окном во всю стену; за стеклом сверкали городские огни.

От неожиданности у Марты перехватило дыхание, но она смело шагнула вперед. Тэд Грэхем двинулся следом и услышал, как дверь за ним захлопнулась, словно сама собой.

— Он такой... большой! — воскликнула Марта.

— И вы хотите поменять его на наш вагончик? — спросил Тэд Грэхем.

— Все дело в расположении, — сказал Руш. — Я работаю по ту сторону гор на побережье. А продать его нам не удается.

— Неужели в округе ни у кого нет денег? — Тэд Грэхем посмотрел на него с подозрением. Ему вдруг представился специалист по налогам, у которого нет клиентуры.

— Денег как раз навалом, только никто не хочет покупать недвижимость.

Они вошли в гостиную. Мебель в одном стиле — солидном, даже респектабельном. Направленные в потолок светильники во всех четырех углах. Две картины — кажется, импрессионистов — напротив двери. От всего этого у Тэда Грэхема закружилась голова. Но он был начеку, и чувство тревоги в нем становилось все сильнее.

Марта Грэхем подошла к окну и взглянула на расстилавшиеся перед домом огни большого города.

— Я и не думала, что мы уехали так далеко, — восторженно сказала она. — Это похоже на сказочный город.

Тэд Грэхем оглядел комнату еще раз и подумал: «Если все остальное в этом доме такое же, то он должен стоить тысяч пятьдесят — шестьдесят, не меньше. А наш вагончик, хотя и очень приличный, но никак не тянет даже на восемь». В недоумении он тряхнул головой.

— Хотите осмотреть все комнаты? — спросил Руш.

— О, да, если можно, — Марта Грэхем оторвалась от чарующего пейзажа.

Тэд Грэхем пожал плечами и сдался. «В конце концов, вреда от прогулки не будет».

Когда они вернулись в гостиную, Тэд Грэхем удвоил свою предыдущую цену. Его мозг работал, как компьютер, и он все добавлял и добавлял к общей сумме плату за разные дорогие излишества: солярий с солнечными лампами на потолке, бассейн, маленький зимний сад.

— Возможно, вы хотите поговорить с женой с глазу на глаз? — поинтересовался Руш. — Не стесняйтесь. — И хозяева удалились, прежде чем Тэд Грэхем успел возразить.

— Тэд, честно говоря, о подобном я и мечтать не могла, — начала Марта.

— Что-то тут не так, дорогая, — прервал ее муж.

— Но, Тэд...

— Этот дом стоит по меньшей мере тысяч сто. И все это — в обмен на наш вагончик?

— Они же иностранцы, Тэд! И если уж они так глупы, что не знают реальной стоимости, то с какой стати мы...

— Мне это не нравится, — он снова огляделся вокруг. — Впрочем, это их дело, — сдался Грэхем перед искушением. — Тогда не будем с этим затягивать.

Внезапно дом задрожал. Городские огни за окнами погасли. Раздался пронзительный звук.

Марта схватила мужа за руку.

— Тэд! Что это, Тэд?

— Черт его знает! — обернулся он. — Мистер Руш! Мистер Руш!

Никакого ответа. Только все тот же режущий уши звук.

Внезапно дверь в конце комнаты открылась, и в нее вошел странного вида человек. На нем был комбинезон серебристо-стального цвета, перехваченный на талии чем-то вроде пояса, который сверкал всеми цветами радуги. От гостя исходило ощущение холодной силы и величия.

Он оглядел комнату и заговорил на том же языке, на котором разговаривали хозяева.

— Я не понимаю, мистер, — сказал Тэд Грэхем.

Мужчина положил руку на сверкающий пояс. И Тэд, и Марта Грэхем тут же почувствовали, будто их потянули к полу, в их телах задрожала буквально каждая клеточка.

Вновь странные слова посыпались с его языка, но теперь Тэд и Марта все понимали.

— Кто вы?

— Меня зовут Тэд Грэхем, а это моя жена Марта. Но что здесь...

— Как вы сюда попали?

— Это Руши... Они хотели обменять дом на наш вагончик.

— Ваша профессия?

— Бухгалтер. Скажите, почему все это...

— Умно! Исключительно изобретательно! — он снова прикоснулся к своему поясу. — А теперь спокойно. Иначе могут быть осложнения.

Грэхемы снова задрожали от напряжения, и обоим показалось, что у них вот-вот посыплются искры из глаз.

— Вы приняты, — сообщил мужчина.

— Скажите, где мы, — потребовала Марта Грэхем.

— Координаты не важны, — ответил он. — Я с планеты Ройяк. Вам достаточно знать, что вы находитесь под опекой планеты Ройяк.

— Но... — попытался возразить Тэд Грэхем.

— Вы в некотором смысле выкрадены. Раймии проникли на вашу планету. Незарегистрированную планету.

— Мне страшно, — разрыдалась Марта Грэхем.

— Вам нечего бояться, — ответил мужчина. — Вы уже не на своей родной планете. И даже не в своей галактике.

Он взглянул на запястье Тэда Грэхема и спросил:

— Этот прибор у вас на руке... Он показывает местное время?

— Да.

— Это поможет нашим исследованиям. А ваше Солнце... Вы можете описать его атомный цикл?

Тэд Грэхем попытался припомнить то, чему его учили в школе, но ничего путного не приходило в голову.

— По-моему, наша галактика — это что-то вроде спирали...

— Большинство галактик имеют спиралевидную форму.

— Скажите, это все — шутка? — с надеждой спросил Тэд Грэхем.

В ответ мужчина улыбнулся. Это была холодная улыбка превосходства, от которой у Тэда Грэхема в очередной раз поползли мурашки по коже.

— Люди, которые привезли вас сюда — сборщики налогов, которых мы, ройяки, наняли на подвластной нам планете. По условиям контракта они не могли оставить свою работу без соответствующей замены. К сожалению... я имею в виду, что, может быть, к сожалению для вас, они оказались достаточно умны, чтобы найти кого-нибудь, кто сможет выполнять их работу. Таким образом они сумели освободиться от своих обязательств. Неплохо придумано, не правда ли?

— Но...

— Вы вполне способны выполнять их функции, — сказал мужчина. — Разумеется, вы будете занимать нижнюю позицию в нашей иерархии, но мы стараемся проявлять справедливость к тем, кто нам добросовестно служит. Я не сомневаюсь, что Раймии приземлились на вашу планету чисто случайно и нашли замену без...

— Почему вы уверены, что я способен выполнять эту работу?

— Мы провели тестирование и внимательно следили за вашим поведением. Вы прошли испытание достаточно успешно.

— А что будет с нашим ребенком? — взволнованно спросила Марта Грэхем?

— Вам позволят воспитывать его до тех пор, пока он не достигнет возраста, когда принимают решения. По-вашему это шестнадцать лет.

— А потом? — настаивала Марта Грэхем.

— Ребенок займет положение в обществе в соответствии со своими способностями.

— Сможем ли мы видеть его после этого?

— Возможно.

— Какой же во всем этом смысл для вас? — спросил Тэд Грэхем и снова получил в ответ холодную улыбку превосходства.

— Вы будете работать на тех же условиях, что и Раймии, кроме того, мы хотим порыться в вашей памяти и получить информацию о вашей планете. Нам неплохо было бы найти новую среду обитания.

— Зачем им все это понадобилось? — спросила Марта Грэхем.

— Работа довольно уныла, — объяснил мужчина. — У вас никогда не будет ни друзей, ни времени на что-либо, кроме дела. Наши методы временами довольно резковаты, но это диктуется разумной необходимостью.

Голова у Тэда Грэхема шла кругом. А его жена лишь тихо всхлипывала за его спиной.

Раймии сидели в вагончике Грэхемов.

— Были моменты, когда я боялась, что он не клюнет на приманку, — сказала она. — Я знала, что ты никак не сможешь оставить их в доме, если они не согласятся на обмен.

— Да, — кивнул он. — А теперь я намерен заниматься тем, чем хочу. Я буду писать баллады и поэмы.

— А я буду рисовать, — мечтательно произнесла она. — О, какое это прекрасное чувство — свобода!

— Жадность человеческая сделала нам прекрасный подарок.

— Я знала, что они согласятся. Ты заметил, как блестели их глаза, когда они осматривали дом? У них было... — Она вдруг остановилась на полуслове. Ужас исказил ее лицо. — Один из них не дал согласия!

— Они согласились оба. Ты сама слышала!

— А ребенок?

— Но... — он уставился на жену в недоумении. — Ребенок ведь не достиг возраста решений.

— Да, только по законам этой планеты, кажется, через шестнадцать лет он достигнет возраста решений. И что тогда?

Он вздрогнул. Плечи его обвисли, и он как-то сразу постарел, как будто шестнадцать лет уже пролетели.

— Я этого не переживу. Придется построить преобразователь, позвать ройяков и во всем признаться.

— И тогда они найдут для нас другое место, — выдавила она потухшим голосом.

— Я все испортил! — он схватился за голову. — Как же я не подумал о ребенке!..

Перевел с английского
Михаил КОМАРОВСКИЙ

Лев
Корнешов

ГОРЬКАЯ СЛАДОСТЬ ЗАРУБЕЖЬЯ

Проблематика рассказа Ф.Херберта, а, точнее, его реальная подоплека, видимо, довольно далека от забот «среднего американца». Ведь это не его, а нашего российского гражданина манят призраки рекламных объявлений самых разнообразных посреднических фирм, обещающих заграничный рай: гарантированную работу, высокую (по нашим меркам) зарплату и «никаких бытовых неурядиц». Чем оборачиваются для соотечественников желанные кущи, лучше всех знает редакция газеты «Эмиграция». По нашей просьбе главный редактор этой газеты подготовил статью для читателей журнала «Если».

Россияне покидают свою страну — Россию. С каждым годом все больше тех, кто пытается поймать удачу, найти свое счастье вдали от земли, на которой жили их отцы и деды. Вот цифры: в 1991 году получили разрешение на выезд 90036 человек, в 1992-м — 103700, в 1993-м — 114133 человека. Несколько прошедших месяцев 1994 года свидетельствуют, что число выехавших снова возрастет.

Это официальные, очень приблизительные цифры, они фиксируют лишь количество разрешений на выезд навсегда или на длительное время. А сколько остается «там» после командировок, туристических поездок, визитов по приглашениям? Уехал человек на неделю, не возвратился и через год — сейчас это его личное дело, нет на него уже давно партбюро с «персоналками», нет и выездных комиссий, которые густым бреднем вылавливали всех потенциальных «отщепенцев», «перевертышей» и «изменников родины». Слава Богу, ушли из нашего политического лексикона и эти ругательные слова.

Во время зарубежных командировок мне приходилось встречаться с десятками наших соотечественников. Они — люди одного с нами корня, одной культуры, одной истории. Да и к нам, в редакцию газеты «Эмиграция», часто приходят зарубежные россияне, по каким-либо делам посетившие Москву. В моем блокноте — десятки биографий и судеб, иногда счастливых, иногда — нет, часто запутанных и непонятных.

ВСПОМИНАЮ, как в отеле в Нью-Йорке ко мне подошел пожилой человек и протянул конверт:

— Ради Бога, опустите это письмо в Москве. Я уехал из Союза много лет назад, жена и сын не знают, жив ли я, отправить это письмо отсюда опасаюсь, не причинить бы неприятностей...

В Канаде, где большая русская колония, со мной познакомился бывший майор Советской Армии. Обычная история: ранение на фронте, плен, лагерь, «перемещенное лицо», наконец, приют в Канаде, сперва временный, а потом и счастье улыбнулось — получил канадское гражданство. Бывший майор живет на пожертвования для маленькой радиостанции, которую он открыл. Каждый вечер шестьдесят минут он крутит в эфире старые пластинки с русскими и советскими песнями. Только песни и больше ничего, а слушают его радиостанцию в каждой русской семье.

Четыре мощные волны эмиграции выбросили за кордоны России не менее 25 миллионов россиян. Собственно, тех, кто уехал из России после Октября 1917-го, называть эмигрантами не поворачивается язык. Это беглецы, изгнанники. Но это был цвет нации, люди высокой культуры и эрудиции.

В начале двадцатых годов большевики устроили вторую волну: насильственно выслали многих ученых, философов, мыслителей. Представители этих двух «волн» всегда хранили верность России, были ее истинными патриотами. Лучшие из них внесли существенный вклад в развитие мировой науки и культуры.

Много россиян оказалось за рубежом после второй мировой войны: пленные, угнанные в фашистскую Германию на принудительные работы. Среди них были и те, кто запятнал себя сотрудничеством с оккупантами и бежал вместе с ними под натиском Советской Армии. Вся эта разношерстная публика образовала довольно многолюдные русские колонии в Канаде, Австралии, некоторых странах Латинской Америки.

Наконец, четвертая волна эмиграции, набравшая силу в последние годы существования Советской империи и после ее крушения, выбросила на чужие берега сотни тысяч очень разных людей. Это были уже не диссиденты, не гонимые коммунистическим режимом поэты и писатели, не жертвы политической или национальной дискриминации. На Запад хлынули толпы тех, кто стремился к комфортной жизни, кто решил, что там можно лучше заработать, найти более широкие возможности для применения своей энергии, знаний, предприимчивости.

«СТАРЫЕ» ЭМИГРАНТЫ — и мне в этом не раз приходилось убеждаться — с некоторым пренебрежением смотрят на новое «пополнение» из России. И, следует признать, у них есть для этого основания. Ибо на виду прежде всего те, кого называют «новыми русскими», — предприимчивые дельцы, заработавшие огромные суммы на спекулятивных сделках, на наркотиках, торговле драгоценными и редкоземельными металлами, антиквариатом и еще Бог знает чем. Эти скупают виллы на Лазурном берегу в Испании, квартиры на Кипре, особняки в Париже. Только в прошлом году в Лондоне было заключено свыше 70 сделок на приобретение русскими недвижимости. Поставлены здесь и своеобразные рекорды. Один из санкт-петербургских бизнесменов приобрел недавно в английской столице дом стоимостью в один миллион фунтов стерлингов.

Запад, внешне раскованный и лишенный «предрассудков», на деле довольно щепетилен в том, какими путями заработаны деньги, поэтому наши нувориши оказываются там чужаками. Их деятельность наносит большой ущерб репутации России, на несчастьях которой они обогатились. Разборки между ними, связанные с дележом добычи, — это постоянная «пища» для многих бульварных газет. Но «новых русских» не так уж и много. Гораздо больше тех, кто уверовал в то, что на Западе легче, чем у нас, пробиться к славе и большим деньгам. И на смену эмигранту-изгнаннику, романтику, искателю приключений пришла весьма колоритная фигура уроженца российских городов и городков, бросившегося покорять Запад с неистовостью неофита.

Только в Москве действуют свыше двухсот легальных и полулегальных «фирм», предлагающих свои услуги в оформлении выезда и трудоустройстве в различных странах практически всех континентов. У них тщательно отработана система поборов за свои «услуги», которые не подкрепляются никакими гарантиями. Неискушенные люди считают, что если им вручили загранпаспорт и билет на самолет, то будут выполнены и другие обязательства — их ждут жилье, работа, им будут предоставлены льготные кредиты, оказана помощь. Но неприятности, как правило,

начинаются сразу же после прибытия: искателей приключений никто не встречает, а фирмы, якобы взявшей на себя заботу о них, просто не существует. Толпы этих несчастных осаждают посольства и другие российские учреждения. Но там им ничем не могут помочь.

Редакция нашей газеты как-то проделала довольно сложную работу: проверила, действительно ли требуются квалифицированные рабочие из России для немецких предприятий, которые были поименованы в проспектах одной из московских фирм, развернувшей бурную деятельность по отправке россиян на работу за рубеж. Оказалось, что все адреса «настрижены» из рекламных объявлений в германских газетах, но об эмигрантах, тем более из России, и речи не шло. Расчет здесь прост: человек заплатил деньги и уехал в другую страну. Он не скоро возвратится оттуда: у большинства просто не будет денег на обратный билет. А когда наемный рабочий все же вернется, предъявлять претензии уже будет некому. Действительно, «фирма», собрав деньги, исчезла, не оставив адреса.

Пришла как-то к нам в редакцию юная балерина, показала контракт: ее приглашали в серьезную, по словам посредников, фирму в Турции для сольных выступлений. Проверили... Оказалось, девочка едва не подписала контракт, по которому нанималась в ночной клуб самого низкого пошиба развлекать гостей. Причем контракт предполагал совершенно дикую систему штрафов, ограничивал передвижение по городу, наконец, давал право владельцу клуба выбросить девушку на улицу в любой момент за малейший проступок. Но основной поток писем в редакцию — от девушек, мечтавших о семейном счастье в чужих краях.

Вот типичный случай. Лена вышла замуж за итальянца, родные мужа ее не приняли, муж после этого указал ей на дверь. Нет, она не докатилась до панели, просто время от времени переходит из одних рук в другие.

Рассказываю эту маленькую историю потому, что потоку россиян за рубеж проложили русло именно наши девушки. Еще когда, казалось, нерушимо стоял «железный занавес», когда даже в зарубежные туристские группы простому смертному было попасть необычайно сложно, они отважно бросались «расписываться» с иностранцами, оформляли фиктивные браки, лишь бы прорваться за кордон. В СССР не приходили даже скудные вести, как они там живут, но в том особом мирке, который составляли наши возмечтавшие стать иностранками девочки, об их жизни ходили легенды. Вот Женя... Шлифовала по вечерам Тверскую, на кафе-мороженое «Север» рублей не было. И надо же, вышла замуж за французского банкира, старик вскоре отдал концы, оставил ей все. Она прибрала к рукам такого же немощного его партнера, тот тоже вскоре сказал последнее «прощай»... Сейчас Евгения Ивановна — миллионерша, покровительствует поэтам и артистам, на ее «пятницы» ходит только избранная публика.

Вот так и слагаются легенды о супермоделях, счастье эстрадных певичек и манекенщиц. Под некоторыми легендами есть реальная основа — иные из наших соотечественниц пробиваются к деньгам, с успехом осваивают новое для них «жизненное пространство». Даже в африканском Найроби живут ныне более сотни русских женщин, вышедших в разное время замуж за африканцев. Русские женщины есть практически в каждой стране, они оказались удивительно жизнестойкими. Правда, нередко бывает и так, что именно они вынуждены кормить неудачливых мужей.

Но и в каждом мало-мальски «пристойном» публичном доме в Греции, Турции, Италии и других странах тоже есть русские, запутавшиеся в сетях торговцев живым товаром. Причем ехали чаще всего по «брачному объявлению», а попали в бордель.

МНОГИЕ РОССИЯНЕ предпочитают подыскивать за рубежом временную, сезонную работу. Они подряжаются убирать урожай, сколачивают строительные бригады, нанимаются работниками к фермерам. Все это уже перепробовал мой знакомый Володя Нестеренко. Он несколько лет подряд работал в Польше по девять-десять месяцев в году, от ранней весны до глубокой осени. Последнее время вместе с собранной из приятелей бригадой занимался реставрацией старинных зданий — у него золотые руки и инженерное образование. Это было очень прибыльное, по нашим понятиям, дело, но работали ребята полный световой день, без пощады к себе. И вот в нынешнем году не поехали на заработки. Почему? «Смысла нет, — объясняет Володя. — Обирают и там, и здесь, у нас». Организованные шайки вымогателей, часто интернациональные по своему составу, берут на заметку практически каждого, кто пересекает границу с целью заработка. И, дождавшись своего часа, отнимают у жертвы под угрозой пыток практически все. Это для преступников относительно безопасно — исчезнувшего русского никто не будет искать, ибо русские в чужой стране бесправны, они как бы вне закона.

К нам в «Эмиграцию» нередко обращаются родственники исчезнувших парней и девушек. Но чем мы можем помочь, если близкие порою даже не знают, куда отправились их родные: то ли в Польшу, то ли в Болгарию...

«РУССКАЯ МАФИЯ» — это тоже новые слова, появившиеся в словаре западных обывателей. Русскими мафиози пугают, им приписывают кошмарные злодеяния, на них списывают многие преступления. И вот уже появились утверждения, что мировой центр преступности переместился в Россию, что через нее ныне идут многие преступные пути-дороги.

Конечно, среди множества русских, выезжающих на Запад, есть немало и криминальных элементов, преступников. В наиболее развитых странах мира, таких, как США, Германия, Англия и других, существуют десятки преступных групп и организаций, в которые входят русские. Правда и то, что они безжалостны и жестоки, ибо действуют на чужой земле. Один из американских полицейских чинов говорил мне: «Если уж КГБ с вашими преступниками не справился, то нам и пробовать нечего»... Это, конечно, сказано было с оттенком «черного» юмора, но есть тут и доля правды: выжив в условиях тоталитарного режима, «наши» уголовники легко приспосабливаются к новым «демократическим» условиям. Но вот уж что из области фантастики, так это то, что Россия становится центром мировой мафии. Преступность не имеет национальной окраски, и русских в преступной среде западных стран ничуть не больше, чем представителей других национальностей. Но аргументы, связанные с особой опасностью русской мафии, служат серьезным основанием для ограничения въезда русских.

Эйфория в связи с падением тоталитарного режима в СССР на Западе уже прошла. При виде приехавших в поисках работы и лучшей доли русских уже никто не бросает в воздух чепчики и не дарит цветы. Наоборот, прикидывают: отнимают рабочие места, сбивают цены в оплате труда, а то гляди, еще и уворуют что-нибудь... И ограничивают квоты на въезд, возводят новые иммиграционные барьеры, оснащают пограничный и таможенный контроль электроникой.

...Пришел к нам в редакцию «Эмиграции» один россиянин, уехавший на Запад лет пятнадцать назад. Когда уже переговорили о многом, вспомнили всех общих знакомых, он вдруг сказал:

— Странные мы все-таки люди, русские. Все мечемся, сомневаемся. Все думаем, что лучше там, где нас нет. Да мне бы тогда, когда умчался на Запад, такие возможности, которые сейчас есть в России для умных, предприимчивых людей — никуда бы я не поехал.

Вот почему и мы в своей газете не устаем напоминать: десять раз подумайте, прежде чем примете окончательное решение, которое перевернет всю вашу жизнь.

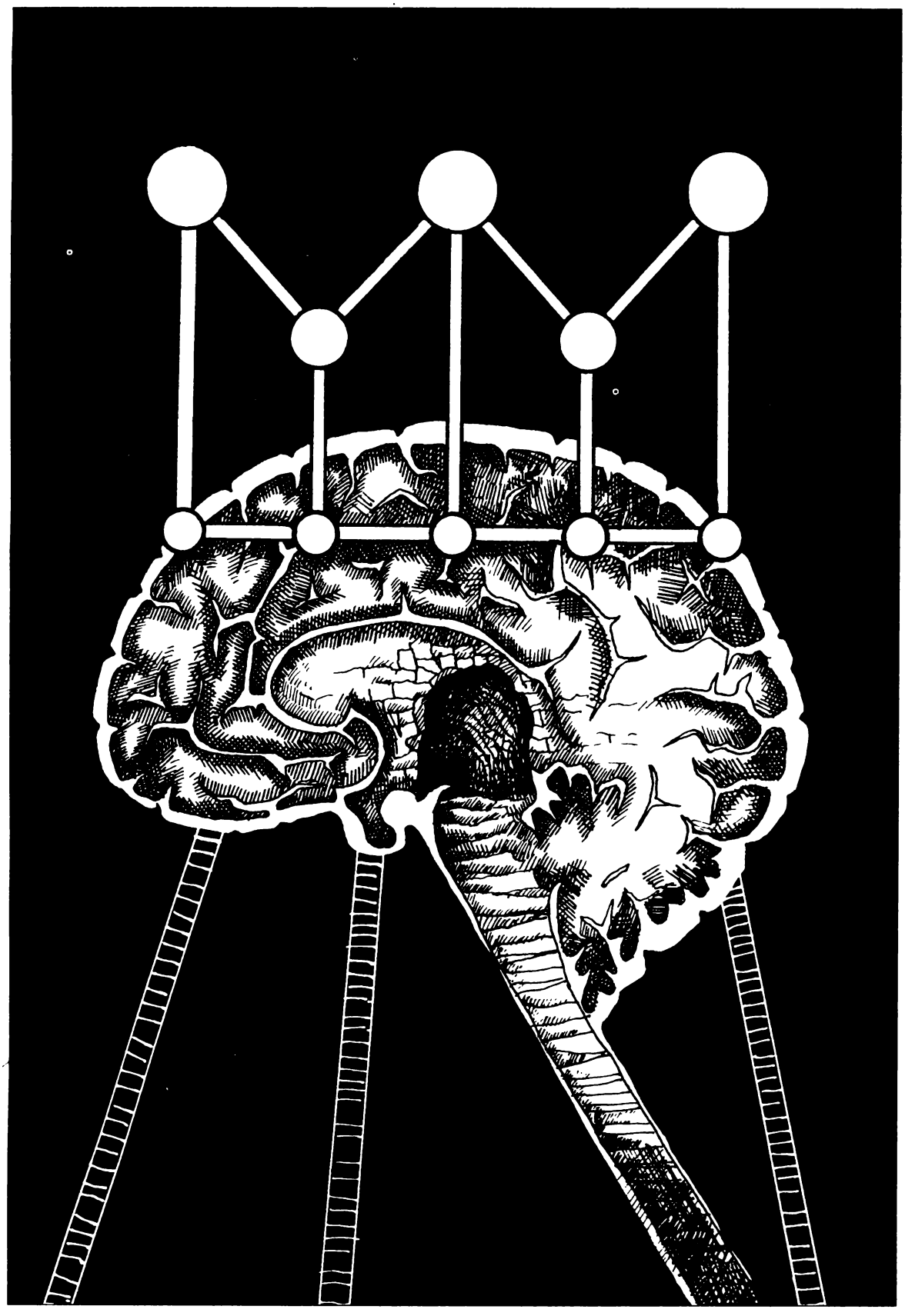
Есть у времени иллюстрация —
Черно-белая — не обрамлена.
Эмиграция, эмиграция,
Я прощаюсь с тобой, сестра моя.
Ты сегодня звалась Мариною —
Завтра будешь Марияграция.
Это что-то неповторимое —
Эмиграция, эмиграция!

Я запомню их лица белые,
Этих лиц выражение,
И движения пальцев беглые
И руки моей положение,
Эмиграция, эмиграция...
Провожающие — на примете вы.
Регистрация, регистрация,
Регистрация в Шереметьево.
Эмиграция, эмиграция.

И снимаются с места стаями...
О, осенняя птиц миграция —
Поднялись и во тьме растаяли.
Ну, видать, пора собираться мне,
Если это само не кончится.
Эмиграция, эмиграция.
Мне лететь никуда не хочется.

До свидания, Марияграция.
Позабудь дорогу обратную.
Эмиграция, эмиграция, —
Это что-то невероятное.
Там, далеко, родится девочка,
И, когда расцветет акация, —
Называть ее станут Эммочка.
Если полностью — Эмиграция.

Вероника ДОЛИНА



Теодор Старджон

Больше, чем люди

Часть первая

Фантастический идиот

Идиот жил в черно-сером мире. В его ветхой одежде зияли окна прорех. В них выглядывало то колено, угловатое и острое, как зубило, то частокол ребер. Долговязый, плоский парень. И на мертвом лице — застывшие глаза.

Мужчины откровенно отворачивались от него, а женщины не решались поднять глаза. Лишь дети подолгу разглядывали идиота. Но он не обращал на них внимания. Идиот ни от кого ничего не ждал. Пропитание он добывал сам или вовсе обходился. А случалось, его кормил первый встречный. Идиот не знал, почему так происходит, но стоило прохожему заглянуть в его глаза, как в руке идиота оказывался кусок хлеба или какой-нибудь плод. Тогда он ел, а неожиданный благодетель торопился прочь в смутной тревоге.

Изредка с ним пытались заговорить. Он слышал звуки, но смысла для него они не имели. Он жил сам в себе, далеко-далеко, не ведая связи между словом и его значением. Видел он великолепно, и мгновенно замечал разницу между улыбкой и гневным оскалом, но ни та, ни другая гримасы ничего не значили для него.

Страха в нем было ровно столько, чтобы сохранить целыми шкуру и кости. Да и то всякая занесенная палка, любой брошенный камень заставали его врасплох. Правда, первое же прикосновение пробуждало его. Он спасался бегством. И не успокаивался, пока не стихала боль. Так он избегал бурь, камнепадов, мужчин, собак, автомобилей и городов.

Поэтому он жил в лесу.

Четыре раза его запирали, но он этого не замечал. Он бежал всякий раз, когда наступало время бежать. Средства для спасения предоставляла внешняя оболочка его существа, сердцевина же его или вовсе не тревожилась, или никак не распоряжалась своей скорлупой. Но когда приходило время, тюремщик или охранник замирали перед лицом идиота, в глазах которого словно кружили колеса зрачков. Тогда запоры сами собой открывались, идиот уходил, а тюремщик торопился найти себе какое-нибудь занятие, чтобы скорее забыть то, что произошло.

Идиот казался диким животным, обреченным скитаться среди людей. И старался держаться подальше от них... По лесу он передвигался с изяществом зверя. И убивал он как хищник: не наслаждаясь и без ненависти. Как зверь ел: досыта, но не более. И спал он подобно животным: неглубоким и легким сном. Он был зрелым зверем: игры котят и щенят не занимали его. Не знал он и радости. Настроение его менялось от тревоги к удовлетворению.

Было ему двадцать пять.

Мистер Кью был отличным отцом, лучшим из всех отцов. Так он сам сказал своей дочери Алисии в ее девятнадцатый день рождения. Эти слова он повторял Алисии с той поры, как дочери исполнилось четыре года. Столько ей было, когда появилась крошечная Эвелин, и мать обеих девочек умерла, прокляв мужа...

Только хороший отец, лучший из всех отцов, мог сам принять роды. И только исключительный отец мог вынянчить и выпестовать обеих девиц с беспримерной заботой и нежностью. Ни один ребенок на свете не был огражден от зла столь надежно, сколь Алисия. «Зло я знаю отменно — во всех его проявлениях, — говаривал мистер Кью, — а потому учил тебя только добродетели, чтобы ты была примером, звездой для Эвелин. Тебе ведь уже известно, чего следует избегать девушке».

В свои девятнадцать Алисия твердо усвоила, что есть «добродетель». Ведь уже в шестнадцать отец объяснил ей, как, оставшись наедине с женщиной, мужчина теряет рассудок и на теле его выступает ядовитый пот... Этот пот способен отравить женщину. В книгах отца были отвратительные картинки, подтверждающие эти слова. В тринадцать у нее впервые случились некие неудобства, и она рассказала об этом отцу. Со слезами на глазах он поведал ей: ЭТО произошло потому, что она слишком занята своим телом. Алисия со всем усердием старалась не думать о теле, но это не всегда ей удавалось. Не помогал даже утвердившийся в доме обычай — купаться в полной темноте, не спасала и устрашающая картина, висевшая в спальне, на которой отвратительный мужчина по имени Дьявол протягивал когтистые пальцы к прекрасной женщине, которую звали Ангел.

Жили они в старом большом доме на челе заросшего лесом холма. К дому не вела ни одна дорога, лишь тропка петляла сквозь заросли, так что из окон не был виден весь ее извилистый путь. Тропа подходила к стене, к железным воротам, не открывавшимся целых восемнадцать лет; рядом с ними было стальное окошко. Раз в день отец Алисии отправлялся к стене и двумя ключами открывал два замка в окошке. Потом поднимал металлическую панель, забирал продукты и пись-

ма, оставлял деньги и свою почту и вновь запирал окно.

Стену продолжал железный частокол высотой футов в пятнадцать, такой плотный, что между стальными прутьями едва можно было просунуть кулак. Сверху они ощеривались страшными остриями, а понизу уходили в цемент, утыканный битым стеклом. На территории, отгороженной от людских глаз, был оставлен участок девственного леса с ручьем и маленьким прудом, небольшими потаенными лужайками, полными душистых цветов. Частокол прятался за стеной сомкнутых дубов. Этот крошечный пятачок был для Эвелин целым миром, больше она ничего и не знала — все, что она любила, заключалось внутри ограды.

В девятнадцатый день рождения Алисии Эвелин сидела одна у пруда. Над нею высилось небо, а рядом журчала вода. Алисия ушла в библиотеку вместе с отцом. Эвелин в эту комнату никогда не допускали. Только Алисию, и то по особым случаям. Младшую сестру даже не учили читать — только слушать и повиноваться. Ей не суждено было искать — лишь принимать.

Эвелин сидела на берегу, расправив длинные юбки. Заметив, что оголилась лодыжка, она охнула и поспешно прикрыла ее. Прислонившись спиной к ивовому стволу, она глядела на воду.

Была весна, та самая пора, когда уже лопнули все оболочки, когда по иссохшим сосудам хлынули соки, когда раскрылись склеенные смолой почки, когда в стремительном порыве весь мир разом обрел красу. Воздух был сладким и густым, он щекотал губы, и они раздвигались — он настаивал на своем, — и они отвечали улыбкой... и тогда он рвался в легкие, чтобы вторым сердцем забиться у горла. Воздух этот манил, был тих и порывист одновременно.

Пересвист птиц мелким стежком прошивал зелень. Глаза Эвелин пощипывало, и мир расплывался за туманной пеленой изумления. Руки сами собой потянулись к крючкам. Высокий воротник распахнулся, и зачарованный воздух хлынул к телу. Эвелин задыхалась, словно от бега. Нерешительно, робко, она протянула руку, погладила траву, словно пытаясь поделиться невыразимым восторгом, переполнявшим ее. Но трава не отвечала, и Эвелин упала на землю, зарывшись лицом в юную мяту, и зарыдала: столь невыносимо прекрасной была эта весна.

Идиот тем временем бродил по лесу. Он отдирал кору с мертвого дуба, когда подобное произошло и с ним. Руки замерли, голова повернулась на зов. Власти весны он подчинялся как всякий зверь, может, чуть острее. И вдруг она разом сделалась чем-то бо́льшим, чем просто густой, исполненный надежд воздух, чем истекающая жизнью земля.

Идиот осторожно поднялся, словно мог невзначай переломиться. Странные глаза загорелись. Он шел... он, которого до сих пор никто еще не звал, он, который не звал никого и никогда. Идиот начинал думать... Он ощущал, как рвется внутри оболочка, прежде сдерживавшая потребность в мысли. Всю его жизнь она, должно быть, таилась внутри его существа. Сейчас этот властный зов был обращен ко всему человеческому в нем, к той части его, что до этого дня слышала лишь младенческий лепет и дремала, забытая и ненужная.

Он был осторожен и быстр. Шел бесшумно и легко, скользя меж стволов ольхи и березы, огибая стройные колонны сосен. Он ориентировался не по солнцу и не по лесным приметам, он шел, не сворачивая, в одном только ему ведомом направлении, повинуясь внутреннему зову.

Он добрался до места внезапно. Ведь когда идешь по лесу, поляна — всегда неожиданность. Вдоль частокола все деревья были тщательно вырублены футов на пятьдесят, чтобы ни одна ветвь не могла перевеситься через забор. Идиот выскользнул из леса и затрусил по вспаханной земле к тесному ряду железных прутьев. На бегу он вытянул вперед руки, и когда они уперлись в равнодушный металл, ноги его все еще двигались на месте, толкая вперед уставшее тело.

Но зов повлек идиота, заставляя двигаться дальше, вдоль забора.

Весь день шел дождь, шел он и ночью, только к полудню следующего дня ливень прекратился.

Эвелин сидела у окошка, положив локти на подоконник и обхватив щеки руками, губы от этого сами собой растягивались в улыбку. Она тихо пела. Странная то была песня, ведь девушка не ведала музыки и даже не знала, что таковая существует на свете. Но вокруг щебетали птицы, а в печных трубах стонал ветер, и перешептывались в вышине кроны дубов. Из этих голосов и сложилась песнь Эвелин, странная и безыскусная, не знающая ни диатонической гаммы, ни размера:

Но я трогаю счастье
И не смею я тронуть счастье.
Прелесть, о прелесть касанья,
Листья света между мною и небом.
Дождь тронул меня,
Ветер тронул меня,
Листья кружат
И несут прикосновенье...

Потом она пела без слов, а еще позже пела без звука, провожая глазами капли, алмазами осыпающиеся с ветвей.

— Что это... что ты делаешь? — прозвучало вдруг резко и грубо.

Эвелин вздрогнула и обернулась. Позади нее стояла Алисия, лицо ее было неподвижным.

Махнув рукой в сторону окна, Эвелин пролепетала:

— Там, — и, соскользнув со стула, встала. Лицо ее горело.

— Застегни воротник, — проговорила Алисия. — Что это случилось с тобой?

— Я стараюсь, — проговорила Эвелин голосом тихим и напряженным. Она поспешно застегнула воротник, но тут ладони ее легли на грудь.

Эвелин стиснула свое тело. Шагнув вперед, Алисия сбросила ее руки.

— Нельзя. Что это... что ты делаешь? Ты говорила? С кем?

— Да, говорила! Но не с тобой и не с отцом.

— Но здесь никого нет. Что с тобой, тебе плохо?

— Да. Нет. — отвечала Эвелин. — Не знаю, — она отвернулась к окну. — Дождь кончился. Здесь темно. А там столько света, столько... я хочу, чтобы солнечные лучи охватили меня, я хочу погрузиться в них, как в ванну.

— Глупая. Ведь тогда твое купание будет при свете!

Эвелин вихрем обернулась к сестре. Губы ее затрепетали, Эвелин сомкнула веки, а когда вновь открыла глаза, на ресницах блестели слезы.

— Не могу, — выкрикнула она. — Не могу!

— Эвелин! — шептала Алисия, пятясь к двери и не отводя от сестры потрясенного взгляда. — Мне придется рассказать отцу.

Эвелин согласно кивнула.

Добравшись до ручья, идиот уселся на корточки и уставился на воду. В танце пронесся листок, на мгновение замер в воздухе и отправился дальше между прутьями ограды прямо в глубокую тень.

Идиот проследил взглядом путь листка. «Последовать за ним» — это была первая в его жизни попытка логически осмыслить какое-то явление. Но приводя в исполнение задуманное, он обнаружил, что кроме листка да травинки сквозь железный частокол проскользнуть ничего не могло. Он начал биться о железные прутья, наглотался воды, чуть не захлебнулся, но в слепой настойчивости не оставлял напрасных попыток. Схватив обеими руками прут, идиот затряс его, но только поранил ладонь. Он попробовал второй, третий... и вдруг железо стукнуло о нижнюю поперечину.

Идиот не знал, что такое ржавчина, он лишь почувствовал, что прут поддался, и смутно ощутил прилив надежды. После нескольких отчаянных попыток проржавевшее железо хрустнуло под водой. Человек повалился назад, больно ударившись затылком о край желоба. Когда вдруг закружившийся мир остановился, идиот уже осознанно опустился под воду. Там оказалось отверстие — высотой не менее фута. Идиот погрузился в поток еще раз.

Мистер Кью сделал по комнате круг, его глубоко посаженные глаза горели. Пальцами левой руки он огладил кнут о четырех хлыстах. Алисия торопливо говорила:

— Наверное, она возле пруда. Эвелин любит это место. Я пойду с тобой.

Отец поглядел на Алисию, на разгоревшееся лицо, на пылающие глаза.

— Это моя забота. Оставайся здесь.

— Ну, пожалуйста!

Он шевельнул тяжелой рукояткой кнута.

— Тебе тоже захотелось, Алисия?

Алисия застыла, потом метнулась к окну. Отец уже был снаружи, он шагал широко и целеустремленно. Руки ее легли на оконный переплет, губы раздвинулись и с них сорвался странный стон.

Эвелин добежала до пруда, задыхаясь. Невидимой дымкой, колдовским маревом нечто висело над самой водою. Она жадно впитывала это чувство — и вдруг ощутила близость. Она не знала, что это — существо или событие, — но оно было неподалеку, и Эвелин предвкушала встречу. Ноздри ее трепетали и раздувались. Добежав до края воды, она опустила ладонь.

И сразу вскипела вода в ручье; это идиот вынырнул из-под ветвей остролиста. Он повалился грудью на берег и, задыхаясь, снизу вверх глядел на нее. Тело его было исцарапано, ладони распухли, волосы слиплись.

Завороженная девушка склонилась над ним. Потоки одиночества, ожидания, жажды и радости заструились от нее. Восхищение слышалось в ее зове, но не было в нем потрясения или испуга. Не первый день она знала о нем, как и он о ней, и теперь оба безмолвно тянулись друг к другу, смешивая, сплетая, сливая чувства. Каждый уже обретал жизнь в другом, и теперь она, нагнувшись, коснулась его и провела ладонью по лицу и взъерошенным волосам.

Задрожав, он выбрался из воды. И она опустилась возле него. Так и сидели они рядом, и наконец Эвелин увидела эти глаза: они словно расширялись, заполняя все небо. Со слезами радости она словно упала в них, готовая утонуть в бездонной глубине.

Эвелин никогда не говорила с мужчиной, а идиот ни разу в жизни не произнес ни слова. Она не знала о поцелуях, а он если и видел их, то не знал, что это такое. Им было дано большее. Они сидели рядом, ладонь ее лежала на его обнаженном плече, и токи немого чувства перетекали из тела в тело. Поэтому они не услышали ни решительной поступи отца, ни его изумленного вскрика, ни яростных воплей. Ничего кроме друг друга не видели они, пока не обрушился первый удар; схватив Эвелин, отец отбросил ее в сторону. Побледнев, содрогаясь всем телом, он высился над идиотом, гортань исторгала ужасные вопли.

И обрушился кнут.

Идиот был настолько поглощен тем, что происходило внутри него, что ни первый сокрушительный удар, ни второй его распухшая плоть даже и не заметила. Он лежал, уставившись куда-то в воздух, — туда, где только что были глаза Эвелин, — и не двигался.

Но вновь засвистели хлысты, терзая плетеными концами его тело. Тогда проснулся прежний рефлекс — спасаться, — и он скрылся под водой.

Алисия издалека увидела возвращающегося отца. В самый последний миг, чтобы не переломиться случайной соломинкой под его ногой, она безмолвно отшатнулась в сторону. Он про-

топал мимо нее прямо в библиотеку, как всегда прикрыв за собой двери.

— Отец!

Не получив ответа, она вбежала следом. Отец достал из ящика длинноствольный револьвер и коробочку патронов, затем медленно зарядил пистолет.

Алисия подбежала к нему.

— Что случилось? Что случилось?

Остекленелый взгляд был прикован к оружию. Отец дышал медленно и чересчур глубоко, слишком длинно вдыхал, чересчур долго задерживал выдох и с присвистом выталкивал его наружу. Он звякнул барабаном, проверил, все ли исправно, посмотрел на дочь и поднял оружие.

С ужасающей ясностью она поняла: отец не видит ее, не может отвести глаз от невидимого ей кошмара. Продолжая глядеть сквозь нее, он поднял пистолет, вложил ствол в рот и нажал на спусковой крючок.

Шума было немного. Только волосы на его макушке взметнулись. Глаза все еще пронзали ее. Задыхаясь, она выкрикнула имя отца. Но его уже нельзя было дозваться, он был мертв — как и за несколько мгновений до выстрела. Тело качнулось вперед и рухнуло.

Эвелин она нашла у пруда, сестра лежала навзничь, широко распахнув глаза. Висок девушки распух, его рассекала глубокая рана.

— Не надо, — тихо шепнула Эвелин, когда Алисия попыталась приподнять ее голову. Мягко опустив ее, Алисия встала на колени и стиснула ладони сестры:

— Эвелин, что случилось?

— Я упала, — спокойно проговорила Эвелин. — И собираюсь уснуть.

Алисия заскулила.

Эвелин проговорила:

— Как называется, когда человек нуждается... в человеке... Когда хочешь, чтобы тебя касались... когда двое едины... и ничего другого вокруг не существует?

Читавшая книги Алисия задумалась.

— Любовь, — произнесла она после долгих раздумий и, судорожно сглотнув, добавила: — Но это же — безумие. Скверное безумие.

Эвелин посмотрела на сестру, как женщина смотрит на девочку:

— Неправда.

— Тебе надо в дом.

— Я усну здесь, — отвечала Эвелин. — И более не проснусь. Я хотела кое-что сделать, но уже не смогу. Сделаешь ли ты это для меня?

— Сделаю, — шепотом отвечала Алисия.

— Днем, когда лучи солнца будут прозрачны, искупайся в них... — Эвелин прикрыла глаза, легкая тучка набежала на ее безмятежное лицо. — Ох, Алисия!

— Что, что с тобой?

— Вот там, смотри, неужели же ты не видишь? Там же стоит Любовь, и стан ее соткан из света!

Мудрые глаза ее спокойно глядели в темнеющее небо. Глянув вверх, Алисия ничего не увидела. А опустив взгляд вниз, поняла, что Эвелин тоже ничего больше не видит. Совсем ничего.

Далеко в лесу за забором звучали рыдания.

Алисия внимала им, потом закрыла глаза Эвелин. Медленно поднявшись, она направилась к дому, а за нею следовали рыдания — до самых дверей. И лишь за дверью она поняла, что и внутри нее все плачет.

Услыхав во дворе стук копыт, миссис Продд выглянула в окно кухни. В тусклом свете звезд она с трудом разглядела лошадь и телегу для перевозки камней, а рядом собственного мужа, который вел лошадь в поводу. «Ну, сейчас он у меня получит, — пробормотала она про себя, — бродит где-то по лесам... Я и ужин из-за него сожгла».

Но получить по заслугам Продду не удалось. Бросив один только взгляд на его широкое лицо, жена встревоженно спросила:

— Что случилось?

— Дай-ка одеяло.

— За каким...

— Живее. Тут парень раненый. В лесу подобрал. Будто медведь изжевал. Вся одежа — в клочья.

Она торопливо вынесла одеяло. Продд выхватил его прямо из рук и исчез в темноте. Через минуту он вернулся, неся через плечо худощавого юношу.

— Сюда, — проговорила миссис Продд, открывая дверь в Джекову комнату. Когда, удерживая обмякшее тело, Продд нерешительно остановился на пороге, она сказала:

— Шагай, шагай, не думай про грязь, вытру.

— Тряпок и горячей воды, — скомандовал Продд. Она отправилась исполнять, а фермер осторожно приоткрыл одеяло. — О, Боже!

Жену он остановил возле порога. — Кажись, до утра не протянет. Может, не мучить его... — он глянул на дымящийся таз в ее руках.

— Попробуем, — она шагнула в комнату и сразу застыла. Продд осторожно взял таз из рук побелевшей жены.

Он протянул до утра. А потом еще целую неделю, и тогда только Продд решил, что у парня еще есть надежда. Он лежал на спине в комнате, которую звали Джековой, ничем не интересовался и ничего не ощущал, кроме света, бившего в окна. Он лежал и смотрел, может быть, наблюдал за окружающим, но, скорее всего, нет. С постели и видеть-то было нечего. Дальние горы, несколько акров земли Продда, на которых время от времени появлялся и он сам: далекая фигурка, ковыряющая землю сломанной бороной. Внутренняя суть лежащего замкнулась в себе и, отдавшись скорби, безмолвствовала. Внешняя оболочка тоже съежилась. Когда миссис Продд приносила еду — яйца и теплое сладкое молоко, домашнюю ветчину и маисовые лепешки, — он ел, если она заставляла его, а если не настаивала, не обращал ни на женщину, ни на еду никакого внимания.

Вечерами Продд спрашивал:

— Ну, сказал что-нибудь? — и жена отрицательно качала головой.

Дней через десять ему пришла в голову мысль:

— Ма, как, по-твоему: он не чокнутый?

Она вознегодовала:

— Как это — чокнутый?

Продд оживленно затараторил, жестикулируя:

— Сама знаешь, — тронутый, умишком хилый, вот как. Не говорит, потому что не может.

— Нет! — уверенно отвечала она. И, заметив вопросительный взгляд Продда, добавила. — Посмотри в его глаза. Разве у тронутых такие?

Глаза-то и он успел заметить. Взгляд их смущал его.

— Все-таки хотелось бы, чтоб он заговорил, — заметил Продд. — Небось парень вляпался во что-то, о чем лучше не помнить.

Шли недели, раны зарастали, тело поглощало пищу, как кактус влагу. Никогда раньше в своей жизни не знал он отдыха, сытости и...

Она сидела возле него и говорила. Пела песни. Невысокая загорелая женщина с бесцветными волосами и выгоревшими глазами, охваченная голодом, подобным тому, что некогда терзал его. Она рассказывала застывшему, ни словом не отзывающемуся лицу, как ей жилось на востоке, о том, как Продд явился свататься на «Форде-Т» своего босса, не умея даже водить машину. Она рассказала ему обо всем, что еще было живо в ее памяти: о платье, которое было на ней в день конфирмации, — тут клинышек, там клинышек, а здесь бантик, о том, как муж сестры, в стельку пьяный, завалился домой: портки изорваны, под мышкой поросенок — да визжит, хоть затыкай уши. Она читала над ним молитвы и пересказывала по памяти Библию. Словом, выболтала все, что знала и помнила, но умолчала о Джеке.

Парень никогда не улыбался в ответ и не отвечал, только глаза его поворачивались к ней, едва она входила в комнату, прочее же время он терпеливо глядел на дверь. Трудно уразуметь, изменилось ли в нем что-то, но выздоравливало не только израненное тело.

Так и настал тот день — Продды сидели за ужином (сами они звали его обедом) — когда внутри Джековой комнаты послышались звуки. Обменявшись взглядом с женой, Продд приподнялся и распахнул дверь.

— Ну-ну, посиди, в таком виде нельзя выходить. Ма, брось-ка ему мою запасную робу.

Он был слаб и на ногах держался с трудом, но все же стоял. Ему помогли добраться до стула, он сел, тупо уставившись в одну точку пустыми глазами. Миссис Продд вывела его из этого состояния запахом пищи, поднеся под нос полную ложку. Взяв ее в свой широкий кулак, он втянул ложку в рот и поглядел на миссис Продд мимо ладони. Потрепав его по плечу, она сказала, что все прекрасно и он великолепно справляется с делом.

— Ну, Ма, что ж ты его за двухлетку считаешь? — откликнулся Продд. Должно быть, эти глаза снова смутили его.

Она остановила мужа движением ладони. Все поняв, он не стал продолжать. Только ночью, когда он думал уже, что она спит, жена внезапно сказала:

— Да, Продд. Придется считать его двухлеткой. Хорошо, если не меньше.

— Как так?

— Начнем все с начала. Будто он малыш, — ответила жена.

Муж притих и после долгих раздумий спросил:

— А как назовем?

— Только не Джеком! — встрепенулась она.

Он согласно буркнул, не зная, что и сказать.

— Подумаем еще, — проговорила она, — у него ведь наверняка есть имя. Зачем ему новое? Придется подождать. Он вернется и вспомнит его.

А потом пошли чудеса.

Однажды Продд с трудом вытаскивал из амбара длинный брус двенадцать на двенадцать, а с другого конца его подхватили две сильные руки. В другой раз парень, заметив возле насоса полное ведро, занес воду в дом. Впрочем, орудовать рукояткой насоса он обучился не скоро.

Когда он прожил у них ровно год, миссис Продд припомнила дату и испекла пирог. Повинуясь какому-то порыву, она воткнула в него четыре свечи. Продды, сияя, глядели на своего подопечного, а он не отводил взгляда от четырех язычков пламени. Странные глаза эти вдруг притянули сперва ее, а потом и Продда.

— А ну, задуй-ка, сынок.

Он все понял и, нагнув голову, дунул. Смеясь от радости, они окружили его. Продд похлопал его по плечу, а миссис Продд поцеловала в щеку.

Что-то повернулось в нем. Мерзлое горе растаяло и хлынуло потоком: он заплакал.

Такие же громкие рыдания год назад навели на него Продда в сумраке леса. Обхватив руками его голову, миссис Продд принялась ворковать, утешая односложными звуками. Появившийся возле Продд нерешительно потянулся к его волосам, но потом передумал, ограничившись растерянным:

— Ну, ну... ну же.

Наконец рыдания прекратились. Он озирался, хлюпая носом, что-то новое появилось в его лице. Словно исчезла маска, на которую была натянута кожа лица.

В тот вечер, рыдая, он осознал, что способен, если захочет, понять тех, кто окружает его. Подобное случалось и прежде — налетало, как дуновение ветра. И он принялся вертеть и крутить это знание перед внутренним взором. Звуки, именуемые речью, пока ничего не значили для него, но он уже научился выделять слова, что были обращены к нему, отличать их от тех, которые его не касались. Он так и не научился слушать других: понятия сами собой вползали в его голову и были настолько неясны, что облекать их в слова он учился с большим трудом.

— Как тебя звать-то? — однажды спросил его

Продд. Они как раз переливали воду из цистерны в поилку, и вид бьющей струи приворожил идиота. Вопрос вырвал его из глубин созерцания. Подняв глаза, он встретился взглядом с Проддом.

Имя. Сущность. Имя и есть я, все, что я делал, чем был и что узнал.

И все это было где-то близко, ожидая единого символа — имени. Все скитания, голод, потеря и то, что хуже потери...

Все один.

Он попытался выразить это словами. Концепцию и лексику он почерпнул у Продда, а заодно и произношение. Но понять — одно, осмыслить — другое, а физически выговорить звуки — третье. Окостенелый язык его шевельнулся сапожной подметкой, гортань задудела заржавелым свистком. Губы задергались.

— Всс, вс...

— Что, сынок?

Все один. Он сформулировал мысль ясно и четко, но выразить ее никак не мог.

— Вс-вс... о... один, — наконец выдавил он.

— Дин? — переспросил Продд.

Слог этот что-то говорил фермеру, он услышал в нем нечто знакомое, пусть и не то, что было в него вложено.

Идиот попытался повторить звук, но косный язык словно окаменел. Он отчаянно звал на помощь, просил подсказки...

— Дин, — повторил Продд.

Он кивнул в ответ: это было и первое его слово, и первый разговор — еще одно чудо.

Разговаривать он учился пять лет, но все же предпочитал обходиться без речи. А научиться читать так и не смог.

Запах дезинфекции будил в Джерри Томпсоне чувства голода и одиночества. Этот запах пропитывал даже пищу и сон — сыростью, холодом, страхом, всем, из чего рождается ненависть. К шести годам Джерри успел уже сделаться мужчиной, во всяком случае по-мужски привыкнуть к тому серенькому довольству, возникающему, когда тебя никто не трогает. Со стороны терпение его казалось несокрушимым, как у тех целеустремленных людей, что выглядят рассеянными, пока не настанет время решать. Джерри повидал в свои годы достаточно, чтобы стать мужчиной. В шесть он уже научился принимать судьбу, покоряться ей, ждать и надеяться. Так он прожил еще два года и наконец решился.

Тогда он и убежал из сиротского дома жить среди сточных канав и мусора, оскаливаться, когда загоняют в угол, и ненавидеть.

Ну а Гип не знал голода, холода и раннего взросления. Для него дезинфекция пахла одной только ненавистью. Запах этот окружал его отца, его ловкие и безжалостные руки врача. Гипу казалось, что даже голос доктора Бэрроуза источает запах карболки и хлорки.

Гип Бэрроуз был способным мальчишкой, только мир не захотел стать для него прямым коридором, выложенным стерильным кафелем. Все ему давалось легко, кроме власти над собственным любопытством.

Уже с детства способности Гипа обещали развиться быстро и ярко, словно взлетающая ракета, даровав ему все, о чем может мечтать мальчишка. Но воспитание вечно усматривало в подобной легкости нечто вроде кражи: дескать, все ему достается вовсе не по заслугам... Так повторял его отец, доктор: ведь он-то тяжким трудом добивался успеха.

Свой первый радиоприемник Гип соорудил лет, кажется, в восемь. Детекторный, даже катушки для него он наматывал сам. Чтобы не заметили, Гип запрятал его между пружинами матраса, там же скрыл наушники, чтобы ночью можно было послушать. Но отец его, доктор, нашел тайник и немедленно запретил мальчику даже прикасаться ко всяким проволокам и проводам. Ну а в девять лет отец его, доктор, добрался до припрятанных учебников и журналов по радио и, свалив их в кучу перед камином, целый вечер торжественно сжигал книги одну за другой. В двенадцать Гип добился права учиться в техническом колледже — за тайно изготовленный осциллограф без электродной трубки. Отец его, доктор, сам продиктовал мальчику текст отказа. В пятнадцать лет Гипа с треском выгнали из медицинского колледжа — так блистательно он сумел перепутать переключатели в лифтах, а, добавив несколько поперечных связей, добился, чтобы всякая поездка заканчивалась в абсолютно непредсказуемом месте. В шестнадцать, к обоюдному удовольствию порвав с отцом, он уже зарабатывал на жизнь в исследовательской лаборатории и занимался в политехническом колледже.

Рослого и талантливого парня все знали — он просто рвался к известности и легко добился ее, как бывало всегда, когда он чего-то хотел. Над клавишами пианино руки его становились удивительно невесомыми, комбинации в шахматах отличались изяществом и быстротой. Пришлось овладеть искусством проигрывать: за шахматной доской, на теннисном корте и в сложной игре, именуемой «первый в классе, первый в школе». Времени хватало на все: говорить, читать, удивляться, слушать тех, кто понимал его. И на то, чтобы перелагать иным слогом всякое педантичное занудство, непереносимое в оригинале. Нашлось время и для радарных систем, а раз так — он и попал на эту работу.

В BBC жилось иначе, чем в гражданском колледже. Он не сразу уразумел, что полковника смирением не умилостивить и не подкупить остроумием, как декана, властвующего над простыми смертными. Еще ему пришлось постигать, что на военной службе яркая речь, физическое совершенство и легкий успех считаются недостатками, а не достоинствами. И вдруг оказалось, что он остался один.

Свое успокоение, мечты и несчастье он обрел в службе дальнего обнаружения самолетов.

Алисия Кью стояла в глубочайшей тени у края лужайки.

— Отец, отец, прости меня! — простонала она, в муках опускаясь на траву, — слепая от горя и ужаса.

— Я ушла далеко, — томилась она, — я все там же... Как тогда я кинулась прочь от старого Джейкобса, доброго Джейкобса, адвоката, явившегося, чтобы помочь. Ох, как я бежала тогда, чтобы не остаться наедине с ним. Потом он привел с собой жену, а я бежала и от нее — ведь женщины тоже злы... Не скоро я поняла, как добра, как терпелива была со мной матушка Джейкобс, сколько сделала она ради меня же самой. «Детка, таких платьев не носят уже лет сорок!» А потом в автобусе я визжала от страха и не могла умолкнуть. Кругом были люди, они все спешили. Тела, много тел, открытых взгляду и прикосновению, тела на улицах, лестницах, картинки с телами в журналах, а на них мужчины, а в их объятиях женщины. Отец! Ведь это из-за тебя я не знала ни автомобиля, ни собственной груди, ни газет, ни железной дороги, ни гигиенических пакетов, ни поцелуя, ни ресторана, ни лифта, ни купального костюма, ни волос на... ох, прости меня, отец!

Я кнута не боюсь, просто руки и глаза подводят меня. Но знай, настанет время, и я сумею жить среди этих людей, сумею ездить в их поездах, даже в собственном автомобиле. Тогда среди тысяч и тысяч я отправлюсь к морю, которое не знает предела, которое не оградишь частоколом, и я буду ходить там как все остальные, и на теле моем останется лишь две полоски из ткани, и все увидят мой пуп. Тогда я встречу белозубого парня, да-да, отец, парня, с налитыми силой руками. И я... ох, что будет со мной, какой я теперь стала, прости же, отец.

Я живу теперь в доме, которого ты не видел, окна глядят на дорогу, а по ней мчатся машины, и дети играют возле забора. Но забор — не наша железная ограда, и дважды в день в нем открывают ворота: для деловых поездок и для прогулок. Всякий волен выйти наружу, и я уже могу глядеть сквозь занавески, а когда соберусь с силами, и на незнакомцев за окнами. В ванной комнате горит свет, а прямо напротив ванны — зеркало во весь рост. И однажды, отец, я выпущу полотенце из рук.

Все остальное будет потом: тогда я буду ходить среди незнакомцев и без страха ощущать их прикосновения. А пока время думать; быть одной и читать о мире и о трудах его, а еще о таких безумцах, каким был ты сам.

Доктор Ротштейн твердит, что таких, как ты, много, но ты был богат и мог жить, как хотел!

Эвелин...

Алисия встала, глянула в сторону леса, проследила взглядом солнечные лучи — тень за тенью, дерево за деревом.

— Хорошо, Эвелин, я сделаю это.

Она глубоко вздохнула, задержала дыхание в груди. Потом зажмурилась — так, что чернота заалела. Руки ее пробежали по пуговицам, платье упало к ногам. Единым движением Алисия освободилась от белья и чулок. И, шагнув в луч солнца, со слезами ужаса, проступавшими сквозь стиснутые ресницы, закружилась в танце нагая, в память об Эвелин. И молила, молила отца о прощении.

Джейни было четыре года, когда она запустила пресс-папье в лейтенанта, руководствуясь неосознанным, но верным ощущением — тому действительно нечего было болтаться в их доме, пока папа воевал за морем. Лейтенант получил трещину черепа. За этот подвиг мать хорошенько проучила девочку. Трепку Джейни восприняла с обычной невозмутимостью.

— От нее у меня самой мурашки по коже бегают, — говорила потом ее мать новому лейтенанту. — Я не переношу эту девчонку. Ты ведь не думаешь, что со мной что-то не так, ведь правда?

— Не думаю, — отвечал другой лейтенант, наперекор собственным мыслям. И она пригласила его зайти днем.

Он зашел. Джейни стояла пряменько, подняв вверх лицо и расправив плечи. Широко расставив ноги, словно обутые в сапоги, она помахивала куклой, как стеком. Ребенок демонстрировал сознание собственной правоты. Пожалуй, она была меньше, чем следовало бы в ее годы. Острые черты лица, узкие глаза, тяжелые надбровья. Говорила она с убийственной прямотой и сокрушительным отсутствием такта. Лейтенант неуклюже присел и проговорил:

— Адски рад, Джейни. Будем друзьями?

— Нет. От тебя воняет, как от майора Гренфелла.

Майор Гренфелл был предшественником лейтенанта.

— Джейни! — осадила девочку мать. И уже спокойнее добавила. — Ты, конечно, знаешь, что майор бывал здесь только на коктейлях.

Джейни оставила слова матери без ответа, взрослые смущенно молчали. Лейтенант как-то разом вдруг понял, что сидеть на корточках в форме — дело дурацкое, и распрямился настолько поспешно, что задел сервировочный столик. Джейни с кровожадной улыбкой глядела на его трясущиеся руки, пока тот подбирал с пола осколки. Потом он быстро ушел и более не появлялся.

Когда Джейни исполнилось пять, она научилась играть с маленькими девочками. Они заметили это не сразу. Малышкам было года по два с половиной, и они были похожи, как две капли воды. Разговоры близнецов, если они и впрямь говорили, складывались из тонкого визга. Девочки кувыркались на асфальте двора, словно на лужайке.

Джейни из своего окна наблюдала за их игрой. Когда наступили теплые дни, близняшки надумали выскакивать из своих комбинезончиков. Делали они это с молниеносной быстротой. Вот стоят две девочки-паиньки, и вдруг одна или обе оказываются футах в пятнадцати от свалившейся

кучкой одежды. Потом, визжа и суетясь, они принимались забираться обратно в костюмчики, бросая при этом опасливые взгляды на подвальную дверь. Тогда-то Джейни и обнаружила, что, если хорошенько сосредоточиться, можно передвинуть костюмчик подальше. Забравшись на подоконник и выкатив глаза от напряжения, она с увлечением предавалась новой забаве. Поначалу одежда лишь слегка шевелилась, словно от прикосновения внезапного ветерка. Но вскоре костюмчики начали ползать по асфальту плоскими крабами. Ей чрезвычайно нравилось, как верещат девчушки, догоняя свою одежонку. Теперь они стали снимать комбинезончики с осторожностью, так что порой Джейни приходилось минут по сорок дожидаться подходящего момента. А иной раз она гоняла девчонок до тех пор, пока малышки не начинали пыхтеть, как маленькие паровички.

Однажды Джейни расшалилась не в меру, и одежка оказалась на подоконнике второго этажа. Близняшки бросились навстречу друг другу и тревожно защебетали. Они подпрыгивали, тянулись к одежде, и все меньше радости оставалось в их голосах, все чаще с трепетом поглядывали они на подвальную дверь.

Наконец Джейни услышала стук, дверь приоткрылась, из нее появился привратник, утомленный общением с бутылкой. Она ясно видела набрякшие красные полумесяцы под пожелтевшими белками глаз.

— Бони! — рявкнул он. — Бини! Где вы? — Шагнув вперед, он огляделся. — Это что за номер! Куда штаны подевали?

Сделав круг по двору, привратник наконец заметил комбинезоны.

— Ишь ты, — возопил он. — Чего натворили! Надо же — бросаться такими дорогими штанами.

Джейни захихикала, слушая звонкую дробь шлепков.

Близняшки, спешно натянув комбинезончики, отправились в тень стены и уселись на корточки, прижавшись к кирпичу спинами. Они что-то шептали. Никаких забав у Джейни в тот день уже не было.

Через улицу напротив дома Джейни располагался парк. Там стояла раковина для оркестра, протекал ручей, разгуливал облезлый фазан. А посреди парка росла густая рощица карликового дуба. Глубоко в чаще таилась полоска утоптанной земли, о которой знала одна только Джейни, считавшая себя ее первооткрывательницей и хозяйкой.

Близнецы надоели Джейни, и она вспомнила о своем тайнике. Мать ее выскочила куда-то на минутку, тщательно заперев за собой дверь. Как-то раньше, увидев такое, один из дежурных поклонников спросил: «Вима, а как же девочка? Что если случится пожар или еще что-нибудь в этом роде?» — «Дай-то Бог», — отозвалась женщина.

Комната дочери была заперта. Джейни подошла к двери и пристально поглядела в то место, где снаружи находился крючок. Легкое позвякиванье возвестило о том, что крючок приподнялся. Открыв дверь, девочка вышла в прихожую, из нее к лифтам. Сама открылась дверца, Джейни вошла в кабину и нажала кнопки третьего, второго и первого этажей. Лифт опускался на этаж, останавливался, открывал дверцы, закрывал их, спускался снова, останавливался, открывал... Джейни следила за скольжением дверей, завороженная методичной повторяемостью их движения. Оказавшись внизу, она нажала все кнопки и выскочила из кабины. Глупый лифт послушно пополз вверх. Джейни снисходительно вздохнула и вышла на улицу.

Внимательно поглядев в обе стороны, она перешла дорогу. Но к рощице подходила отнюдь не чопорная леди. Она сразу полезла на дуб и, минуя развилки, поползла по ветви, которая, как ей было известно, нависала над ее укромным местечком. Ей почудилось, что внизу происходит какое-то движение. Девочка спустила ноги и принялась перебирать руками, пока ветка сильно не наклонилась, а затем выпустила ее из рук.

В тот самый миг, когда пальцы Джейни разомкнулись, ноги ее вдруг сами собой уехали назад, и девочка рухнула на землю.

Невыразимо долгое время она не ощущала ничего, кроме слепящей боли. С трудом она сделала первый вздох. Лишь позже боль медленно начала отступать.

Джейни с усилием оперлась о землю, сплюнула пыль. Когда появились силы разжать щелочки глаз, прямо перед собой в нескольких дюймах Джейни увидела одну из близняшек.

— Хо-хо, — сказала та и резко дернула Джейни за запястье.

Джейни вновь зарылась в землю лицом. Инстинктивно подтянула колени. И немедленно заработала колкий удар по ноге. Метнувшись в сторону, она заметила между деревьев вторую близняшку. Та сжимала крошечными лапками доску от ящика.

— Хи-хи, — поприветствовала близняшка свою знакомую.

Джейни поднялась с земли, намереваясь показать такое «хи-хи»... Вооружившись палкой, она развернулась для удара. Но ее орудие рассекло пустоту. Перед Джейни никого не было.

— Хи-хи, — раздалось откуда-то сверху.

Джейни подняла голову. Две лукавые мордашки выглядывали из густой кроны дуба.

Стиснув зубы, Джейни подпрыгнула, уцепилась за ветку и полезла на дерево.

— Хо-хо, — послышалось издалека.

Она принялась озираться по сторонам, что-то заставило ее поглядеть через улицу.

Две крохотные фигурки, непринужденно болтая ногами, сидели на стене. Помахав ей рукой, обе исчезли.

Им же всего по три года, в изумлении подумала Джейни с высоты собственных лет. И потом...

значит, они прекрасно знали, кто двигал их костюмчики.

— Хо-хо... — проговорила она, не пряча более восхищения. Гнев угас. Еще четыре дня назад близнецы даже не могли достать до подоконника, были беспомощны перед наказанием. А теперь — гляди-ка.

Она спустилась с дерева и перешла через улицу. В вестибюле Джейни нажала сияющую медную кнопку под табличкой «Привратник».

— Кто трогал? Ты трогала? — громовые раскаты заполнили округу.

Подойдя поближе, она сложила губы, как делала мать, когда мурлыкала в телефонную трубку.

— Мистер Биддекомб, моя мать сказала, что я могу поиграть с вашими детьми.

— Она так сказала? Ну! — сняв с головы фуражку, привратник ударил ею о ладонь и снова надел. — Ну! Это хорошо... — И строго добавил: — А мать-то дома?

— О да, — отважно ответила Джейни.

— Тут подожди, — буркнул он и забухал ногами по лестнице в подвал.

Ждать пришлось минут десять. Близняшки, которых привратник вел за руки, глядели недоверчиво.

— И не разрешай им проказить. Смотри, чтобы обеи были одеты. И то, вишь, одежа им нужна, как мартышкам в лесу. Идите, дурехи, — и не уходить никуда, не сказавшись.

Близнецы опасливо приближались. Она взяла обе ладошки. Девочки заглядывали ей в лицо. Джейни направилась к лифтам, и они последовали за ней. Привратник добродушно ухмылялся вслед.

Вся жизнь Джейни переменилась. Настало время слияния, время общения, время стремящихся навстречу чувств. Для своих лет Джейни знала просто невероятное множество слов, хотя по большей части ей приходилось молчать. Близнецы не научились еще говорить. Оказалось, что их собственный словарик из писка и визга только сопровождал иной способ общения. Джейни заметила это, прикоснулась, и вдруг открылось и хлынуло. Мать боялась и ненавидела ее. А отец был далеко.

К ней обращались, но с ней не разговаривали. Здесь же лилась беседа, легкая, увлекательная. Без единого звука, только смех сопутствовал ей. Они молчали, сидели на корточках, одевали кукол. Джейни показала девочкам, как, сидя на ковре, доставать шоколадки из коробки в соседней комнате и как, не прикасаясь к подушке руками, подбросить ее к потолку. Им понравилось, но больше всего заинтересовали малышек краски и мольберт.

В них они видели нечто меняющееся и постоянное, сиюминутное и вечное. Каждое сочетание красок оказывалось неповторимым.

День скользил мимо тихо и плавно, как прибрежная чайка. Когда хлопнула дверь и послышался голос Вимы, близнята все еще были у Джейни.

— Вот и хорошо, вот и прекрасно, самое время немного выпить, — она сорвала шляпку, волосы рассыпались по плечам. Мужчина привлек ее к себе, сжал в объятиях, как видно, не рассчитав силу. Вима взвилась:

— У, дурак...

И тут она заметила троих девочек, выглядывавших из двери.

— Господи Боже, — выговорила мать, — теперь она натащила полный дом негритят!

— Ей-Богу, Пит, — обратилась она к мужчине, — ей-Богу, впервые вижу подобное в моем доме. Теперь ты подумаешь, что здесь всегда творится такое. Пит, я боюсь даже представить, что ты сейчас думаешь. Эй, немедленно гони их отсюда, — приказала она Джейни.

Джейни пошла к лифтам. Она глянула на Бони и Бини. Глазенки их округлились. Во рту Джейни сделалось сухо, как в пустыне, и ноги ее подгибались от страха. Погрузив близнят в лифт, она нажала нижнюю кнопку, даже не попрощавшись с ними.

Она медленно вернулась в квартиру и затворила за собой дверь. Мать соскочила с колен мужчины и, стуча каблуками, бросилась к дочери. Зубы ее блестели, подбородок был влажен. Она занесла над девочкой когтистую лапу — не руку, не кулак — пятерню с острыми когтями.

Что-то заскрежетало внутри Джейни. Словно зубы о зубы. Она шла вперед, не останавливаясь. Сложив за спиной руки, она задрала вверх подбородок, чтобы встретить взгляд матери.

Голос Вимы смолк, его словно ветром сдуло.

Обойдя ее стороной, Джейни направилась в свою спальню и спокойно прикрыла за собой дверь.

Зубы гостя коротко лязгнули о бокал. Вима направилась к нему через комнату, опираясь на мебель, как на костыли и подпорки.

— Боже, — пробормотала она, — у меня самой от нее мурашки по телу...

— Веселенькое у тебя здесь местечко, — отозвался гость.

Джейни лежала в постели, ровная, гладкая и аккуратная, как зубочистка. Девочка не помнила, где отыскала такую оболочку, покрывавшую ее целиком. Она знала: если не сбрасывать ее, то ничего не случится.

Но если случится, прозвучал голосок, ты переломишься.

Но если я не переломлюсь, ничего не случится, отвечала она.

Но если случится...

Ночные часы чернели, черные часы уходили в ночь.

Распахнулась дверь, вспыхнул свет.

— Он ушел. Теперь, детка, я с тобой разберусь. Убирайся отсюда! — Купальный халат Вимы задел за дверной косяк; развернувшись, она вылетела из комнаты.

Откинув одеяло, Джейни спустила ноги и, не вполне понимая причину, принялась одеваться. Надела платьице из шотландки, колготки, ту-

фельки с пряжками, фартучек с кружевными зайчиками. Завязки на кофточке напоминали пушистые короткие хвостики.

Вима сидела на кушетке и колотила по ней кулаком.

— Ты испортила весь мой празд... — она приложилась к бокалу, — ...здник, а, стало быть, имеешь право узнать, что я праздновала. — Вима помахала желтым листком. — Умные девочки знают, что это такое, это называется телеграмма, и вот что она говорит, слушай: «С прискорбием извещаем, что ваш муж...» Пристрелили твоего отца, вот что это значит. А теперь мы с тобой будем жить так. Я делаю все, что хочу, а твой нос будет направлен в другую сторону. Не правда ли, хорошо я придумала?

Она повернулась, ожидая ответа. Но Джейни не было. Вима знала, что поиски напрасны, но что-то все же заставило ее броситься в прихожую, к шкафу, заглянуть на его верхнюю полку. Кроме елочных игрушек, там ничего не было, да и к тем не прикасались уже три года.

Вима в растерянности стояла посреди гостиной.

— Джейни? — шепнула она.

Продд говаривал: «Хороший базар — будут деньги, плохой базар — будет харч». Впрочем, в его собственном доме этот принцип не соблюдался: контакты с рынком были сведены к минимуму.

Когда Продд был молод, на этом месте уже стояла небольшая ферма. Поженившись, он кое-что пристроил к дому — так, комнатенку. Дин спал в ней, но предназначалась она не для него.

Перемену Дин ощутил прежде, чем кто-либо другой, раньше самой миссис Продд. Вдруг ее молчание стало иным. Она исполнилась горделивого самосозерцания. Дин молчал и не делал никаких выводов, он просто знал.

Как и всегда, он принялся за работу. Руки его были умелыми, и Продд говаривал, что наверняка парень прежде работал на ферме.

В тот день, когда Продд спустился на южный луг, Дин, без устали размахивающий косой, уже знал, что тот хочет сказать. Он теперь все понимал без труда. Опустив руки, Дин направился к опушке и воткнул косу в подгнивший пенек. Тем временем он пытался совладать со своим языком, все еще толстым и неуклюжим.

Продд медленно следовал за ним.

Слова вдруг сами пришли к Дину.

— Я думал, — проговорил он и замолчал. Продд был рад отсрочке. Дин продолжил: — Я должен идти, — это было неточно, — идти дальше, — поправился он. Так уже лучше.

— Ну, Дин. Зачем... куда?

Тот поглядел на фермера.

— Потому что ты сам этого хочешь.

— Разве тебе плохо у нас? — произнес Продд, сам того не желая.

— Да, — отвечал Дин, читая в мыслях Продда: «Знает ли он?». Собственный разум отозвался: «Знает, конечно», — и вслух добавил: — Пришло время идти дальше.

— Хорошо. — Продд пнул камень. Повернулся, глянул в сторону дома, так, чтобы не видеть Дина, и тому сразу сделалось легче. — Когда мы поселились здесь, мы построили комнату... Джекову, твою, если хочешь, ту, в которой ты живешь. Мы с Ма зовем ее Джековой. А почему, знаешь?

«Да», — подумал Дин.

— Ну, раз ты... раз ты сам собрался от нас, все не так уж и важно. Джек — это наш сын, — он стиснул руки. — Я понимаю, со стороны все это выглядит просто смешным. Джек... мы так были уверены в нем, даже отвели ему комнату. А он, Джек... — Продд вновь глянул на дом, на пристройку, на лес, охватывавший усадьбу зубастым кольцом, из которого кое-где выдавались клыки скал, — так и не родился.

— Ах, — протянул Дин, словцо это он перенял у Продда.

— А теперь мы ждем его, — разом выдохнул Продд, лицо его просветлело. — Конечно, мы уже староваты, но я знавал папаш и постарше, мамочек тоже. — Он снова поглядел на дом, на амбар. — Все-таки это справедливо, Дин. Припозднился он, да. Сейчас был бы взрослый, работал со мной. Когда он вырастет, ни меня, ни Ма, понятно, уже здесь не будет, вот он и приведет маленькую женушку и начнет все сначала, как мы. Ну разве не справедливо? — голос его умолял, Дин не пытался понять его.

— Слышь, Дин, не думай, мы тебя не выставляем.

— Хорошо, — отвечал Дин, — с Джеком ясно, — он сдержанно кивнул. — Хорошо.

Следующая мысль Дина была такой: «Хорошо. С этим покончено». «С чем покончено?» — спросил он у себя самого.

Оглядевшись, он проговорил: «С косьбой». И только тут осознал, что после разговора с Проддом проработал более трех часов.

Рассеянно взяв брусок, он принялся править косу. Медленно проводя им вдоль лезвия, он извлекал из него то бульканье кипятка, то короткий вопль землеройки.

Он медленно водил по косе камнем. Пища, тепло и работа. Именинный пирог. Чистая постель. Чувство причастности. Он не знал этих мудреных слов, но чувствовал именно это.

Из леса раздался предсмертный крик какого-то зверя. Одинок охотник, одинока и жертва. Капает живица, спит медведь, птицы улетают на юг... все это происходит одновременно, не только потому, что все они — часть единого целого, но потому, что все одиноки перед лицом одного и того же.

И тогда он понял, что всегда был один. Все это время миссис Продд воспитывала не его. Глаза Ма видели Джека. Восемь лет он полагал, что нашел нечто, частью чего может считать себя и ошибался.

Гнев был ему незнаком. Теперь предметом внезапной ярости стал он сам. Разве не знал он об

этом? Разве имя такое принял, не понимая, что в сути имени воплощается все, чем был он и что делал. Один. С чего это вдруг он возмечтал об иных ощущениях?

Но должно же быть под солнцем нечто, частью чего он является.

Слышал, сынок? Слышал, парень?

Слышал, Дин?

Подобрав три свежескошенных длинных стебля мятлика, он переплел их. Потом воткнул косу в землю и прядкой травы примотал к рукоятке брусок — чтобы не свалился. И ушел в лес.

Было уже слишком поздно. В кустах, у подножия остролиста стало холодно и черно.

Она сидела на голой земле. Шло время, ноги заледенели. Рука ее не выпускала пушистый помпончик на кофточке — часа два назад Джейни еще гладила его и думала: как это, наверное, интересно — стать зайкой. Но теперь ей было уже все равно, что там в кулачке — пуговичка или заячий хвост.

Она решила попробовать, надолго ли сумеет задержать дыхание. Вдыхать все тише и тише, забыть вдохнуть... все тише и тише... забыть и про выдох. И теперь уже скорее не дышать, нежели дышать.

Ветер шелохнул ее юбку. Джейни смутно ощутила движение... далекое и незаметное.

Волчок внутри нее уже катался по полу ребром, все медленнее, медленнее и наконец, остановился.

...и медленно повернулся в обратную сторону... небыстро, недалеко... и остановился.

Но она покатилась сама, перекатилась на живот, потом на спину, и боль стиснула ноздри, забурлила в желудке содовой водой. Она задыхалась от боли, и спазмы эти были дыханием, а Джейни все дышала и наконец вспомнила себя. Она повернулась еще раз, и по лицу ее забегали какие-то крохотные зверьки. Они были реальны, она их ощущала. Зверьки пришептывали и ворковали. Джейни попыталась сесть, зверюшки забежали за спину, чтобы помочь. Голова ее упала на грудь, и она ощутила кожей теплоту собственного дыхания. Один из зверьков погладил ее по щеке. Протянув ладошку, она поймала его.

— Хо-хо, — проговорил зверек.

Нечто мягкое, крепкое и маленькое копошилось под другим ее боком, прижималось к телу. Гладкое и живое. И приговаривало: «хи-хи».

Обняв одной рукой Бони, а другой Бини, она зарыдала.

Дин вернулся, чтобы взять взаймы топор. Голыми руками ничего не сделаешь. Выбравшись из чащи, он заметил, как переменилась ферма. Прежде здесь каждый день был сумеречным, а тут ее словно вдруг озарило солнце. Цвета стали ярче, а запахи — дыма, травы и амбара — сильнее и чище. Кукуруза устремилась навстречу солнцу, да так, что страшно становилось за ее корни.

Достопочтенный пикап Продда пыхтел и подвывал у подножия склона. Машина гудела на оставленном под паром поле. Правое заднее колесо забуксовало в борозде, грузовичок сидел на задней оси. Продд пытался подложить под колесо ветки, орудуя рукоятью мотыги. Заметив Дина, он отбросил ее и рванулся навстречу, засияв, словно медный таз. Взяв Дина за плечи, Продд долгим взором оглядел его лицо.

— Боже, а я уже и не думал увидеть тебя, ты ушел так неожиданно.

— Тебе нужна помощь, — проговорил Дин, имея в виду грузовик.

Продд не понял.

— Ну, не знаю, — радостно отвечал он. — Ты вернулся, чтобы посмотреть, не нужна ли мне помощь? Ох, Дин, поверь, я прекрасно справлюсь и сам. Ты не думай, я ценю тебя. Просто последнее время у меня такое настроение. Столько дел, я хочу сказать.

— Садись за руль, — сказал Дин.

— Обожди, чтобы Ма увидела, — проговорил Продд, — все как в прежнее время. — Усевшись за руль, он нажал на педаль. Уперевшись спиной в кузов, Дин взялся за край его обеими руками и потянул. Кузов поднялся, насколько пускали рессоры, а потом и выше. Дин откинулся назад. Колесо обрело опору, и грузовик дернулся вверх и вперед — на твердую землю.

Выбравшись из кабины, Продд вернулся.

— Ну я-то знал, что ты прежде был фермером, — ухмыльнулся он. — Теперь не проведешь. Домкратом ты был, вот что.

Дин не улыбнулся в ответ. Он никогда не улыбался. Продд направился к плугу. Дин помог ему навесить петлю на крюк грузовика.

— Лошадь пала, — пояснил Продд. — Грузовик-то ничего, только иногда по полдня откапываю колеса. Надо бы завести другую лошадь. Да вот решил подождать, пока Джек заявится к нам. Завтракал?

— Да.

— Значит, добавишь. Сам знаешь, Ма ни тебе, ни мне не простит, если уйдешь голодным.

Завидев Дина, Ма крепко обняла его. В его груди что-то дернулось.

— Чем сейчас занимаешься, Дин?

— Работаю, — отвечал он и указал рукой. — Там, повыше. Я охочусь.

Со своего места Дин видел Джекову комнату, прежняя кровать исчезла. На ее месте появилась новая, коротенькая, чуть длиннее его руки, укрытая голубым шерстяным одеялом и кисеей.

Дин поел. Они долго сидели за столом, не говоря ни слова. Потом Дин ушел, попросив у Продда топор.

— Как ты думаешь, он не в обиде на нас? — беспокойно глянула в спину Дина миссис Продд.

— Он-то? — переспросил Продд. — Он не вернется сюда, даже если его упрашивать. Я, по совести, все время этого опасался, — он подошел к двери. — Слышь-ка, не берись за тяжести.

Джейни читала — медленно и разборчиво, чтобы близнецы поняли.

Они были счастливы.

Счастливы они были с того времени, как попали сюда.

Дом стал для них радостным открытием. Стоял он в несчетных милях от соседей, никто и никогда к нему не подходил. Этот большой дом возвышался на холме, посреди дремучего леса, и почти никто не знал о его существовании. От дороги его ограждала высокая стена, а от леса — высокий забор, под которым протекал ручей. Бони открыла этот дом случайно, когда все устали и решили поспать у дороги. Она проснулась первой, отправилась на разведку и увидела забор, он-то и привел ее к дому. Им пришлось затратить уйму времени, чтобы найти лазейку для Джейни.

В самой большой комнате была тьма тьмущая книг, нашлись и старые одеяла. В темном холодном погребе обнаружилось с полдюжины коробок овощных консервов. Возле дома серебрился пруд, купаться в нем было куда интересней, чем в ванных, почему-то лишенных окон. Было где играть в прятки. Нашлась даже комнатка с зарешеченными окнами и цепями, прикованными к стене.

Прежде Дина нисколько не волновало — есть возле него люди или нет. Теперь его внутренняя суть вновь жаждала одиночества. Но за восемь лет, проведенных на ферме, Дин успел отвыкнуть от жизни лесного зверя. Ему необходимо было укрытие. Земляная котловина под нависшей скалой, на которую он набрел, показалась ему вполне подходящей.

Сначала он ограничился элементарным: выбросил из пещеры валежник, чтобы можно было как следует улечься, и подвязал пару колючих кустов при входе, чтобы не поцарапаться о можжевельник. Шли дожди, ему пришлось выкопать сточную канавку и соорудить над головой что-то похожее на крышу.

Но время шло, и он все более увлекался благоустройством своего жилья. Натаскал веток, засыпал их землей и хорошо утоптал, — получился ровный пол. Вытащив из задней стенки шаткие камни, он увидел, что выемки образуют полки, куда войдут скудные пожитки.

Ночами он наведывался на фермы, широким кольцом окружавшие гору. Много за один раз он не уносил и никогда не возвращался туда, где уже побывал. Так он раздобыл морковь, картошку, десятипенсовые гвозди и медную проволоку, сломанный молоток и чугунок. Однажды Дин подобрал кусок свинины, свалившийся с повозки, и припрятал его. А вернувшись после следующей вылазки, обнаружил, что в гостях у него побывала рысь. Этот случай навел его на мысли о стенах, потому-то он и вернулся за топором. Скоро нехитрая хижина с индейским очагом была готова.

Он как раз подыскивал недостающие камни для очага, когда нечто невидимое коснулось его. Он дернулся, словно от ожога, и спрятался за деревом, затравленно озираясь.

Он уже давно утратил прежнюю, ненужную теперь чуткость к зову детей. Владение речью вытеснило это чувство.

Теперь кто-то звал его, звал, словно дитя. Дальний клич был едва различим, но невыразимо знаком. Призывная мольба гнала Дина сильнее жгучего кнута, сокрушительных пинков и грубых воплей.

Ничего поблизости не обнаружив, он медленно выбрался из-за дерева и возвратился к камню, который перед этим раскачивал. Еще с полчаса он отрешенно трудился, не позволяя себе прислушаться к зову. Но что-то настойчиво влекло его.

Он поднялся, словно сомнамбула, и пошел на зов. Чем дальше он уходил, тем решительнее становился призыв, и тем более властной становилась его сила. Так Дин шел целый час, шел прямо, не сворачивая, не огибая препятствий, переступая через валуны и поваленные деревья, продираясь сквозь чащу. Он уже почти впал в транс, когда голова его ткнулась в железные прутья забора. Перед глазами побежали круги. Когда сознание прояснилось, он чуть было не потерял его вновь: Дин узнал «то» место!

На миг им овладела твердая решимость — немедленно покинуть это страшное место. Но тут он услышал голос ручья...

Там, где вода уходила под забор, он нагнулся, отыскивая ту самую брешь. Ничто не изменилось.

Дин попытался заглянуть в щель, но мощные заросли остролиста сделались еще гуще. До него не доносилось ни звука... Только призрачный зов... Он был испуганным, встревоженным, молил о помощи.

Может быть, холодная вода помогла. Разум Дина вдруг сделался ясным, как никогда прежде. Глубоко вдохнув, он нырнул и оказался по ту сторону забора. Осторожно прислушиваясь, он спрятался в воду, выставив только нос. Таким манером он начал медленно передвигаться и наконец увидел...

На берегу сидела маленькая девочка лет шести в порванном платье из шотландки. Заостренное, недетское лицо осунулось от забот. Осторожность его оказалась напрасной: девочка глядела прямо на него.

— Бони! — резко выкрикнула она.

Ничего не произошло.

Он остановился, а она следила за ним, все еще с беспокойством. Он понял природу этого зова: тревога. И все же девочка не сочла его появление достаточно важной причиной, чтобы отвлечься от своих мыслей.

Впервые в жизни он ощутил прилив гнева и разочарования. Впрочем, ощущение сменилось волной облегчения, как будто он сбросил с плеч сорокафунтовый рюкзак, проносив его сорок лет. Он не знал, не догадывался о тяжести, лежавшей на плечах его.

Подобно огромному раку, Дин попятился назад под забор. Выбравшись из ручья, он отправился назад.

Он возвращался в свое убежище, обливаясь потом под тяжестью восемнадцатидюймовой ка-

менной плиты на плече, и от усталости забыл о привычной осторожности. Проломившись сквозь кусты на крохотную прогалину перед своей дверью, он остолбенел.

Прямо перед ним сидела на корточках голенькая малышка лет четырех.

Она подняла глаза, и в глазах ее — что там — по всему темному лицу запрыгали веселые искорки.

— Хи-хи! — радостно зазвенела она.

Он нагнул плечо и дал камню съехать на землю.

Девочка совсем ничего не боялась. Она опустила глаза и вернулась к своему занятию: по-заячьи захрустела морковкой.

Мелькнувшая тень привлекла его внимание. Из щели между бревнами выползла еще одна морковка, за ней последовала третья.

— Хо-хо. — Он глянул вниз, перед ним сидели уже две маленькие девочки.

По сравнению с прочими Дин имел одно весьма важное преимущество; сомнения в целости собственного разума не могли прийти ему в голову. Нагнувшись, он поднял ребенка, но не успел распрямиться, как девочка исчезла прямо из его рук.

Другая оставалась на месте. Обворожительно улыбнувшись, она запустила зубы в новую морковку.

Дин спросил ее:

— Что делаешь? — Голос его был неверен и груб, как у глухого.

Девочка перестала есть и с открытым ртом уставилась на него.

Он опустился на колени. Девочка глядела ему прямо в глаза, в те самые глаза, что некогда приказали человеку убить себя, те самые, что много раз безмолвно заставляли встречных кормить его. Он не чувствовал ни гнева, ни страха, только желание, чтобы она посидела на месте.

Наконец он потянулся к ней. Девочка хрумкнула морковкой и тут же исчезла.

Дин был переполнен удивлением — несвойственным ему чувством. Но недолго. Пора было готовить ужин.

Он заканчивал трапезу и совсем уж было забыл о случившемся, как резкий стук в дверь заставил его буквально подскочить на месте, настолько неожиданным был здесь подобный звук.

В дверном проеме стояла девочка в платьице из шотландки. Волосы причесаны, лицо умыто. С изящной непринужденностью она держала в руках предмет, издали казавшийся дамской сумочкой, но, приглядевшись, в нем нетрудно было признать тиковый ящичек из-под сигарет, к которому четырехдюймовыми гвоздями вместо ручки была приколочена тесемка.

— Добрый вечер, — вежливо выговорила она, — я проходила мимо и решила заглянуть. Значит, вы дома?

Юная, но вконец обнищавшая светская дама, пытающаяся прокормиться визитами, казалась чистой пародией, впрочем, абсолютно непонятной для Дина. И он вернулся к еде, не отводя глаз от лица девочки. За ее спиной из-за краешка двери вдруг вынырнули головки обеих темнокожих девчушек.

Ноздри и глаза ребенка были обращены к горшку с варевом. Девочка буквально пожирала его глазами. Потом вдруг зевнула.

— Прошу прощения, — чопорно выговорила она. А затем откинула крышку ящика для сигарет, достала из него белую тряпочку, быстро сложила ее, но все же не настолько, чтобы нельзя было понять, что это мужской носок, и промокнула ею губы.

Встав с места, Дин поднял полено, осторожно уложил его в очаг и вновь сел. Девочка сделала шаг вперед. Две другие последовали за нею и парой оловянных солдатиков на карауле замерли возле двери. Их лица выражали ожидание. Теперь девочки были одеты. На одной были полотняные дамские штанишки, на второй красовался тяжелый шерстяной фартук, обрезанный на уровне лодыжек неровной и растрепанной бахромой.

Дама, приглашенная на коктейль, девочка приблизилась к котелку и, бросив Дину крохотную улыбку, спросила, потупив глаза и протянув к котелку большой и указательный пальцы:

— Можно мне?..

Выпрямив ногу, Дин подгреб котелок поближе к себе. Поставил сбоку, подальше от девочки, и устремил на нее остановившийся взгляд.

— А ты — вонючий сукин сын, — заявила девчонка.

Дину эти слова тоже ничего не говорили. Он бесстрастно глядел на девочку, не забывая придерживать котелок.

Глаза гостьи сузились, лицо покраснело. Она вдруг заплакала.

— Ну, пожалуйста, — сказала она, — я голодна. Мы хотим есть. Мы съели все, что было в банках. — Голос ее упал, и она прошептала. — Пожалуйста, я прошу тебя, а?

Две ее подруги внимательно глядели на нее. Лица их выражали безмолвное разочарование, и их несчастные мордашки ранили Джейни куда больше, чем его безучастный взгляд. Она, добытчица, подвела их, и они не скрывали обиды.

Он сидел с теплым горшком на коленях, глядел через дверь в сгущающиеся сумерки. Перед внутренним взором его вдруг предстала миссис Продд с дымящейся сковородкой. Куски ветчины перемежались желтыми глазками яичницы; она приговаривала: «Садись-ка, садись, поужинай». Чувство, которому он не знал имени, перехватило горло, протянувшись откуда-то из солнечного сплетения.

Шмыгнув носом, он потянулся к чугунку, выловил из него половину картофелины и уже нацелил на нее рот. Но рука не слушалась. Медленно склонив голову, Дин поглядел на картофелину, словно бы не узнавая, что это такое и зачем существует.

Охнув, он выронил картофелину в чугунок, гулко поставил его на пол и вскочил на ноги.

Упершись руками в дверной косяк, он хриплым невыразительным голосом выдавил:

— Погодите!

Кукурузу давно уже следовало убрать, но она еще стояла в поле. То тут, то там желтели переломленные стебли, разведчики-муравьи оглядывали их и разбегались, разнося слухи. На другом поле застрял грузовик, из сеялки высыпалась озимая пшеница. Не было видно дымка над трубой фермы, и лишь покосившаяся амбарная дверь гулко аплодировала, злорадно приветствуя несчастье.

Дин подошел к дому, поднялся на приступку. Продд восседал на качелях, которые не качались, потому что порвались цепи. Глаза его были полуприкрыты.

— Привет, — проговорил Дин.

Продд шевельнулся, поглядел Дину в лицо. Никаких признаков узнавания. Потом опустил взгляд, подвинулся назад, чтобы распрямиться, и принялся бесцельно ощупывать грудь, нашел подтяжки, потянул, отпустил.

— А, Дин, мальчик мой! — наконец вымолвил Продд. Слова знакомые, но голос похож на изломанные конные грабли. Просияв, фермер поднялся, подошел к Дину и занес уже кулак, чтобы дружелюбно грохнуть тому в плечо... и вдруг забыл о своем намерении. Кулак повисел-повисел и, повинуясь закону тяготения, опустился.

— Кукуруза готова, — проговорил Дин.

— Да-да, знаю, да, — не то вздохнул, не то ответил Продд, — Вот займусь ею. Справлюсь и сам. Так или сяк, а до первых заморозков всегда чего-нибудь да не успеваешь. А вот дойки ни одной не пропустил, — горделиво добавил он.

Глянув в дверной проем, Дин впервые увидел в кухне грязные тарелки и стаи мух.

— Младенец пришел, — проговорил он, припомнив.

— Да. Такой парень, ну прямо как... — и фермер снова словно позабыл, что намеревался сказать. Слова застыли и повисли, как тот кулак.

— Ма! — вдруг вскрикнул он. — Собери-ка мальчику перекусить, быстренько! — потом смущенно обернулся к Дину. — Там она, — сказал он, указывая пальцем. — Если кричать громче, глядь, и услышит.

Дин посмотрел туда, куда указывал Продд, но ничего не увидел. Поймал взгляд фермера и погрузился в него, изучая. Отпрянул невольно и потом лишь понял, что таилось в этих глубинах.

— Принес твой топор.

— О, хорошо, хорошо. А, впрочем, можешь подержать еще.

— У меня уже есть. Убрать кукурузу?

Продд затуманенным взором взглянул в сторону поля.

— Дойки не пропустил, — рассеянно пробормотал он.

Оставив его, Дин отправился в амбар за крюком для початков. Нашел. А еще увидел, что корова сдохла. Отправившись на поле, он принялся собирать урожай. Спустя некоторое время на другом конце поля появился Продд и изо всех сил навалился на работу.

Было уже за полдень, когда они сняли все початки. Продд отлучился в дом, и минут через двадцать показался с кувшином и целой тарелкой бутербродов. Хлеб был черствый, а тушеная говядина явно происходила из запаса «про черный день» миссис Продд. На теплом лимонаде покачивались дохлые мухи. Дин вопросов не задавал. Присев на край поилки, они поели.

Потом Дин отправился к полю, оставленному под пар, и извлек увязший грузовик. Продд поспел вовремя, чтобы усесться за руль. Остаток дня ушел на посев, Дин засыпал семена в сеялку и еще четыре раза помогал вытаскивать засевший грузовик, старательно попадавший во все новые ловушки. Покончив с этим, Дин жестом отправил Продда к амбару, где тот нацепил на рога коровы веревку, потом грузовиком дотащил тушу до опушки. Поставив наконец на ночь машину в сарай, Продд проговорил:

— Эх, жаль, кобылы нет.

— А говорил, что не жалеешь о ней, — бестактно напомнил Дин.

— Знать бы заранее, — Продд повернул к дому и улыбнулся, припоминая. — Да, меня тогда ничего не беспокоило, ничего, понимаешь. — Все еще улыбаясь, он обернулся к Дину и продолжил: — Пойдем-ка в дом. — И весь обратный путь улыбка не исчезала с его лица.

Вошли они через кухню, заваленную старой утварью. Часы стояли. Улыбаясь, хозяин проговорил.

— Ну, парень, пошли в Джекову комнату. Глянь на него.

Дин подошел и заглянул в плетеную колыбель. Кисея была порвана, от влажной голубой шерсти распространялось зловоние. Гвоздики глаз, кожа горчичного цвета, короткая иссиня-черная щетина на голове. Ребенок с шумом дышал.

Выражение лица Дина не переменилось.

Улыбаясь, Продд вывел Дина из Джековой комнаты и прикрыл за собой дверь.

— Ну, видел, что это не Джек. Вот Ма и ушла разыскивать настоящего Джека. Другого-то ей не надо. А тот, что в кроватке — это монголоид, так нам доктор объяснил. Пусть живет, вот вырастет раза в три и доживет до тридцати лет. А если отвезти в город, на лечение к специалисту, вырастет в десять раз. — Он улыбался. — Так говорил доктор. Не закапывать же его в землю, так ведь? Ма — дело другое, она так любила цветы...

Дин погрузил свой взгляд в глаза Продда.

И увидел то, что нужно было фермеру, хотя сам он даже не догадывался об этом. И Дин сделал необходимое.

Потом они вместе с Проддом убрались в кухне, забрали и сожгли колыбельку и заботливо подшитые пеленки, сделанные из старых простыней, новую ванночку, а с ней и целлулоидную погремушку, голубые фетровые ботиночки с белыми помпонами в коробке с прозрачным верхом.

Продд приветливо помахал ему на прощание:

— Подожди-ка, вернется Ма, так набьем тебе брюхо блинами, что лопнешь...

— Запомни: починить дверь амбара, — проскрежетал Дин.

И затопал со своей ношей по склону в лес. Его одолевали немые думы, не укладывавшиеся в слова и картинки. О детях. О Проддах. Одно дело Продды, они приютили его не без причины, теперь он знал, почему они так сделали. Но тогда он был один, теперь у него завелись эти девочки. Незачем возвращаться сегодня к Продду. Но сегодняшние мысли твердили — надо вернуться.

Один. Один Дин, один. И Продд теперь стал один, и Джейни одна, и близнецы... Хорошо, пусть их двое, но они — просто две половинки одного существа. А он, Дин, так и остался в одиночестве, пусть девочки и рядом.

Может быть, Продду не было одиноко с женой. Как знать... Но ему, Дину, в целом мире не сыскать своего подобия, разве что внутри себя самого. Весь мир отверг его, разве это не так? Даже Продды, когда дело дошло до ребенка. И Джейни отвержена, и близнецы — так она сама говорила.

Забавно, думал Дин, как чужая судьба помогает примириться с собственным одиночеством.

Ночная тьма уже запестрела солнечными зайчиками, когда он добрался домой. Коленом отворил дверь и вошел внутрь. Джейни разрисовывала старую фарфоровую тарелку, разводя грязь слюнями. Близнецы сидели в нишах под потолком и перешептывались.

— Что это? Что ты принес? — Джейни сорвалась с места.

Дин аккуратно уложил свою ношу на пол. Возле нее по бокам мгновенно выросли близнецы.

— Младенец, — проговорила Джейни и повернулась к Дину. — Такого уродливого я еще не видала.

Дин ответил:

— Ничего. Дай ему поесть.

— А что он ест?

— Не знаю, — отвечал Дин. Тебе лучше знать.

— А где ты его взял?

— Там, на ферме.

— Значит, ты теперь похититель младенцев, — проговорила Джейни.

— Что такое «похититель младенцев»?

— Человек, который крадет детей. И когда там узнают обо всем, придет полисмен и застрелит тебя, а потом посадит на электрический стул.

— Нет, — с облегчением ответил Дин. — Только хозяин знает, но я устроил, чтобы он все позабыл. А Ма умерла, он и об этом не знает. Он будет думать, что она уехала на восток, и ожидать ее. Так или иначе, накормить его надо.

Он стянул куртку. Девчонки затопили очаг. Младенец тяжело пыхтел, открыв тусклые глаза. Подойдя к очагу, Джейни задумчиво поглядела на котелок. Наконец полезла в него ложкой и принялась наполнять жестянку из-под консервов.

— Нужно молоко, — не отрываясь от дела, объявила она. — Тебе, Дин, придется теперь таскать для него молоко. Ребенок — не кошка, ему много молока нужно.

— Хорошо, — отозвался Дин.

Близнецы, сверкая белками глаз, следили за тем, как Джейни вливала бульон в вяло открывавшийся рот ребенка.

— Внутрь тоже попадает, — отметила она.

— Разве что через уши, — отозвался Дин, руководствуясь одним только внешним впечатлением и вовсе не собираясь шутить.

Потянув за рубашонку, Джейни посадила младенца, теперь ушам и шее доставалось меньше, однако едва ли хоть что-нибудь попадало в рот.

— Ну-ка, попробую! — вдруг проговорила Джейни, словно отвечая кому-то незримому. Близнецы захихикали. Отставив банку на несколько дюймов от лица малыша, Джейни сощурилась. Тот немедленно поперхнулся, пуская изо рта бульон.

— Еще не совсем так, как надо, но я справлюсь. — сказала Джейни.

Она старалась еще с полчаса, наконец ребенок уснул.

Однажды вечером Дин поглядел на них, а потом легонько ткнул Джейни ногой.

— Что это там делается?

Она поглядела вверх.

— Он с ними говорит.

Дин задумался:

— Когда-то и я умел это делать. Слышать детей.

— Бони говорит, что это умеют все малыши. Ты просто был маленьким. А наш Малыш, он как сложительная машина.

— А что такое сложительная машина?

С преувеличенной снисходительностью Джейни ответила:

— Если у тебя есть три цента и еще четыре, а потом пять центов, семь и восемь... Сколько это будет всего?

Дин пожал плечами.

— А когда у тебя есть сложительная машина, ты нажимаешь кнопку «два», потом «три», потом все остальные кнопки — и машина говорит, что получилось.

Медленно перебрав все слова, Дин кивнул. Потом махнул в сторону оранжевой корзины, служившей теперь колыбелью Малышу.

— Где у него кнопки?

— Вместо кнопок — слова, — терпеливо объясняла Джейни. — Ты что-нибудь говоришь Малышу, потом еще что-то говоришь, а он складывает и отвечает, что получилось. Ну, как сложительная машина — к одному прибавляет два и...

— Хорошо, но что ему нужно говорить?

— Что угодно, — она поглядела на Дина. — Ты у нас просто дурашка. Мне приходится по четыре раза объяснять тебе всякий пустяк. Слушай: если

тебе нужно будет что-то узнать, ты скажешь мне, я — Малышу, а он получит ответ и сообщит близнецам, они снова мне, и я, наконец, тебе... Что бы ты хотел сейчас узнать?

Дин глядел в огонь.

— Не знаю, мне ничего не хочется.

— Ну хорошо, придумай какую-нибудь ерунду.

Без малейшей обиды Дин принялся размышлять.

— Предположим, у меня есть грузовик, — через полчаса вымолвил Дин, — он все время застревает в поле, земля там вся в рытвинах. Я хочу сделать так, чтоб он больше не застревал. Малыш может мне сказать, как это сделать?

— Я же говорила тебе, он может все, — резко бросила Джейни и повернулась к Малышу. Тот, как всегда, тупо глядел вверх. Потом глянула на близнецов.

Ответ был таков: надо, чтобы грузовик был тяжелым на твердой земле и очень легким на мягкой...

Джейни чуть не объявила забастовку, но Дин настаивал, и, когда были подведены дневные итоги, оказалось, что способ такой существует, однако не может быть выражен словами, находившимися в распоряжении Джейни и Дина. Джейни говорила, что все это как-то связано с радиосигналами и, руководствуясь этой нитью, следующей же ночью Дин утащил из радиомастерской целую кипу книжек. Несколько дней девочка просматривала основы электроники и радиотехники. Тексты ничего ей не говорили, но Малыш явно усваивал их быстрее, чем она успевала перелистывать страницы.

В конце концов нашелся удовлетворивший Дина результат — доступный и простой. Надо было снабдить грузовик рукояткой: повернешь влево — грузовик становится легче, вправо — тяжелеет. Другое простое приспособление добавляло мощности передним колесам.

И Дин с помощью девочек сделал такое устройство. Он совершил невозможное, чтобы выручить старика, который когда-то научил его простым вещам, а теперь свихнулся от горя.

Добравшись до грузовика, Дин сел и потянул на себя ручку. Рама со скрежетом, словно на цыпочках, приподнялась. Он повернул рукоятку вперед. Грузовик ухнул на переднюю ось с глухим стуком, от которого у Дина закружилась голова. Он с восхищением поглядел на коробочку с переключателем и перевел его в нейтральное положение. Потом оглядел все прочие устройства, которыми был снабжен грузовик, провел рукой по приборной доске и вздохнул.

Это сколько же надо ума, чтобы водить грузовик!

Дин выбрался из кабины и отправился будить Продда. Того не оказалось дома. Ветерок раскачивал кухонную дверь, вокруг на приступке валялись осколки вылетевшего из нее стекла. Под умывальником строили гнездо осы. Пахло грязными половицами, плесенью, сыростью. Впрочем, обстановка почти не изменилась. Единственным новым предметом — кроме осиного гнезда — оказался листок бумаги, пришпиленный к стене. На нем было что-то написано. Дин снял его, соблюдая все предосторожности, разгладил на кухонном столе и дважды перевернул. Потом сложил и убрал в карман. И снова вздохнул.

Эх, если бы хватило ума научиться читать!

Дин вышел из дома, не оглядываясь, и растворился в лесу. Он больше не возвращался сюда, оставив грузовик печься на жарком солнце, разрушаться, медленно ржаветь рядом с блестящими и прочными кабелями странного серебристого цвета. Впитывавшее неистощимую энергию медленного распада атомных ядер, устройство это решало задачу полетов без крыльев, открывало новую эру в развитии транспорта, в технологии материалов. Сделанный руками идиота, по идиотской задумке предназначенный заменять павшую лошадь, брошенный по-дурацки и глупо забытый, первый антигравитационный генератор Земли ржавел на заброшенном поле.

«Дорогой дин я ушел отсюда потому что не знаю почему я здесь так долго крутился. Ма вернулась Вильмспорт пенсильвания и была ушедши уже давно, а я устал ждать ее. Я хотел продать грузовик чтобы выручить деньги но он увяз так что я не могу повезти его в город. И теперь я ухожу куда-то далеко пока не найду Ма. А ферма мне надоела. Бери себе все что хочешь если что нужно. Ты был хорошим парнем хорошим другом прощай Бог благословит тебя.

Старый друг. Е.Продд».

В течение трех недель Джейни четырежды читала Дину это письмо, и с каждым новым прочтением что-то добавлялось в бродильные дрожжи, бурлившие в его душе.

Он полагал, что один только Продд связывает их с внешним миром, и что детишки, как и он, просто отбросы, извергнутые человечеством. Потеря Продда — а он с непоколебимой уверенностью знал, что никогда его не увидит — значила потерю надежды на жизнь. По меньшей мере, это была потеря всего осознанного, целенаправленного, того, что приподнимало их жизнь над существованием растений.

— Спроси Малыша, кто такой «друг».

— Он говорит: тот, кто любит тебя, даже когда плохо поступаешь.

Но Продд и жена его изгнали Дина, когда он стал мешать им, а значит, готовы были на это и в первый, и во второй, и на пятый год их знакомства... в любой момент. Нельзя сказать, что становишься частью чего-то, если это самое всегда готово отделаться от тебя. Но друзья... может быть, на какое-то время он им разонравился, а вообще-то они любили его?

— Спроси Малыша: можно ли стать частью того, что любишь?

— Он говорит: только если любишь и себя, и другого.

Годами Дин жаждал вновь пережить то, что

случилось там, на берегу пруда. Он должен был понять, что там произошло. И если он сумеет постичь свершившееся, перед ним откроется мир. На секунду та, иная жизнь и он соединились потоком, который нельзя было ни преградить, ни остановить. Они обошлись без слов, которые ничего не значат, без мыслей, что не имеют значения. Это было слияние.

Кем он тогда был? Как говорила Джейни?

Идиот. Просто фантастический идиот.

Идиот, пояснила она, это взрослый, который способен слышать безмолвные речи детей. Тогда... с кем же он сливался тогда, в тот давний и страшный день?

— Спроси Малыша, как назвать взрослого, что умеет говорить, как младенец.

— Он говорит — невинным.

Он был идиотом и понимал без слов, а она, невинная, умела говорить на детском языке.

— Спроси Малыша, что случается, если идиот и невинная окажутся рядом.

— Он говорит: как только они соприкоснутся, невинная потеряет невинность, а идиот перестанет быть идиотом.

Дин задумался. Потом он спросил у себя: «Что же так прекрасно в невинности?» Ответ был скор, почти как у Малыша: «Ожидание — вот что прекрасно в ней».

Идиот тоже все время ждет. Ждет, что перестанет быть идиотом. Но как же мучительно его ожидание. Так значит, это расплата за слияние?

Впервые за долгое время Дин ощутил покой. Боль, многодневная мучительная боль потери улеглась, получив свое оправдание. Пришло понимание, что, когда он потерял Проддов, боль того не стоила.

«Что я делаю? Что делаю? — в тревоге метались мысли. — Все пытаюсь понять, кто я и частью чего являюсь... Не оттого ли, что я отвержен, несуразен, да что там, просто уродлив?»

— Спроси Малыша, как назвать человека, который все время пытается понять, кто он и откуда.

— Он говорит: такое о себе может сказать всякий.

— Всякий, — прошептал Дин, — а, значит, и я?

Минуту спустя он повторил:

— Какой еще всякий?

— Подожди. Он не может сказать... э... ага, он говорит, что он, Малыш, это мозг, я — тело, близнецы — руки и ноги, а ты — воля. Он говорит, что «Я» относится ко всем нам.

— Значит, я принадлежу тебе и им, и ты тоже — моя часть.

— Ты наша воля, глупый.

Дину казалось, что сердце его вот-вот разорвется.

— Мы еще вырастем, Малыш. Мы ведь только что родились.

— Он говорит: не при тебе. Мы способны буквально на все, но мы ничего не сумеем. Да, вместе мы — существо, это так, но это существо — идиот.

Так Дин познал себя, и подобно горстке людей, сумевших сделать это прежде него, понял, что не на вершине горы стоит он, а у каменистого и неприветливого подножия.

Часть вторая

Малышу — три

Я, наконец, отправился поговорить с этим Стерном. Он поглядел на меня поверх стола, мигом окинув взглядом с головы до ног, взял карандаш и пригласил:

— Присаживайся, малыш.

Я остался стоять, пока он вновь не поднял глаза. Тогда я сказал:

— Ну а влети сюда комар, ты и ему скажешь: присаживайся, малыш?

Он положил карандаш и улыбнулся. Улыбка была такая же острая и быстрая, как взгляд.

— Прости, ошибся, — проговорил он.

Так было уже лучше, но я все еще кипел:

— К вашему сведению, мне пятнадцать.

Он вновь улыбнулся и сказал:

— О'кей.

Тогда я приблизился и сел.

— Как твое имя?

— Джерард.

— Имя или фамилия?

— И то и другое одновременно. И еще: не надо спрашивать меня, где я живу.

Он положил карандаш.

— Ну, так мы далеко не уйдем.

— Это зависит от тебя. В чем дело? Ты беспокоишься об оплате? — Я достал тысячедолларовую бумажку и положил ее на стол. — Счет выставлять не придется. Сам следи за суммой. Израсходуется — скажешь, и я принесу еще. Так что мой адрес ни к чему.

Он скрестил руки.

— Я так дел не делаю, ма... извини, Джерард.

— Джерри, — сказал я. — Делаешь, раз ты согласился иметь дело со мной.

— Откуда ты взял тысячу долларов?

— Выиграл пари.

— Ну хорошо, — кивнул он.

— Прежде чем мы начнем... если до того дойдет, — сказал я, — мне нужно кое-что выяснить. Все, что ты услышишь, пока работаешь на меня, останется между нами, как у священника или адвоката, не так ли?

— Так, — подтвердил он.

— Что бы ты ни услышал?

— Что бы я ни услышал.

Он говорил, а я не отводил от него глаз. И поверил.

— Можешь взять деньги, — проговорил я. — Начнем.

Он не стал этого делать, а сообщил:

— Заниматься такими вещами — не конфеты есть. Тебе придется помогать мне, и если ты не сумеешь — мои усилия окажутся бесполезными.

Незачем вваливаться к первому же психотерапевту, чей телефон ты нашел в справочнике, и требовать от него слишком многого.

Я ответил устало:

— Тебя я отыскал не по книге и уверен, что ты как раз тот, кто мне нужен. Я уже перебрал с дюжину охотников за головами, прежде чем решил обратиться к тебе.

— Благодарю, — отвечал он с сарказмом. — Значит, перебрал, говоришь? И каким же способом?

— С помощью глаз и ушей. И вообще, давайка положим этот вопрос рядом с моим адресом.

Впервые он удостоил меня проницательного взгляда. А потом взял банкноту.

— С чего начнем? — спросил я.

— Мы начали, едва ты вошел.

Выдвинув ящик стола, Стерн извлек из него почерневшую трубку. Понюхал ее, повертел в руках, не отводя от меня глаз.

— Тебе известно хоть одно из толкований сущности психиатрии? Ну, например: психиатрия имеет дело с луковицей, которую представляет собой индивидуальность, и снимает с нее слой за слоем, пока не доберется до крошечного ядрышка — чистого «эго». Или другое: психиатрия, как нефтяная скважина — буришь вниз, вбок, снова вниз, пока не попадется богатый пласт. Или третье: психиатрия выхватывает горсточку сексуальных мотиваций, бросает их на детский бильярд твоей жизни и смотрит, как шарики разбегаются по гнездам, ударяясь в разные штырьки. Продолжать?

Пришлось усмехнуться:

— Последнее, пожалуй, получше.

— Похуже... А вообще-то все они так себе. Упрощенное представление о невероятно сложном объекте. Могу заверить тебя лишь в одном: что с тобой неладно, не знает никто, кроме тебя самого. И как лечить, тоже никто не ведает, кроме тебя же, так что если причина найдется, только ты один сумеешь справиться с ней.

— А зачем тогда нужен ты?

— Чтобы слушать.

— Стало быть, приходится платить такие деньги только за то, чтобы меня выслушали.

— Именно. Но ты сам понимаешь, что слушаю я избирательно.

Он помолчал, а потом спросил неожиданно:

— Так какие же тайны заставляют тебя требовать моего молчания?

— Хочу выяснить, почему я убил человека, — произнес я непринужденно.

Его это нимало не смутило:

— Ложись сюда.

Я встал:

— На кушетку?

Он кивнул.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Э... пятнадцать.

— Э... пятнадцать, — повторил он. — Что значит «э»?

— Ничего.

— Когда я спросил, тебе пришло в голову другое число. Ты подменил его цифрой пятнадцать.

— Ничего я не подменял! Мне и в самом деле столько!

— Не сомневаюсь, — терпеливо продолжил он. — Какое это было число?

— Пятнадцать мне, — с негодованием повторил я и добавил: — Но мне не нравится быть только пятнадцатилетним. Ты знаешь это. Я не хочу утверждать, что мне только пятнадцать.

Он все еще ждал, не говоря ни слова.

Я признал поражение:

— Число это было восемь.

— Прекрасно, — с кротостью отвечал он, заставляя меня устыдиться собственной дурости.

Я откинулся на спину и закрыл глаза.

«Восемь, — думал я, — восемь».

— Холодно, — пожаловался я.

Восемь лет, еды нет, куча бед. Ел казенные харчи и всех ненавидел. Не люблю вспоминать это время... Я открыл глаза. Потолок оставался серым. Правильно. Стерн позади меня чистил трубку. Тоже правильно. Я глубоко вздохнул, второй раз и третий, потом закрыл глаза. Восемь. Восемь лет. Восемь бед. Годы-уроды. Голод-холод. Тьфу! Я вертелся на кушетке, пытаясь отогнать холод.

Заворчав, я прогнал из головы и восьмерки, и все, что стояло за ними. Осталась одна чернота. Но она не могла оставаться в покое. Изобразив огромную светящуюся восьмерку, я повесил ее посредине. А она легла на бок, кольца ее засветились. Словно в движущихся картинках, которые показывают через бинокуляры. Я собирался хорошенько подумать, нравится ли мне вся эта возня.

И вдруг я сразу сломался, и прошлое снова накатило на меня. Бинокль начал приближаться, и я очутился там.

Восемь — бросим, голод — холод. Голодно и холодно, как сучке в грязючке. Грязючка была в канаве, а канава возле железной дороги. Прошлогодний бурьян кололся. Земля побурела, была твердой, как цветочный горшок. Твердая, припорошенная инеем, холодная, как зимнее утро, занимавшееся над горами. По ночам в чужих домах зажигались теплые огоньки. Днями солнце, наверное, гостило тогда у кого-то, так что мне его вовсе не доставалось.

И я умирал в этой канаве, вечером она казалась мне подходящим местом для ночлега, не хуже любого другого, утром же в ней оставалось лишь помереть. Не хуже, чем где бы то ни было. Нисколько не хуже. Восемь лет, во рту приторный вкус бутерброда со свиным жиром, кем-то выброшенного на помойку, и ужас... как бывает, когда крадешь джутовый мешок и вдруг слышишь шаги за спиной.

Шаги-то я и услышал.

Я лежал, свернувшись калачиком, и мгновенно перевернулся на живот... иногда тебя без разгово-

ров бьют прямо под дых. Закрыл голову руками, на большее я уже не был способен.

Спустя некоторое время, не шевелясь, я поглядел вперед. Возле головы вырос внушительных размеров ботинок. Из него торчала лодыжка. Рядом с ним появился второй. Не то, чтобы я чего-то боялся. Просто было стыдно так вляпаться. За все проведенные мною на воле месяцы им так и не удалось поймать меня. Даже подобраться поближе, а тут... И со стыда я заплакал.

Ботинок ткнул меня, легонько, не ударяя. Перевернул лицом вверх. Я так закоченел от холода, что перекатился, как чурбачок. Только прикрыл руками лицо и голову и зажмурил глаза. Слезы по какой-то причине высохли. Мне кажется, стоит плакать, лишь когда есть надежда на помощь.

Но ничего не произошло, и я вновь приоткрыл глаза. Надо мной возвышался мужчина, в целую милю ростом, на нем были выгоревшие рабочие брюки, старая эйзенхауэровская куртка с пятнами от застарелого пота под мышками. Лицо его было покрыто пухом — как у мальчишки, который еще не брился.

— Вставай.

Я поглядел на ботинок, но нога не готовилась к удару. Я попытался подняться и наверняка упал бы, не подставь он мне руку под спину.

— Вставай, — повторил он, — пошли.

Клянусь, я слышал тогда, как трещат мои кости, но сумел подняться. Вставая, я прихватил с земли гладкий белый голыш. И сказал ему:

— А ну-ка, двигай, или я выбью тебе зубы этим булыжником.

Ладонь его протянулась ко мне так быстро, что я даже не сумел заметить, как его палец выковырял камень из моей руки. Я начал ругаться, а он просто повернулся ко мне спиной и побрел вверх по насыпи к колее. По пути он обернулся и бросил:

— Идешь, что ли?

Он не пытался схватить меня, и я не сопротивлялся. Он не убеждал, и я не спорил. Я пошел за ним. Мы шли по железнодорожному полотну.

Путь был совершенно ровным, но едва я устремил глаза вдаль, рельсы накренились, вздыбились и вдруг повисли надо мной, а потом я оказался опять на спине, и перед моими глазами возвышалось холодное небо.

Подойдя поближе, мужчина опустился рядом со мной.

Я услышал его голос.

— Ты замерз и ослаб от голода. Я хочу взять тебя домой, согреть и накормить. Только путь неблизок. Сам ты его не одолеешь. Я понесу тебя.

— А что ты будешь делать со мной дома?

— Я тебе сказал.

— Хорошо, — отвечал я.

Он поднял меня и понес вдоль путей.

А потом я задремал.

Проснулся я, когда он свернул направо с путей. Он шел в лес. Тропы не было, но он прекрасно знал дорогу. Потом я опять проснулся — от скрипа. Он нес меня через замерзший пруд, и льдинки хрустели под ногами. Он не спешил. Я поглядел вниз и заметил, как от ног его разбегались белые трещины, но мне было все равно, и я снова уснул.

Наконец он опустил меня. Мы добрались до места. Я оказался в жарко натопленной комнате. Он поставил меня на ноги. Я отскочил от него подальше. Первым делом отыскал взглядом дверь, немедленно бросился к ней и привалился спиною на тот случай, если придется бежать. И лишь потом огляделся.

Комната была большая. Одну стену образовывала неровная скала. Другие оказались бревенчатыми — щели между бревен были старательно заделаны. Свет лился скорее из стены — не от очага, находившегося посреди комнаты. В стене была устроена какая-то ниша, в ней на полочке стоял старый автомобильный аккумулятор, от него тянулись провода к двум электрическим лампочкам. Еще там был стол, какие-то ящики и пара трехногих стульев. Воздух пах дымом и таким чудесным, рвущим сердце сладостным ароматом еды, что рот наполнился слюной.

— Ну, Малыш, и что же это я притащил? — спросил мужчина.

В комнате было полно детей. На первый взгляд, их было трое, только почему-то казалось, что их куда больше. Девочка моих лет — восьмилетняя, то есть, — с пятнышком синей краски на щеке. Перед ней стояли мольберт и палитра, целый пучок разных кистей, но она ими не пользовалась — мазала прямо пальцами. Потом была еще негритянка, чуть старше пяти, она глядела на меня большими глазами. В деревянной колыбельке на козлах располагался младенец, месяцев трех или четырех от роду. Обычный младенец, который гулил, пускал пузыри, болтал ногами и руками.

Когда мужчина заговорил, девочка отвернулась от мольберта и поглядела на младенца. Тот по-прежнему пускал пузыри.

— Его зовут Джерри, — проговорила она. — Он свихнулся.

— И от чего же? — поинтересовался мужчина. Он тоже глядел на младенца.

— От всего, — отвечала девочка, — и от всех. — А откуда он?

— Эй, что это такое, — возмутился я, но на меня никто и не думал обращать внимания. Мужчина задавал вопросы младенцу, девочка отвечала. Более дурацкой сцены я еще не видел.

— Он убежал из приюта, — сказала девочка. — Там он был сыт, но никто не радовался ему.

Тогда я открыл дверь, и внутрь хлынул холод.

— Эй, ублюдок, — сказал я хозяину, — так ты из школы?

— Джейни, — закрой дверь, — произнес мужчина. Девочка у мольберта не шелохнулась, но дверь за моей спиной хлопнула. Я попытался открыть ее — она даже не шевельнулась. Взвыв, я бросился на дверь.

— Придется поставить тебя в угол, — проговорил мужчина. — Ну-ка, Джейни.

Джейни только поглядела в мою сторону, и один из трехногих стульев поплыл по воздуху прямо ко мне. Потом завис и перевернулся набок. Подтолкнул меня сиденьем. Я дернулся в сторону — прямо в угол. Стул наступал. Я попытался сбить его вниз, но только ушиб руку. Я нырнул, но он успел опуститься ниже меня. Я взялся за него и попробовал перелезть. Тогда стул упал, и я вместе с ним. Потом я встал и, дрожа, замер в углу. Стул повернулся как надо и устроился на полу прямо передо мной.

Мужчина проговорил:

— Спасибо, Джейни. — Потом повернулся ко мне. — Пока постой там. Не нужно было шуметь. — И, повернувшись к младенцу, продолжил: — Он тот, который нам нужен?

Опять ответила девочка.

— Кажется, да.

— Ну, — сказал мужчина, — отлично! — Потом подошел ко мне. — Джерри, ты можешь жить здесь. Я не из школы. И никогда тебя туда не отдам.

— Да ну...

— Он тебя ненавидит, — продолжила Джейни.

— И что я теперь должен делать? — поинтересовался мужчина.

Джейни заглянула в колыбель.

— Покорми его, — и мужчина принялся возиться у очага.

Маленькая негритянка все стояла на том же самом месте, не отводя от меня вытаращенных глаз. Джейни вновь повернулась к своему мольберту, младенец просто лежал, как и прежде, так что я перевел взгляд на крошечную негритяночку.

— Какого черта уставилась, — бухнул я.

Она ухмыльнулась и ответила:

— Джерри, хо-хо, — и сразу исчезла. По-настоящему исчезла, честное слово! Ее словно выключили, и только одежонка осталась на месте — все тряпки кучкой свалились на том месте, где она только что стояла.

— Джерри, хи-хи, — услыхал я потом. Поглядел вверх — там она и оказалась, голышом устроившись в маленькой нише под самым потолком, и тут же испарилась, заметив мой взгляд.

— Джерри, хо-хо, — послышалось снова. Теперь она примостилась на ящиках, служивших им комодом.

— Джерри, хи-хи! — она оказалась уже под столом.

— Джерри, хо-хо! — услышал я прямо над ухом.

Я завопил и попытался сбежать, но ударился о стул. Мне стало по-настоящему страшно. Я вжался в угол.

Мужчина, сидевший у очага, бросил на нас строгий взгляд,

— Эй, дети, прекратите!

Наступило молчание, и девочка медленно вылезла из нижнего ряда ящиков. Подошла к своей одежонке, натянула ее.

— А как это ты делаешь? — поинтересовался я.

— Хо-хо, — отвечала та.

Джейни пояснила:

— Все просто, на самом деле они близнецы.

— А, — выдавил я. Откуда-то вынырнула другая девочка и стала рядом с первой. Не отличишь. Стоя бок о бок, они глядели на меня. На этот раз я не возражал.

— Это Бони и Бини, — представила художница, — это Малыш, а это, — она показала на мужчину, — Дин. А я Джейни.

Не зная, что и сказать, я только вымолвил:

— Понятно.

Дин попросил:

— Джейни, воды. — Плеснула вода, я не видел откуда. — Довольно, — поблагодарил он и повесил котелок над огнем. Потом взял надтреснутую фарфоровую тарелку, на ней были куски мяса и клецки с морковкой, обильно политые подливой. — Эй, Джерри, садись.

— На это? — я глянул на стул.

— Конечно.

— Меня не обманешь, — отвечал я, принимая тарелку и отворачиваясь с нею к стене.

— Эй, — сказал он чуть погодя, — полегче. Мы уже поели, и ничего у тебя не собираемся отбирать. Не торопись.

Я припустил еще быстрее и уже почти покончил с клецками, когда меня вывернуло наизнанку. Голова моя почему-то ударилась об угол стула. Чувствовал я себя сквернее некуда.

Дин подошел и поглядел на меня.

— Бедняга, — проговорил он. — Прибери-ка за ним, Джейни.

И прямо на моих глазах лужа исчезла с полу. Но я уже не был способен удивляться. Я почувствовал его руку, которая взъерошила мои волосы.

— Бини, дай ему одеяло. И ну-ка спать. Ему нужно отдохнуть.

Я почувствовал на себе одеяло и уснул, наверное, прежде, чем Дин успел уложить меня.

Не знаю даже, через какое время я очнулся. Спросонья я не понял, где нахожусь, и это меня испугало. Я приподнял голову и увидел тускло рдевшую кучку углей в очаге, а рядом с очагом спавшего Дина. Мольберт Джейни чернел огромным богомолом. Я заметил, как из колыбели вынырнула голова Малыша, правда, не мог понять, смотрит он на меня или нет. Джейни лежала на полу возле двери, близнецы спали на старом столе. Ничего не шевелилось, только покачивалась головенка младенца.

Я встал на ноги и огляделся: комната как комната, с одной только дверью. Я на цыпочках отправился к выходу. Когда пробирался мимо Джейни, она открыла глаза.

— Куда ты? — спросила она.

— Не твое дело, — отвечал я. Потом непринужденно отправился к двери, одним глазом следя за девчонкой. Она не шевелилась. Дверь со вчерашнего дня оставалась плотно закрытой.

Я вернулся к Джейни. Она спокойно поглядела на меня, не выражая никакого смущения. Тогда я пробормотал:

— Мне за угол надо, понимаешь?

— А, — отвечала она, — что ж ты сразу не сказал.

Я вдруг охнул и ухватился за пузо. Слышно было, как за дверью что-то плеснуло на снег.

— О'кей. — кивнула Джейни, — теперь ступай спать. А в следующий раз говори прямо, не стесняйся.

Я промолчал и вернулся на свое место.

— И это все? — спросил Стерн. Я лежал на кушетке, уставившись в серый потолок. Он повторил: — Сколько же тебе лет?

— Пятнадцать, — сонным голосом отвечал я. Он ждал. Под серым потолком проступали стены, ковер, лампы и стол, за которым на стуле сидел он сам. Я сел, на секунду обхватил голову руками и тогда только посмотрел на него. Не отводя от меня глаз, он по-прежнему занимался трубкой:

— Что ты со мной сделал? — спросил я.

— Я уже говорил: ничего. Все делаешь ты сам.

— Ты загипнотизировал меня.

— Нет, — голос звучал уверенно и правдиво.

— Что же это было? Я... я словно пережил все заново.

— И что-нибудь почувствовал?

— Все почувствовал, — я передернул плечами, — все до последней мелочи. Что это было?

— Когда такое проделаешь, становится легче. Теперь ты можешь сам практиковать это, и с каждым разом боль будет угасать.

Я изумился, впервые за последнее время. Потом обдумал слова Стерна и спросил:

— Если я все сделал сам, почему же прежде такого не случалось?

— Нужно, чтобы кто-нибудь слушал.

— Слушал? Значит, я говорил?

— Ручьем.

— Все, что случилось?

— Откуда мне знать. Меня там не было. Это ты все видел.

— А ты поверил мне? И про исчезающих девчонок и про стул?

Он пожал плечами:

— Моя работа не в том — верить или не верить. Главное, что для тебя все это было реальным... Значит, с ними ты сейчас и живешь?

— Жил, пока Малышу не стало три.

Ночь за ночью спал я на том одеяле, а многие ночи и не спал. В доме Дина вечно что-то происходило. Иногда я дремал днем. Одновременно все укладывались, как я понял потом, лишь когда кто-то болел. В комнате всегда было сумрачно. Очаг горел и ночью, и днем. Две старые лампы желтели над головой. Когда они начинали тускнеть, Джейни что-то делала с аккумулятором, и свет разгорался ярче.

Джейни вообще, кажется, способна была на все. Дина частенько не бывало дома. Иногда он брал в помощь близнят, только их отсутствие трудно было определить. А Малыш так и оставался в своей колыбели.

Я и сам кое-что делал. Нарубил дров, смастерил полки. Иногда мы с Джейни и близнятами отправлялись купаться. Еще я разговаривал с Дином. Но такого, как остальные, я не умел и поэтому злился, злился все время. Ведь часто я не знал, чем бы заняться. Впрочем, это не мешало нам *слидиняться*. Так говорила Джейни. Она утверждала, что словечко подсказал ей Малыш: это когда все становятся одним, даже если заняты разными делами. Ну как две руки, две ноги, тело и голова трудятся вместе, хотя голова не умеет ходить, а руки не думают. Дин сказал, что в этом слове перепутались два: «сливаться» и «соединяться».

Малыш все время был в действии. Как радиостанция, двадцать четыре часа в сутки. Хочешь — слушай, хочешь — нет, но сигналы она посылает регулярно. Его дрыганье руками и ногами казалось бессмысленным. На самом деле это были сигналы — причем каждое движение выражало целую мысль.

Ну, например, если протянуть левую руку, высоко поднять правую и притопнуть левой пяткой, получалось: «Всякий, кто считает скворца вредителем, ничего не знает о том, как мыслит скворец», — или что-нибудь в этом роде. Это Джейни заставила Малыша изобрести такой язык. Она говорила, что слышит, как думают близнецы, а они слышат его мысли. Так что она могла сперва спросить у них, они у Малыша, а потом уже передать ей его ответ.

Младенец совсем не рос. Джейни росла и близнята, я тоже, но только не Малыш. Он просто лежал. Джейни наполняла его живот и раз в два-три дня очищала его. Он не плакал, не производил никакого шума. К нему никто и не подходил.

Каждую новую картинку Джейни показывала Малышу, потом чистила доски и принималась за новые. Оно и к лучшему, страшно подумать, во что превратилась бы комната, если бы Джейни их сохраняла, ведь она рисовала в день по четыре-пять штук. Дин с близнецами замаялись, добывая для нее скипидар. Краски-то она возвращала с картинок обратно в горшочки, но скипидарить каждый раз приходилось заново. Она говорила, что Малыш помнит все картинки до единой, потому-то ей и не нужно хранить их. Она рисовала какие-то машины, шестеренчатые коробки, механические узлы и что-то вроде электрических схем.

Однажды мы с Дином отправились за скипидаром и ветчиной; лесом спустились к железной дороге, потом по путям прошли пару миль до места, откуда были видны городские огни. Потом снова лесом по просекам, на дальнюю улицу.

Дин всегда был один и тот же — шагал впереди и думал, думал.

Мы пришли к скобяному ларьку. Посмотрев на висячий замок, он покачал головой и вернулся ко мне. Потом мы нашли лавчонку, где торговали всякими мелочами. Дин забормотал, и мы остановились у двери. Я заглянул внутрь.

Вдруг там оказалась Бини — голышом, она всегда путешествовала подобным образом. И

принялась отпирать дверь изнутри. Мы вошли, и Дин запер за собой замок.

— Отправляйся домой, Бини, — проговорил он, — пока не промерзла.

Та ухмыльнулась мне, проговорила свое «хо-хо» и исчезла.

Мы взяли пару отличных окороков и двухгалонную бутыль скипидара. Я прихватил было ярко-желтую шариковую ручку, но Дин отвесил мне подзатыльник и заставил положить ее на место.

— Бери лишь то, что нужно, — пояснил он.

Мы ушли, тогда Бини вновь вернулась туда, заперла дверь изнутри и отправилась восвояси. Дин брал меня с собой, когда ноша бывала ему не под силу.

Так я прожил около трех лет. Присутствия Дина в доме не ощущалось, близнецы все время были заняты друг другом. Джейни мне нравилась, но мы с ней редко говорили. Вот Малыш не умолкал — хотя я не знаю, о чем он трещал.

И все мы были заняты делом и *слидинялись*.

Я резко сел на кушетке.

— Что случилось? — спросил Стерн.

— Мы топчемся на одном месте.

— Но все-таки есть разница между этим сеансом и предыдущим?

— Лопнуть можно! Во время первого я все события ощущал, словно заново их пережил. На этот раз — ничего подобного.

— Ну и почему так произошло?

— Не знаю. Объясни мне.

— Предположим, — задумчиво проговорил он, — с тобой случилось нечто настолько неприятное, что ты боишься даже подобраться к этому эпизоду.

— Неприятное? А замерзать в канаве — это приятно?

— Ну, неприятности бывают разные: случается, что штука, которую ты пытаешься вспомнить — ну, которая повинна в твоих бедах, — настолько отвратительна, что сознание не смеет даже приближаться к ней. Наоборот — стремится спрятать ее поглубже. Впрочем, постой, — внезапно проговорил он. — Возможно, слова «отвратительное» и «неприятное» не точны. Бывает и обратное. Причина твоих несчастий столь желанна, что ты и менять ничего не хочешь.

— Хочу.

Стерн подождал.

— А в словах «Малышу три» — для тебя нет ничего отталкивающего?

Я молчал. Он подошел к столу.

— Сдается мне, ты уже не хочешь продолжать, так я понимаю?

— Не хочу.

— А если я, предположим, скажу тебе, что ты хочешь прекратить разговор, потому что вот-вот обнаружишь искомое?

— Почему ты не хочешь просто рассказать мне все, а потом поглядеть, как я буду реагировать на это?

Он покачал головой.

— Ничего не могу тебе сказать. Уходи, если хочешь. Я дам сдачу с твоей тысячи.

— Не собираюсь. — С этими словами я лег на кушетку.

Он не рассмеялся, не сказал «хорошо», никак не выразил своего одобрения, просто поднял телефонную трубку и дал указания:

— На сегодня прием окончен. — Потом он направился к своему креслу — туда, откуда мне его не было видно.

И опять тишина. Полная. Комната явно была с хорошей звукоизоляцией.

Потом я снова услышал его голос:

— Так что же это все-таки значит: «Малышу — три»?

Я глядел в серый потолок. «Малышу — три. Малышу — три». Я подходил к большому дому, извивающаяся дорога вела мимо балаганного шатра. «Малышу — три. Малышу...»

— Сколько тебе лет?

— Тридцать три, — отвечал я, и в следующий миг соскочил с кушетки, как с раскаленных угольев. — Почему я сказал «тридцать три»? Мне же не тридцать три, мне пятнадцать.

— Как, и тридцать три не твой возраст?

— Нет, — прошептал я.

— Джерри, — дружелюбно проговорил он, — бояться нечего.

Я понял, что задыхаюсь. Постарался успокоиться. Сказал:

— Не нравится мне это — я стал говорить чужим голосом.

— Видишь ли, — сказал он, — наша работа — охотников за головами, как ты нас недавно назвал, — на самом деле вовсе не то, что думают о ней люди. Вместе с тобой я вхожу в мир твоего сознания, когда ты сам углубляешься в него. И то, что мы там обнаруживаем, не так уж отличается от так называемого реального мира. Сначала кажется по-другому, ведь каждый пациент является с собственным набором фантазий, иррациональных событий и странного опыта. Каждый человек живет в своем собственном мире. Когда кто-то из древних сказал: «Правда удивительнее вымысла», он имел в виду именно это.

Теперь о твоем «тридцать три». Едва ли можно получить потрясение более сильное, чем обнаружить в себе чужие воспоминания. Учти еще, что мышление закодировано, и человек способен расшифровать лишь десятую часть собственных мыслей. И вот вдруг он натыкается внутри себя на код, вызывающий отвращение. Разве трудно понять, что ключ к такому коду ты можешь отыскать единственным способом — перестать отворачиваться от него.

— Ты хочешь сказать, что я начал вспоминать... чужие мысли?

— Так тебе показалось на какое-то время, — но и это важно. Давай попробуем разобраться.

— Хорошо. — Мне было дурно. Я устал. И вдруг понял, что дурнота и усталость — только попытки уклониться.

— Малышу — три, — проговорил он.

Малышу — два. И три, и тридцать три, и между пятью и семью. Кью.

— Кью! — выкрикнул я. Стерн молчал. — Слушай, не знаю почему, но, кажется, я нашел дорогу, только другую. Ничего не случится, если я попробую иначе?

— Ты сам лечишь себя, — напомнил он.

Пришлось рассмеяться. Потом я закрыл глаза.

А там... Лужайки только что помыли и причесали, и цветы прямо дрожали от страха, как бы ветерок не растрепал их лепестки.

Я шел вверх по дороге, тесные ботинки жали. Я не хотел идти в этот дом, но пришлось. Я поднялся по ступеням меж белых колонн и поглядел на дверь. Интересно, что за ней, но она была такая белая и прочная. Я ткнул дверь ладонью, тут же оставив грязный след. Потом еще раз.

Дверь распахнулась. Показалась высокая худощавая служанка из цветных.

— Чего ты хочешь?

Я сказал, что мне надо повидать мисс Кью.

— Мисс Кью не разговаривает с такими, как ты, — отрезала она. — Поди умой лицо.

Тогда я начал свирепеть — я уже на лестнице пожалел, что пришел сюда, но, собрав все свое терпение, проговорил:

— Мое лицо здесь ни при чем. Где мисс Кью? Ступай-ка, разыщи ее.

Она охнула:

— Как ты смеешь так со мной говорить?

Я ответил:

— Вот уж не собирался говорить ни с тобой, ни с такими, как ты. Впусти меня. — Я хотел уже прибегнуть к помощи Джейни. Она запросто сдвинула бы эту тетку с места. Но я сам должен был все сделать.

Она захлопнула дверь, прежде чем я успел добавить еще что-нибудь.

Поэтому я принялся колотить в дверь ногами. Вот для чего пригодились башмаки. Немного погодя она снова распахнула дверь, да так внезапно, что я чуть не упал на задницу. Размахивая щеткой, она завизжала:

— Убирайся отсюда, мерзавец, иначе полицию вызову! — Потом толкнула меня так, что я и впрямь упал.

Встав с пола, я кинулся к ней. Она отступила назад, и, когда я оказался поблизости, огрела меня щеткой, но я-то был уже внутри. Я было вцепился в ее орудие, но совсем рядом кто-то произнес: «Мириам!» — каким-то ломким голосом.

Я замер на месте, а служанка истерически завопила:

— Ох, мисс Алисия, да вы гляньте только! Он убьет вас. Вызывайте полицию. Он...

— Мириам! — прозвучал тот же голос, и служанка умолкла.

Наверху лестницы стояла женщина, рот ее был сжат буквально в ниточку. Должно быть, ей было года тридцать три... тридцать три! Смущенные глаза, небольшой нос.

Я спросил:

— Это вы и есть мисс Кью?

— Да, я. А в чем причина вторжения?

— Мне нужно переговорить с вами, мисс Кью.

— Нужно? Так выпрямись и открой рот.

Служанка проговорила:

— Все, вызываю полицию.

Мисс Кью обернулась к ней:

— Успеем, Мириам. Ну, неряха, отвечай, что тебе нужно.

— Мне нужно говорить с вами с глазу на глаз, — проговорил я.

— Не надо, не соглашайтесь, мисс Алисия! — выкрикнула служанка.

— Успокойтесь, Мириам! А ты говори при ней.

— К чертям! — Обе охнули. — Дин не велел мне этого делать.

— Тихо, Мириам. Молодой человек, следует все-таки придерживать язык... — и тут глаза ее округлились. — Кто тебе не велел?..

— Дин.

— Дин, — стоя наверху лестницы, она опустила взгляд к ее подножию и сказала: — Мириам, пусть будет так. — Слова эти, похоже, произносила совсем другая женщина.

Служанка открыла рот, но мисс Кью нацелила на нее указательный палец. Словно разглядев на конце его револьверную мушку, служанка капитулировала.

— Эй, — окликнул я, — вот твоя щетка.

Мисс Кью спустилась ко мне и проводила в какую-то комнату. Кругом было много книг, стояли столы, обитые кожей.

Женщина указала на кресло:

— Садись сюда. Нет, подожди минутку, — Она отправилась к очагу, извлекла газету из ящика и, развернув, закрыла ею сидение кресла. — Теперь можешь.

Я уселся на газету. А она пододвинула еще одно кресло, но класть газету на него не стала.

— Где Дин?

— Он умер, — отвечал я.

Она охнула и побледнела. И все глядела на меня, пока глаза ее не увлажнились.

— Вам худо? — спросил я.

— Умер? Дин умер?

— Да. На той неделе была большая вода, она размыла корни старого дуба. Дин проходил рядом, когда налетел сильный порыв ветра. Дерево и свалилось на него.

— Свалилось на него, — прошептала она. — Ах, нет... этого не могло случиться.

— Все так, я не вру. Сегодня утром мы похоронили его.

— Подожди, — попросила она еле слышно. А потом спросила: — Так ты и есть его мальчишка?

— Да, он велел, чтобы я пришел к вам.

— А... как тебя зовут?

— Джерри, — отвечал я.

— Ну, Джерри, а как ты посмотришь на то, чтобы жить со мной в этом доме? У тебя здесь будет все... одежда, еда!

— Об этом и была речь. Дин велел, чтобы я шел к вам. Он сказал, что деньги свои вы не знаете куда девать, а еще сказал, что вы в долгу перед ним.

— В долгу? — она заволновалась.

— Ну, — попробовал я объяснить, — он говорил, что когда-то что-то сделал для вас, и что вы обещали расплатиться с ним. Вот и все.

— И что же он говорил тебе об этом? — к тому времени она уже справилась с собой.

— А ни фига.

— Пожалуйста, не говори больше подобных слов, — она зажмурила глаза. Потом открыла их и кивнула. — Обещала и сделаю. Можешь оставаться у меня. Если хочешь, конечно.

— Я не могу сделать иначе. Дин приказал мне.

— Тебе будет хорошо здесь, — пообещала она, оглядев меня с ног до головы. — Я пригляжу за этим.

— О'кей. Можно звать остальных ребятишек?

— Остальных... Сколько вас?

— Четверо — целая шайка.

— Ну, расскажи мне о них.

— Есть еще Джейни, ей одиннадцать, как и мне. Бини и Бони по восемь, они близнецы. Еще Малыш. Ему три.

Я заорал. Стерн рванулся к кушетке и сжал руками мою голову, мотавшуюся с боку на бок.

— Отлично, мальчик, — проговорил он, — вот и нашел, еще не ясно что, но докопался, это уж точно.

— Докопался, — согласился я. — Дай попить.

Он плеснул воды из термоса. От холода даже заломило зубы. Я лежал и отдыхал, словно только что взобрался на гору.

— Больше такого мне не вынести.

— Ты хочешь сказать, что на сегодня с тебя хватит?

— А с тебя?

— Я, пожалуй, еще потерплю, если только выдержишь ты.

Я подумал: «Хотелось бы».

— Если ты хочешь еще одну из приблизительных аналогий, — продолжал Стерн, — психиатрия — вроде карты дорог. И достичь одного и того же места можно разными путями.

— Придется помучиться, — вздохнул я. — Это только сперва восьмиполосное шоссе... А потом — по горной тропке. Но ведь я не знаю, где сворачивать?

Он хохотнул. Мне понравился его смех.

— Вон за той грунтовкой.

— Пытался. Только там смыло мост.

— Ты уже знаешь эту дорогу, — сказал он, — начнем сразу от моста.

— Никогда не думал, что так можно. Мне казалось, я должен заново проделать ее, дюйм за дюймом.

— Необязательно. И еще совет: не пытайся чересчур погружаться... Первый отрезок, когда тебе было восемь, ты по-настоящему прожил, второй, с детьми, — подробно пересказал. Визит, что был в одиннадцать лет, воскресил. Теперь просто говори.

— Хорошо.

Он помедлил и спокойно сказал:

— Так значит, в библиотеке ты сказал ей об остальных детях.

Дин говорил так:

— На вершине холма около Высот живет женщина по фамилии Кью. Она позаботится о вас. Слушайтесь ее во всем, только держитесь вместе. Чтобы никто из вас, ни один, помни, не сбежал от остальных.

Мисс Кью спросила:

— А где сейчас твои сестры и малыш?

— Я приведу их. Скоро.

— Подожди, — остановила она. — Мне... некогда было подумать. Надо устроить все, понимаешь?

Я отвечал:

— И думать вам незачем, все уже готово. Пока.

По пути к двери меня догнал ее ломкий голос:

— Ну, молодой человек, если вы собираетесь жить в этом доме, придется поучиться хорошим манерам... — И еще что-то в этом роде.

Солнце пригревало, небо было ясным, и очень скоро я возвратился к дому Дина. Огонь в очаге погас, от Малыша разило. Джейни, перевернув палитру, сидела на пороге. Лицо она спрятала в руках. Бини и Бони, примостившись на одном стуле, так тесно прижались друг к другу, словно стоял мороз, а не жара.

Я шлепнул Джейни по руке. Она подняла голову, и я увидел, что ее серо-зеленые глаза стали цвета воды в немытом стакане из-под молока.

— Постыло мне здесь, — безучастно проговорила Джейни.

— Ладно, — сказал я. — Будем слушаться Дина. Пошли.

— Мы теперь не можем слидиняться, — буркнула Джейни. Теперь я все понял.

— Что ж, — сказал я. — Придется мне быть за Дина.

Малыш забрыкал ногами. Джейни глянула на него.

— Ты не способен на это, — перевела она.

— Но я ведь знаю, где брать скипидар и харчи, — настаивал я. — Знаю, где набрать упругого мха и забить им щели, где рубить дрова. Правда, я не умею за многие мили позвать Бони и Бини, чтобы отпереть двери. И не могу сделать, чтобы все слидинялись.

Так прошли томительные часы. Наконец скрипнула колыбель. Я поднял голову, Джейни как раз смотрела в нее.

— Хорошо, — сказала она, — Идем.

— Кто это сказал?

— Малыш.

— Так кто же сейчас всем заправляет? — спросил я, немного озлившись, — я или Малыш?

— Малыш, — отвечала Джейни.

Я промолчал. Джейни встала и вышла наружу.

Близнецы проводили ее взглядом. Потом Бони исчезла. Подобрав ее одежду, ушла Бини. Я достал Малыша из колыбельки и взвалил на плечо.

Когда мы подошли к белой двери, я предупредил Джейни:

— Откроет женщина по имени Мириам. Если она начнет истерику, скажи, чтобы убиралась к черту.

Дверь открылась, появилась Мириам. Едва успев взглянуть на нас, она отпрянула футов на пять. Мы ввалились. Мириам очнулась и завопила:

— Мисс Кью! Мисс Кью!

— Иди ты к черту, — невозмутимо сказала Джейни. Впервые за все время она выполнила мою просьбу.

Мисс Кью спускалась по лестнице. Теперь на ней было новое платье, такое же дурацкое, как и прежнее, и с не меньшим количеством кружев. Она открыла рот, но звуков не последовало. Наконец она выдавила:

— Господи, милостивый и щедрый, сохрани нас!

Но все только начиналось. Бини и Бони немедленно продемонстрировали весь свой репертуар с исчезновениями и стриптизом.

Мисс Кью собрала все силы, чтобы удержаться на ногах. Но когда самообладание уже начало возвращаться к ней, ее постигло новое потрясение.

— А это что такое, скажи мне ради Бога? — она ткнула пальцем в меня.

Я сперва не понял и огляделся — нет ли чего за моей спиной:

— Где?

— Ну вот это. Это...

— А! — отвечал я. — Это и есть Малыш.

Я спустил его с плеча и вытянул руки вперед, чтобы она могла его получше разглядеть. С каким-то неистовым стоном она метнулась вперед и отобрала у меня младенца. Оглядела, держа на вытянутых руках, назвала бедняжкой и скорей пристроила в подушки, что лежали на длинной скамье.

— И давно он такой?

Я поглядел на Джейни, она на меня.

— Сколько я его помню, другим он не был.

— Принеси таз с горячей водой, мыло, мочалку и полотенце, — приказала она Мириам.

Мисс Кью вернулась к Малышу и повисла над ним, стянув в ниточку рот.

— Да оставьте вы его, — сказал я. — Он-то в порядке. Это мы голодны.

Она метнула на меня оскорбленный взгляд.

— Вы зря это, — процедил я, — Дин нам велел, мы и пришли. А вообще мы и без вас неплохо обходились.

— Хо-хо, — поддержала меня Бони.

Мисс Кью долго на нее глядела.

— Джерард, — сказала она наконец сдавленным голосом. — Я-то думала, что девочки — твои сестры.

— Ну и что?

Она поглядела на меня, как на полного дурака.

— Разве могут быть крохотные чернушки сестрами белому мальчику, Джерард?

— Могут, — отвечала Джейни.

Мисс Кью заходила взад и вперед — точнее, заметалась.

— У нас еще столько дел, — пробормотала она сама себе.

Вернулась Мириам с большой овальной лоханью, полотенцами и всем прочим припасом. Она опустила лохань на скамью, и мисс Кью локтем попробовала воду. Потом взяла Малыша и окунула в лохань. Тот начал брыкаться.

Я шагнул вперед и сказал:

— Подождите минутку. Подождите. Разве вы не видите, что он недоволен?

Ответила Джейни:

— Джерри, заткнись. Малыш говорит, что все в порядке.

Взбив мыльную пену, мисс Кью окутала ею Малыша, дважды окунула его, вымыла ему голову, опять окунула и принялась душить огромным полотенцем. Потом она соорудила для него из столовой салфетки какое-то подобие штанишек. Малыша было не узнать. К этому времени мисс Кью вполне совладала с собой.

— Возьмите бедняжку, — велела она Мириам, — и положите...

Но Мириам отступила:

— Извиняюсь, мисс Кью, но я намерена уволиться, и мне нет до него дела.

К мисс Кью вернулся ее ломкий голос:

— Вы не можете бросить меня в такой ситуации! Эти дети нуждаются в помощи.

Мириам поглядела на нас со страхом и отвращением:

— Мисс Алисия, они же не просто грязные, они ненормальные!

— Они запущенные, Мириам, ими никто не занимался. — И, обратившись к нам, сказала вкрадчиво: — Если вы, дети, собираетесь жить здесь, вам придется перемениться. Вы понимаете это?

— Конечно. Дин велел нам слушаться вас.

— Джерард, тебе придется научиться говорить со мной подобающим тоном. Ну а теперь, молодой человек, если я прикажу вам подчиняться всем распоряжениям Мириам, вы послушаетесь меня?

— Что будем делать? — спросил я у Джейни.

— Спрошу Малыша, — Джейни глянула на него, тот засучил руками и пустил пузыри. — О'кей, — перевела она.

— Джерард, я задала тебе вопрос, — настаивала мисс Кью.

— Чего зазря кипятиться, — примирительно сказал я. — Нам ведь тоже надо разобраться, не так ли? Да, мы согласны, если вы этого хотите. Может быть, выслушаем и Мириам?

Мириам поглядела на мисс Кью, на нас, в раздумье покачала головой. Потом протянула руки Бони и Бини.

Они подошли к ней. Взяли за обе ладони. Улыбаясь, поглядели вверх. Наверняка задумали какую-то проказу: вид у обеих, должен признаться, был весьма лукавый. Рот Мириам дернулся и, как мне показалось, на секунду принял человеческое выражение.

— Хорошо, мисс Кью, — отвечала она.

Тогда мисс Кью подошла к ней, вручила младенца, и служанка последовала наверх. Следом за ней мисс Кью отправила нас.

Так они взялись за нас и целых три года не давали передохнуть...

— Это был сущий ад, — пояснил я Стерну.

— Для них? — улыбнулся Стерн.

— Для нас. Но мы выполняли обещание, которое дали Дину. Как вы думаете, следовать приказу: «ведите себя, как юная леди или как маленький джентльмен» — приятное дело? Или скажет: «ах-ах» и глаза закатит. Очень понятно! Иногда приходилось прямо спрашивать, какого черта ей нужно. Ну тогда она честно отвечала.

— Понимаю, — отвечал Стерн. — Ну а потом полегче стало?

— Да попривыкли вроде. Хотя один раз случилась настоящая неприятность. С Малышом.

— И что же произошло?

— Прошло месяца два. Мы уже усвоили все эти «да, мэм, нет, мэм», и она начала донимать нас учением — каждый день по утрам, пять дней в неделю. Джейни давно уже перестала заботиться о Малыше, а близнята ходили, где хотели. Вот была забава! Они то и дело перепрыгивали с места на место, прямо перед глазами мисс Кью, а она словно бы не замечала этого. Только все время расстраивалась, что они то и дело оказывались голышом. Потом они прекратили это, и ей оставалось только радоваться. Было чему: она ведь давно никого не видела — целые годы. Даже счетчики вывела наружу, чтобы никто не входил в дом. А с нами начала оживать. Подумать только, скинула свои нелепые тряпки и сделалась похожей на женщину. Иногда даже ела с нами.

И вот однажды я проснулся со странным чувством. Словно бы у меня что-то украли, пока я спал. Через окошко я перелез по карнизу в комнату Джейни, чего мне делать не разрешалось, и разбудил ее. Она сразу поняла, в чем дело:

— Нет Малыша!

Тут нам стало не до того — спят в доме или нет. Из ее комнаты мы бросились в дальний конец коридора, где в крошечном закутке обитал Малыш. Не поверишь! Хорошенькая колыбель, белый шкаф с выдвижными ящиками, погремушки и всякая чепуха — все исчезло.

Мы не перемолвились и словом. Просто развернулись — и в спальню мисс Кью. Я был там только раз, а Джейни немногим чаще. Но можно нам входить, нельзя ли — теперь было безразлично. Мисс Кью еще лежала в постели. Волосы ее были заплетены в косу. Она проснулась, едва мы открыли дверь, и принялась отодвигаться от нас, пока вплотную не уткнулась в спинку кровати. И тогда холодно так поглядела на нас.

— Что это все значит? — пожелала она узнать.

— Где Малыш?! — завопил я.

— Джерард, — говорит она тогда, — кричать нет необходимости.

Уж на что Джейни всегда держалась спокойно, но и та сказала угрожающе: «Отвечайте нам, где он, мисс Кью». Ты и то перепугался бы ее голоса.

И тут вдруг мисс Кью сбрасывает это каменное выражение и протягивает нам руки.

— Дети, — говорит она, — я прошу прощения. В самом деле, прошу. Но, по-моему, я сделала так, как надо. Я отослала Малыша жить с подобными себе. Здесь мы не можем сделать так, чтобы ему было хорошо. Вы же понимаете это.

Джейни ответила:

— Он никогда не говорил нам, что ему плохо.

Мисс Кью выдавила короткий смешок:

— Если бы он, бедняжка, умел говорить.

— Лучше верните-ка его назад, — сказал я, — вы не понимаете, что делаете. Я же предупреждал, что нас нельзя разлучать.

Она уже начала раздражаться, но еще сдерживалась.

— Милые мои, я попробую объяснить вам. И ты, и Джейни, и близнецы — нормальные дети. Вы вырастете, станете взрослыми. Только бедный Малыш — иной. Он не будет расти, не сможет ходить и играть, как прочие дети.

— Это неважно, — отвечала Джейни, — вы не имели права отсылать его.

Я с ней согласился.

— Ага, лучше верните его назад, да побыстрее.

Тут уж взбрыкнула она.

— Среди всего, чему я вас учила, есть и такое — не командовать старшими. А теперь бегите, одевайтесь к завтраку — и забудем об этом.

Я умолк, и Стерн вставил:

— Ну а дальше?

— Ну, — отвечал я, — она привезла его обратно. — И я рассмеялся.

— Ты веришь мне? — вдруг спросил я.

— Я уже говорил тебе — это неважно. Моя работа не в том, чтобы верить или не верить.

— Ты и меня не спросил, насколько я сам всему этому верю.

— Мне не нужно.

— А ты хороший психотерапевт?

— Думаю, да, — сказал он. — Кого же ты убил?

Я был застигнут врасплох и ответил:

— Мисс Кью.

А потом начал ругаться, я же не хотел говорить об этом.

— Не беспокойся, — отвечал он. — А почему ты это сделал?

— Вот это я и хотел узнать.

— Значит, ты и в самом деле ненавидел ее.

Я залился слезами. В пятнадцать-то лет!

Он дал мне выплакаться. Сначала были хлюпанья и всхлипывания, потом прорезались рыдания. А за ними полились слова.

— А ты знаешь, откуда я? Первое мое воспоминание — удар по рту. Вот она, перед глазами, — приближающаяся ладонь. Огромная... больше моей головы. Чтоб не орал, значит. И с тех пор я боюсь кричать. А тогда вопил, потому что проголодался. Или холодно стало. А может, и то, и другое сразу. После помню огромную спальню и еще: кто больше украл, тому больше досталось. Плохо будешь себя вести — побьют, хорошо — получишь конфетку. Попробуй так жить. Попробуй жить, когда самое дорогое, самое желанное — чтобы тебя только оставили в покое.

И после всего — чудо с Дином и его ребятами. Удивительное это дело — чувствовать себя дома. Я и не знал такого. Две тусклые лампы, угольки очага, но как они освещают мир. И в них — твоя жизнь.

И вдруг все переменилось: чистая одежда, еда — вареная и жареная. Каждый день пять часов школы, всякие Колумбы да короли Артуры и учебник по гражданскому законодательству двадцать пятого года. А сверху над всем — квадратная ледяная плита, и ты видишь, как она тает, как округляются углы, и понимаешь, что это из-за мисс Кью...Но Дин заботился о нас просто потому, что он жил так и не мог иначе. Мисс Кью тоже заботилась, но не потому, что не могла по-другому. Просто она решила это сделать.

У нее были странные представления о «правильном» и «неправильном», и она добросовестно пользовалась ими для нашего воспитания. Когда чего-нибудь не понимала, то считала, что в этом ее вина... но сколько же всего она не в силах была понять. Однако считала: выходит хорошо — наш успех, плохо — ее ошибка. Ну а на последний год... хорошо.

— Что?

— Значит, я убил ее, слушай, — начал я, понимая, что придется говорить побыстрее. Не то чтобы нужно было торопиться, просто хотелось поскорее отделаться. — Это было за день до того, как я убил ее. Я проснулся утром, накрахмаленные простыни коробились подо мной, солнце пробивалось сквозь яркие красно-синие шторы. Рядом стоял шкаф с моей одеждой, а ведь прежде у меня никогда не было ничего своего... Внизу Мириам, гремя посудой, готовила завтрак. И близнецы смеялись. Смеялись с ней, понимаешь, а не друг с другом, как прежде.

В соседней комнате слышалась утренняя возня Джейни, она что-то распевала... И я уже знал, что когда мы увидимся, лицо ее будет сиять изнутри и снаружи. Я встаю. Из крана льется настоящая горячая вода, зубная паста щиплет язык. Одежда как раз по мне. Я спускаюсь. Все уже собрались, и я рад их видеть, а они меня, и только мы рассаживаемся вокруг стола, спускается мисс Кью, и все радостно приветствуют ее. Так и продолжается утро. Потом начинается школа, здесь же, в большой гостиной. Близнецы, высунув языки, вырисовывают буквы, вместо того чтобы писать их. И Джейни, когда наступает для этого час, рисует картину, настоящую: корову под деревом, а рядом желтый забор, уходящий неведомо куда. Я плутаю меж двух частей квадратного уравнения, мисс Кью наклоняется, чтобы помочь, и я чувствую запах духов, которыми пахнет ее одежда, поднимаю голову, чтобы принюхаться, а вдалеке на кухне стучат кастрюли.

А потом точно такой же день, а позже — со смехом во двор. Близнецы ловят друг друга и удирают при этом на двух ногах. Джейни дорисовывает листья, чтобы мисс Кью сказала, что все именно так, как должно быть. Малыш удостоился большого манежа, но и там не думает ползать, просто следит за всеми, пускает пузыри, время от времени его набивают пищей и чистят, так что он сверкает, как чайник.

Ну а потом вечер, ужин, а после мисс Кью читает нам на разные голоса, как того требует повествование... только иногда начинает читать быстрее, если что-то смутит ее...

Теперь ты понимаешь, что мне оставалось только убить ее. Вот и все.

— Но почему же — ты так и не объяснил этого, — проговорил Стерн.

— Ты что — дурак? — спросил я.

Стерн промолчал. Я повернулся на живот и поглядел на него, подпирая подбородок руками. Трудно было понять, что он чувствует, но мне показалось, что он озадачен.

И я вдруг понял, что слишком многого от него хочу. Тогда я медленно произнес:

— Все мы просыпались в одно и то же время. И все время выполняли чужие желания. Целыми днями мы жили не так, как хотели, думали чужие мысли, говорили чужими словами. Джейни рисовала чужие картинки. А Малыш молчал. И мы были счастливы. Ну, понял теперь?

— Нет еще.

— О, Боже! — я подумал немного. — Мы не слидинялись.

— Слидинялись? Ах, да. Но после смерти Дина этого ведь не было.

— Но из-за другого. Словно в машине кончился бензин, но сама машина была цела. Просто ждала. А когда нами занялась мисс Кью, машину разобрали на части. Понял?

Теперь уже ему пришлось задуматься. Наконец он сказал:

— Иногда рассудок заставляет нас делать разные забавные вещи. Причем некоторые полностью безумны, смешны, ложны. Но краеугольный камень всей нашей работы таков: все, что делает человек, подчиняется строгой и непреклонной логике. Зачерпни поглубже — и найдешь в нашей науке причины и следствия, как и во всякой другой. Заметь, я говорю «логике» — не «истине», не «справедливости», не «правоте».

И когда разум бывает обращен внутрь себя, человек ощущает смятение. Я вижу, что ты имеешь в виду: для того, чтобы сохранить или возобновить ту особую связь, что объединяла вас, тебе необходимо было устранить мисс Кью. Но логики не улавливаю. Не понимаю, почему осу-

ществление этого «слидинения» стоило гибели обретенного вами покоя, раз ты сам признаешь, что вел приятную жизнь.

С отчаянием в голосе я проговорил:

— Может, и не стоило.

Стерн наклонился вперед и указал на меня трубкой.

— Нет, стоило, раз ты это сделал. Потом, конечно, дело приобрело другой оборот. Но в тот миг тобою руководило именно это побуждение: устранить мисс Кью, чтобы возобновить вашу особую близость. Но вот причин этого импульса я не понимаю, да и ты запутался.

— А мы можем докопаться?

— Это как раз и есть та самая «неприятная вещь», но если ты хочешь...

Я лег.

— Готов.

— Хорошо. Теперь скажи мне. Что же произошло перед тем, как ты убил ее?

Я начал восстанавливать в памяти тот день, пытаясь припомнить вкус пищи, звук голосов. Одно и то же ощущение уходило и приходило вновь — крахмальная жесткость простыни. Я постарался прогнать его — ведь так было с утра, но оно вернулось, и я понял, что помню уже вечер.

Я сказал:

— Я ведь говорил тебе — мы занимались чужим делом вместо своего собственного, а Малыш молчал, и все были счастливы, поэтому я и убил мисс Кью. Я долго добирался до этой мысли, долго думал, прежде чем приступить к делу. Помнится, я тогда лежал в постели и думал — целых четыре часа. А потом встал. Было темно и тихо. Я вышел в коридор, вошел в комнату мисс Кью и убил ее.

— Как?

— В том-то и дело! — заорал я изо всех сил. А потом успокоился. — Там было ужасно темно... до сих пор не знаю, как я это сделал. И не хочу знать. Она ведь любила нас. Я уверен. Но мне пришлось убить ее.

— Хорошо, хорошо, — отозвался Стерн. — И нечего теперь поднимать такой шум. Ты ведь...

— Что?

— Ты ведь довольно силен для своего возраста, Джерри.

— Да, этого хватает.

— Скажи мне, а что ты делал после убийства... пока не пришел ко мне?

— Не так уж много, — все случилось только вчера. Я взял ее чековую книжку. И, словно в столбняке, вернулся к себе в комнату. Потом оделся, но не стал обуваться. Ботинки я держал в руках. А потом бродил, пытаясь все обдумать, и направился в банк к открытию. Снял одиннадцать сотен. Решил посоветоваться с психиатром и целый день выбирал, к кому обратиться. Вот и все.

— А деньги по чеку получил без трудностей?

— Я всегда могу заставить человека сделать именно то, что мне нужно.

Он что-то удивленно буркнул.

— Я знаю, о чем ты подумал. Но мисс Кью я заставить не сумел.

— Так, — согласился он.

— Ну а банкир... я только велел ему... — Я поглядел на него и вдруг понял, зачем он все время возился с трубкой, — чтобы опущенные веки скрыли его глаза.

— Ты убил ее, — проговорил он, — и погубил нечто важное для себя. Дорогое, но все-таки менее ценное, чем то, что ты испытывал в компании этих детей. Но до конца ты еще не выстроил свою систему ценностей. — Он поднял глаза: — Правильно я тебя понял?

— Более или менее.

— Знаешь ли ты истинную причину, по которой люди убивают? — Я молчал, поэтому он сам и ответил: — Чтобы выжить. Чтобы спасти себя или нечто, отождествляемое с собой. Но в твоем случае закон не срабатывает — с точки зрения выживания, мисс Кью была для тебя и всей группы куда ценнее, чем то, другое.

— Значит, у меня просто не было причин убивать ее?

— Были, раз ты убил. Просто мы еще не добрались до них. То есть причину мы знаем, только непонятно, почему она оказалась настолько важной, решающей. Ответ таится в тебе. Где же? — он встал и начал расхаживать по комнате. — Имеем вполне последовательное жизнеописание. Фантазии в нем, конечно, перемешаны с фактами, о некоторых областях нет подробной информации, но конец и начало уже видны. Без излишней самоуверенности могу сказать — скорее всего ответ может оказаться на мостике, который ты недавно не захотел переходить. Не забыл?

Я вспомнил и возразил:

— Разве нельзя попробовать что-нибудь еще?

Он невозмутимо заметил:

— Вот ты сам и признался.

— Не стоит придавать такое значение пустякам, — отвечал я. Этот тип время от времени начинал раздражать меня. — Я чувствую смущение. Не знаю, почему.

— Там что-то скрыто, и ты боишься, что все выйдет наружу. Но скорее всего, оно-то нам и нужно.

— Ну да, — пробормотал я. И разом прекратил сопротивление. — Давай дальше. — И лег.

Он долго молчал, чтобы я хорошенько разглядел потолок, а потом сказал:

— Ты в библиотеке. Ты только что встретился с мисс Кью. Она расспрашивает тебя, а ты рассказываешь о детях.

Я лежал тихо. Ничего не происходило. Потом я услышал, как он встал, подошел к столу. Покопался в нем, раздался щелчок, а за ним последовал шелест. И вдруг я услышал собственный голос:

— Есть еще Джейни, ей одиннадцать, как и мне. Бини и Бони по восемь, они близнецы. Еще

Малыш. Ему — три. — И звук собственного вопля...

А потом — ничего.

Я вывалился из темноты, размахивая кулаками. Сильные руки ухватили мои кисти. Они не пытались удержать меня на месте, только ограничивали движение. Я открыл глаза. Было мокро. Термос лежал на боку. Стерн согнулся надо мной, не выпуская моих рук. Я успокоился.

— Что случилось?

Он отпустил меня и медленно выпрямился.

— Боже, — сказал он, — какой разряд!

Я взялся за голову и застонал.

— Что это было?

— Я все время записывал твои слова, — пояснил он, — и раз ты никак не мог вспомнить, я попытался подтолкнуть тебя, воспользовавшись твоим же собственным голосом. Иногда это творит чудеса.

— Чудо состоялось, — проворчал я, — только во мне все пробки, кажется, перегорели.

— По сути дела, да. Ты колебался на границе нежелательного воспоминания и предпочел потерять сознание, лишь бы не входить туда.

— Чем же ты доволен?

— Осталась последняя траншея, — отвечал он. — Мы уже у цели. Попробуем еще разок.

— Хватит. А то в ней и помру.

— Отнюдь. Ведь этот эпизод долго жил в твоем подсознании, и ничего, ты оставался жив.

— А на этот раз останусь?

— Давай попробуем.

Я поглядел на него сбоку, искоса и вдруг понял — он знает, что делает.

Врач тихо пояснил:

— Теперь ты узнал о себе больше, чем прежде. Обратись к интуиции. Сам почувствуешь, как пойдут дела. До конца можешь не идти, оставь резерв для защиты. И не беспокойся. Доверься мне. Если станет совсем худо, я помогу. А теперь расслабься. Гляди на потолок и помни о больших пальцах ног. Не гляди на них, гляди вверх. Пальцы, большие пальцы. Не шевели ими, постарайся ощутить каждый. А теперь начинай считать пальцы по одному. Один, два, три. Ощути этот третий палец, ощути его, почувствуй, как он расслабляется, расслабляется, расслабляется. А потом следующий за ним на обеих ступнях расслабляется. Расслабляется, потому что расслабились и все прочие пальцы, все расслабились...

— Что ты делаешь? — закричал я.

Он отвечал тем же шелковым голосом.

— Ты мне веришь и пальцы твои тоже. Они расслабились, потому что верят мне. Ты...

— Ты пытаешься загипнотизировать меня. Я не согласен!

— Ты сам себя гипнотизируешь. Я просто направляю тебя на нужный путь. И никто не заставит тебя идти туда, куда ты не хочешь, но ты сам желаешь следовать в ту сторону, где твои пальцы расслабились, где...

И так далее. Где раскачивающийся золотой медальон на цепи, где яркий свет, где таинственные пассы? Я даже не видел Стерна. И не ощущал сонливости, о которой всегда говорили! И я захотел стать пальцем. Расслабленным пальцем. Безмозглым, идущим, одиннадцать раз, одиннадцать, мне одиннадцать.

Я раскололся надвое, и это меня нисколько не смущало. Одна часть следила за другой, возвращающейся в библиотеку, а мисс Кью наклонялась ко мне, шелестела газета на кресле, и я сидел в одном ботинке, шевеля пальцами другой ноги... я только слегка удивлялся всему этому. Гипноз гипнозом, но я оставался в кабинете Стерна. Лежал на кушетке, а Стерн гудел за моей спиной, и я в любой момент мог перевалиться на живот и сесть, и выйти отсюда. Только я не хотел. Ну, если гипноз таков — я за него. Поработаем.

Теперь в библиотеку.

...Бони и Бини по восемь, они близнецы. Еще малыш. Ему три.

— Малышу — три, — повторила она.

Сперва надавило, раздвигая, лопнуло, и в муках и блаженстве потонула боль.

Это было внутри. Все свершилось в один миг.

Малышу — три. И моему исполнилось бы сейчас три, только его не было никогда.

Дин, я открылась перед тобою. Открылась... или этого мало?

Его зрачки. Незримым мостом они связывали его мозг с моим. Знает ли он, чего мне все это стоит? Понимает ли? Не знает, не понимает, он опустошает меня, а я его наполняю. И он пьет, потом ждет, пока я наполнюсь, и вновь пьет, не замечая чаши.

Я увидела его, когда танцевала в лесу под солнцем и ветром. Я кружила, а он, замерев в тени, следил за мной. Я ненавидела его за это. Это был не мой лес. Не моя позолоченная лужайка в оправе из папоротника. И он, явившись сюда незваным, отнял у меня мой танец. Я ненавидела его за это. Он стоял, утопая по лодыжку в нежных влажных папоротниках, похожий на дерево, с ногами-корнями и в одежде цвета земли. Я остановилась тогда, он шевельнулся и превратился из дерева в мужчину, рослого, коренастого, с могучей мускулатурой. Грязное животное. Ненависть моя вдруг обратилась в страх, и я застыла.

Он знал, что сделал со мной, и не смущался. Не плясать мне больше: теперь я знаю, что у деревьев есть глаза, а лес полон высоких, широкоплечих, грязных животных-мужчин. И не закружиться мне, и не взмахнуть руками, не вспомнив того потрясения, что вызвал его непрошеный взгляд. Как я его ненавидела! О, как я его ненавидела!

Танец в одиночестве — то была тайна новоявленной мисс Кью, чопорной викторианки — полотно с кружевами — и абсолютно одинокой. Теперь же я навечно обречена принадлежать ему, потому что он украл мою тайну.

Он вышел на солнце и приблизился ко мне, чуть склонив огромную голову. А я застыла на месте, мгновенно окоченев до самой сердцевины. Рука моя

замерла над головой, стан оставался изогнутым.

Он спросил:

— Ты читаешь книги?

Не в силах двинуться, я вросла в траву. Жесткой рукой он тронул мою щеку и поднял мое лицо вверх, чтобы я поглядела в его глаза.

— Придется кое-что почитать для меня.

Я спросила:

— Кто ты?

— Дин, — отвечал он. — Будешь читать для меня книги?

— Какие еще книги? — вскрикнула я.

Он все еще держал меня за подбородок. Я подняла глаза, и они встретились с его зрачками. Мне показалось, что они готовы закружиться.

— Открой, — проговорил он, — и дай мне заглянуть.

Оказалось, что моя голова набита книгами, но он глядел на заголовки, потому что читать не умел. Его интересовало то, что я знала о них. И вдруг я ощутила себя ужасающе ничтожной, потому что знала лишь малую долю того, что ему было нужно.

— Что это? — резко спросил он.

Я поняла. Он выудил это из моей головы. Он отыскал, а мне было невдомек, что я знаю это.

— Телекинез, — отвечала я.

— А как это делается?

— Никто не знает, к тому же вообще не ясно, можно ли передвигать предметы усилием мысли.

— Это можно, — заверил он. — А вот это что?

— Телепортация. Почти то же самое. Когда силой мысли ты перемещаешь собственное тело.

— Да-да, вижу, — закивал он.

— Взаимопроникновение на молекулярном уровне. Телепатия и ясновидение. Я о них ничего не знаю. По-моему, все это просто глупости.

— Почитай об этом. Неважно, поймешь или нет. А это что?

В мозгу проступило, губы произнесли: «Гештальт».*

— Что это?

— Общность. Ну как определенная группа лекарств. Или как ряд образов, совмещенных в одной фразе.

— Почитай и об этом. Все прочти. Но это особенно.

Он отвернулся, и, когда глаза его отпустили мой взгляд, словно порвалась какая-то связь, я пошатнулась и упала на одно колено. А он развернулся и, не оглядываясь, пошел в лес. Я подобрала свои вещи и помчалась домой. Гнев владел мною — он разил меня, словно гроза. Страх владел мною — и гнал меня вперед ураганом. И я знала, что прочту эти книги, знала, что вернусь назад, знала уже — более не плясать мне.

И я читала книги и возвращалась. Иногда ежедневно, иногда через несколько дней. А он всегда ждал меня на лужайке, в тени дерева, и забирал все, что я успевала прочесть. Я терялась в догадках: каждый ли день он ходит туда, или неизвестным образом узнает о моем приходе.

Он заставлял меня читать абсолютно чуждые мне книги: об эволюции, о социокультурной организации общества, о мифологии. Сама я его не интересовала, как куст, на котором растут ягоды.

Он спросил:

— А в какой книге может сыскаться такое? — и долго молчал в раздумье. — Ну как термит ест древесину: этим занимаются микробы в его животе, а термиту достаются только объедки после микроба. Что это?

«Симбиоз», — вспомнила я, перебирая слова. Дин отодрал слова от содержания и отбросил в сторону. — «Два вида жизни, нуждающиеся в сосуществовании».

— Ага. А есть такая книга насчет четырех-пяти видов? Чтобы они существовали как одно целое? — Он зачерпнул воздух ладонью.

— Ты имеешь в виду гештальтную форму жизни? Но это фантастика.

— Мне нужно разузнать об этом, — веско проговорил он. — Такая штука существует. И я хочу знать, не бывало ли такого прежде.

— Не понимаю, как может существовать такой организм.

— Одна часть добывает, другая рассчитывает, третья находит, четвертая говорит.

— Говорит? Но говорят только люди.

— Знаю, — ответил он, поднялся и удалился.

Я искала и искала такую книгу, но не нашла ничего даже отдаленно похожего. Тогда я вернулась и сказала ему об этом. Долгое время он не шевелился — только глядел на темно-синюю линию горизонта. А потом вонзил в меня свои вращающиеся зрачки и учинил обыск.

— Ты читаешь, но не думаешь, — проговорил он. — Все это происходит с людьми, прямо у них под носом, но они ничего не замечают. Есть люди, читающие мысли. Есть люди, передвигающие предметы усилием мысли. Есть люди, которые могут переноситься сами собой. И есть такие, кто может рассчитать все, что угодно, если только их попросить. Вот чего нет, так это личности, способной объединить всех воедино — ну, как мозг распоряжается всеми частями тела, которые и сгибаются, и разгибаются, и ощущают жару, которые ходят и думают, и все прочее...

— Один я, — вдруг закончил он. А потом утих надолго, так что я подумала, что он позабыл обо мне.

— Дин, — спросила я, — а что ты делаешь в лесу?

— Жду, — отвечал он, — я еще не закончен. — Поглядев мне в глаза, он раздраженно фыркнул. — Не в этом смысле закончен. Я имею в виду — не завершен. Это как если червяка перерубить, он может срастись заново. Я нашел еще не все части. И потому не закончен. И я хочу книгу о том существе, которым я стану, когда завершусь. По-

* *Gestalt (нем.) — форма, образ, структура. Гештальтпсихология, одно из основных направлений довоенной европейской психологии, впервые выдвинула идею целостности психических образований, подчеркивая, что целое есть нечто большее, чем сумма составляющих его частей (Прим. ред.).*

лучится самое сильное и быстрое тело, но не с той волей. Может быть, это потому, что я — один из первых. Как на той картинке пещерный человек...

— Неандерталец.

— Ага, подумай, — вовсе не из смышленых. Просто первая попытка создать нечто новое. Я буду похож на него. Но может быть, нужная воля найдется потом, когда я все устрою. Тогда получится что-то.

Удовлетворенно заворчав, он ушел.

Я искала, искала целыми днями, но все не могла найти то, что ему было нужно. Я разыскала журнал, где говорилось, что следующий шаг эволюции человека будет сделан не в физическом, а в психологическом направлении, но там ничего не было о том, что можно было бы назвать гештальт-организмом.

И прохладным осенним утром я опять вернулась к нему. Он забрал то немногое, что крылось в моих глазах, и отвернулся с грубым словом, которое я не осмеливаюсь произнести.

— Ты не можешь найти, — сказал он, — не возвращайся.

Потом встал и подошел к растрепе березке, прислонился к ее стволу. Думаю, он уже забыл обо мне. Даже подскочил, как перепуганный зверь, когда мой голос раздался рядом.

— Дин, не вини меня в этом. Я старалась найти.

Справившись с удивлением, он вновь обратил ко мне свои глаза:

— Винить? Я не знаю, о чем ты говоришь.

А я не хотела, чтобы он отвернулся. Тогда он уйдет, уйдет и оставит меня, не вспомнив ни разу. Не из жестокости или коварства, как случается среди людей. Просто я была ему безразлична — словно для кошки красный тюльпан.

Я схватила его за руки выше локтей и тормошила — с тем же успехом можно было бы трясти фасад дома.

— Ты не можешь не знать! — визжала я. — Ты знаешь все, что я прочла. И ты должен знать все мои мысли.

Он покачал головой.

— Я же человек, я женщина, — кричала я. — А ты использовал меня и ничего не дал взамен. Из-за тебя я поломала всю жизнь: читала все дни напролет и возвращалась к тебе, будь то дождь или снег. А ты не говоришь со мной, ты не глядишь на меня, ничего обо мне знать не хочешь, я тебе безразлична. Ты словно околдовал меня, и я не могу разрушить твои чары. А теперь, окончив свои дела, ты отделываешься от меня одним «не возвращайся».

— Значит, если я что-то взял, нужно отдать другое?

— Так делается среди людей.

Он коротко и заинтересованно хмыкнул.

— Что же ты от меня хочешь. У меня ничего нет. — Он пожал плечами и отвернулся. Я бросилась к нему и потянула назад.

— Ты вычитал из моего ума столько книг, неужели ты не можешь прочесть во мне... меня.

— Я не пытался, — он взял мое лицо в ладони.

Странный взгляд его проник в меня, и я вскрикнула. Попыталась вырваться. Мне казалось, его большие ладони отрывают меня от земли. Он не отпускал меня, но когда закончил, выронил на землю. Рыдая, я съежилась на траве. Он присел возле меня. Он не пытался ко мне прикоснуться, не стремился уйти. Я наконец успокоилась и притихла, ожидая.

— Чертова путаница у тебя в голове. Тебе трудно жить.

— Я живу весьма уютно, — возразила я с вызовом.

— Оно и заметно — одна целых десять лет, никого, кроме прислуги, не видишь.

— Мужчины — это животные, а женщины...

— Женщин ты ненавидишь. За то, что им известно такое, чего не знаешь ты.

— И не хочу знать. Я счастлива.

— Черта с два.

Я промолчала. Какая грубость!

— Ты хочешь знать обо мне все: откуда я и как стал таким.

— Да, хочу.

— Я где-то родился и как-то вырос. Они даже не подумали пристроить меня в сиротский приют. Значит, я убежал. Да, я убежал, но не в деревню — в леса.

— Почему?

Он задумался.

— Наверное, потому, что людская жизнь казалась мне бессмысленной. А тут я мог расти, как хотел.

— И как ты хотел? — спросила я.

Он второй раз повторил:

— Ты учишься, но не думаешь. Оказывается, есть такая разновидность... ну, каких-то существ. Она состоит из отдельных частей, но образует единую личность. У нее есть нечто вроде рук, нечто вроде ног, подобие говорящего рта и мозга. А я — воля этой личности. Очень сжатая, конечно, но лучшей не встречал.

— Ты безумен!

— Нет, нисколько, — отвечал он без обиды и с абсолютной уверенностью. — У меня есть та часть, которая служит вместо рук. Я могу направить их куда угодно, и они сделают все, что велю. У меня есть говорящая часть. Очень хорошая.

— Ну сам ты не слишком красноречив, — отвечала я.

Он удивился:

— Так я не о себе! Она там, с остальными.

— Она?

— Ну та, что говорит. Теперь мне нужна, которая думает, и та, что может сложить одно с другим и найти правильный ответ. А когда все окажутся вместе и будут сообща работать, я стану тем самым невиданным существом, о котором тебе говорил. Поняла? Только я хочу, чтобы у него была воля получше моей.

Моя собственная голова шла кругом.

— А почему ты все это затеял?

Он серьезно поглядел на меня:

— Такое не задумаешь. Так, наверное, должно быть. Как и то, что я умею заставить всякого выполнить мое желание. И ты, например, сейчас забудешь обо мне.

Я сказала сдавленным голосом:

— Но я не хочу забывать...

— Захочешь... Сперва ты возненавидишь меня, а потом, не скоро, будешь мне благодарна. Может быть, тогда ты сумеешь сделать кое-что для меня. И сделаешь это охотно. Но сейчас ты все забудешь, да, все, кроме чувства. И моего имени, может быть.

— Подожди, подожди! — вскрикнула я. Только бы он не ушел! Грязный, гадкий зверь, он каким-то невероятным образом поработил меня. — Разве ты оставишь меня так просто...

— Ах, это, — произнес он. — Да, я понимаю.

Двигался он, как молния. Сперва надавило, раздвигая, пронзило, и в муках блаженства утонула боль.

Выбрался из всего этого я на двух четко разделенных уровнях.

Мне одиннадцать, и я задыхаюсь от потрясения, переживая вторжение в чужое «я». Мне пятнадцать, я лежу на кушетке, а Стерн все жужжит: следом за пальцами расслабились твои лодыжки, живот, шея, спина...

Я сел и спустил ноги на пол:

— О'кей!

Стерн проницательно поглядел на меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Все было, как ты предположил. Там, в библиотеке. Когда мне было одиннадцать. А она сказала «Малышу — три». И все, что три года кипело в ней, хлынуло на меня, подростка, незащищенного, открытого. Это было так больно, то, что происходило с ней.

— И ты это почувствовал?

— На какую-то долю секунды я сделался ею, понимаешь? Я стал ею, чувствовал, поступал, как она, видел, слышал и ощущал все до последней мелочи. И я мог припомнить любое мгновение ее жизни.

— Гештальт, — пробормотал он.

Я подошел к Стерну, он поднял лицо, когда я склонился над ним. Сперва вздрогнул, но потом справился с собой и даже пододвинулся ближе. Я впился в него взглядом.

— Боже, — пробормотал он, — Клянусь, у тебя зрачки вращаются, как колеса.

Стерн прочел много книг. Я и не думал даже, что их столько понаписано. И я проскользнул внутрь, выискивая необходимое.

Трудно описать, что я испытал. Словно бы идешь по тоннелю, своды которого утыканы палками с медными кольцами на концах, как при игре в серсо, и ты можешь взять любое из них.

А теперь представьте, что у вас тысяча рук, и все срывают эти кольца. И еще: тоннель тянется тысячи миль, но вы проходите его мгновенно.

И мне это далось легче, чем Дину.

Я выпрямился и отошел от Стерна. Ему было явно не по себе. Он даже испугался.

— Все в порядке, — успокоил я.

— Что ты сделал со мной?

— Мне были нужны кое-какие слова. Спасибо.

Держался он превосходно. Положил трубку в карман, провел кончиками пальцев по лбу и щекам. А потом сел, уже в полном порядке.

— Я знаю, — сказал я. — Так себя чувствовала мисс Кью после встреч с Дином.

— Кто ты?

— Скажу. Я — центральная ганглия сложного организма, состоящего из компьютера — Малыша, телепортеров Бини и Бони, телекинетика Джейни и меня самого — телепата и управляющего. В нас нет ни единой черты, которая еще неизвестна людям. Только в нашем случае каждый элемент действует с максимальной эффективностью.

Его создал Дин. Я пришел Дину на смену, но когда он умер, я был еще слишком неразвит, к тому же получил тяжелый удар от мисс Кью. Мисс Кью. Она дала нам безопасность. Но мой гештальт-организм погибал от безопасности. Тогда я понял — или я умру, или она. О, конечно, части бы выжили: две цветные девчонки с недоразвитой речью, девушка-интровертка, любящая рисовать, монголоидный идиот и я сам. — Я усмехнулся. — Конечно, ее оставалось только убить. Из чувства самосохранения гештальт-организма.

Стерн пожевал губами и выдавил наконец:

— Но я не...

— И не надо, — я расхохотался. — Просто чудесно. Ты действительно мастер своего дела. Это говорю я — ты далеко пойдешь. Хочешь знать, что еще мешало? Я не мог миновать этого, «Малышу — три», потому что в этих словах и крылся ключ к тому, что я есть. И я не мог обнаружить его потому, что боялся вспомнить, как был одновременно мальчиком, мисс Кью и частью чертовски огромного целого. Я не мог быть и тем, и другим сразу — и не мог не быть.

Он спросил, вновь обратив глаза к трубке.

— А теперь можешь?

— Вполне.

— Ты решил, что теперь все в порядке, все на своих местах и готово крутиться?

— Уверен в этом. А ты?

Он покачал головой.

— Пока мы с тобой выяснили только одно: что ты из себя представляешь. Но тебе придется узнать еще кое-что.

— Что же?

— Ну, скажем, как живется людям, у которых такое на совести. Джерри, ты не похож на обычных людей, но все-таки ты человек.

— Разве я виноват, если спасал свою шкуру?

Он словно не слышал:

— Вот еще: ты говорил, что всегда был зол на всех и на вся... так и жил. А ты не задумывался, почему?

— Нет, как-то не приходилось.

— Ты всегда был одинок, потому-то общество этих детей, а потом мисс Кью так много значило для тебя.

— Дети-то остались при мне.

Он медленно качнул головой.

— Ты и дети — единое существо. Уникальное. — Он ткнул в меня трубкой. — Одинокое.

Кровь запульсировала в моих ушах.

— Заткнись, — бросил я.

— Сам думай, — тихо отвечал он. — Твои возможности почти безграничны. Ты можешь получить все, что захочешь. Но ничто не избавит тебя от одиночества.

— Заткнись! Все одиноки.

Он кивнул.

— Но некоторые умеют справляться с этим.

— Как?

Помедлив, он произнес:

— Есть нечто, неведомое тебе. И слово, обозначающее это понятие, для тебя — пустой звук.

— Говори, я слушаю.

Он окинул меня странным взором:

— Иногда эту штуку называют моралью.

— Кажется, ты прав. Хотя я и не знаю, о чем ты говоришь. — Слушать его дальше у меня не было желания.

Он пересек притихшую комнату и уселся за стол. Я нагнулся к нему, и он уснул с открытыми глазами. А потом я взял термос и наполнил его. Расправил уголок ковра, покрыл изголовье кушетки чистым полотенцем. Потом подошел к столу, выдвинул ящик и увидел магнитофон. Словно протянув руку, я вызвал Бини. Она выросла рядом, широко открыв глаза.

— Посмотри-ка сюда, — обратился я к ней. — Я хочу стереть эту ленту. Спроси у Малыша, как это сделать.

Она моргнула и как бы затряслась, а потом склонилась над магнитофоном. Постояла, исчезла, вернулась. Шагнула вперед. Нажала две кнопки, дважды щелкнула переключателем. Лента с писком закрутилась назад мимо головки.

— Хорошо, — сказал я ей, — готово.

Она исчезла.

Взяв куртку, я направился к двери. Стерн все сидел за столом, уставившись перед собою.

— Хороший охотник за головами, — пробормотал я. Чувствовал я себя просто здорово.

Снаружи я помедлил, затем вернулся в кабинет.

Стерн поглядел на меня:

— Садись-ка сюда, сынок.

— Извините, — отвечал я. — Простите, сэр, ошибся дверью.

— Ничего, — отвечал он.

Я вышел, закрыл за собой дверь и всю дорогу к полицейскому участку ухмылялся. Сообщение о смерти мисс Кью пройдет без задоринки. Иногда я даже посмеивался, подумывая о Стерне: как он будет морщить лоб, вспоминая события забытого утра и обнаружив в столе невесть откуда свалившуюся тысячу долларов. Так-то куда забавнее, чем вдруг помереть.

Кстати, что такое мораль?

Часть третья

Мораль

— Кем же он вам приходится, мисс Джеральд? — осведомился шериф.

— Джерард, — поправила она. Странный рот, зеленовато-серые глаза. — Он мой кузен.

— Все мы, адамовы дети, кузены через праотца Адама. Надо бы точнее.

— Семь лет назад он служил в ВВС, — сказала она. — А потом начались неприятности. Его уволили по состоянию здоровья.

Шериф покопался в папке, лежавшей на столе.

— Помните имя доктора?

— Сперва был Томпсон, потом Бромфилд. Он и подписал заключение.

— Кем он был до службы в авиации?

— Инженером. То есть стал бы, если бы успел окончить училище.

— А почему не закончил?

Она пожала плечами.

— Он тогда пропал.

— Так откуда вы знаете, что он здесь?

— Я узнаю его везде, — отвечала она, — я видела... я видела, как это случилось.

— Видели? — шериф сложил папку и бросил ее на стол. — Знаете, мисс Джерард, не мое дело давать людям советы, но вы, кажется, приличная девушка. Почему же вы не можете просто позабыть о нем?

— Мне бы хотелось повидать его, если это возможно.

— Он не в своем уме. Вы не знали этого?

— Нет.

— Разбил кулаком оконное стекло. Без веской причины.

Она ждала. Шериф настаивал.

— Он неопрятен. Не помнит даже своего имени.

— Могу ли я увидеть его?

Шериф буркнул что-то неразборчивое и встал.

— Будь у этих недоумков из ВВС хоть сколько-нибудь соображения, они определили бы его куда надо, а не в тюрьму.

Стены коридора были выложены стальными пластинами. Каждый шаг вызывал гулкий резонанс. Шериф отпер дверь с узким зарешеченным оконцем. Они вошли, и шериф повернул замок. Пропустил ее вперед, в большое помещение с бетонными стенами и зарешеченными камерами. Их было около двадцати. Занятыми были с полдюжины.

Они подошли к одной из камер.

— А ну-ка просыпайся, Бэрроуз. К тебе дама.

— Гип! О, Гип!

Заключенный не шевельнулся. Он раскинулся на матрасе, лежащем прямо на стальном полу. Левая рука была замотана грязной повязкой.

— Видите, мисс, ни слова! Довольно?

— Могу ли я переговорить с ним с глазу на глаз?

— Только осторожнее, — предупредил шериф, отпирая дверь. — Если что — вопите громче. Я тут поблизости. А ты, Бэрроуз, смотри у меня, не то получишь пулю, — и он оставил их в камере.

Девушка подождала, пока шериф отошел, и склонилась над заключенным.

— Гип, — пробормотала она, — Гип Бэрроуз.

Померкшие глаза шевельнулись в глазницах, повернулись в ее сторону. Медленно моргнули и неторопливо открылись опять.

Она встала рядом с ним на колени.

— Мистер Бэрроуз, — шепнула она. — Вы не знаете меня. Я сказала им, что вы мой двоюродный брат. Я хочу помочь вам.

Он молчал.

Она сказала:

— Я хочу помочь вам выбраться отсюда.

Он долго глядел ей в лицо. Потом глаза его совершили путь к запертой двери и вернулись к ее лицу.

Она прикоснулась к его лбу, к щеке. Показала на грязную повязку:

— Сильно болит?

Он рассеянно перевел взгляд от ее лица к повязке. Потом с трудом посмотрел на нее снова. Она спросила:

— Вы хотите что-то сказать?

Он молчал так долго, что она поднялась.

— Пожалуй, мне лучше уйти. Но вы все-таки не забывайте обо мне. Я помогу вам. — И она повернулась к двери.

Он спросил:

— Почему?

Она вернулась назад:

— Потому что вы — грязный, избитый, никому не нужный... и потому что я знаю, кто вы на самом деле.

— Вы безумны, — устало пробормотал он.

Она улыбнулась:

— О вас здесь говорят то же самое. Значит, у нас много общего.

Он грязно выругался.

Она невозмутимо ответила:

— И за этим вы тоже не спрячетесь. А теперь слушайте меня. Сегодня днем вас посетят двое. Один — доктор. Второй — адвокат. К вечеру вы выйдете на свободу.

Он приподнял голову, и на его лице проступили, наконец, признаки чувств.

— Что еще за доктор?

— Хирург, у вас ведь поранена рука, — ровно отвечала она. — Не психиатр. Вам не придется заново переживать это.

Он откинул голову назад. Оживление медленно покидало его. Она подождала, но, не получив ответа, повернулась и позвала шерифа.

Все так и случилось. В новой чистой повязке и грязной одежде Бэрроуза провели мимо сердитого шерифа.

Девушка ожидала на улице. Гип, чувствуя себя дураком, стоял на крыльце, пока она заканчивала разговор с адвокатом. Наконец тот удалился, и она притронулась к его локтю:

— Пошли, Гип.

Он следовал за ней, как заводная игрушка, ноги словно сами несли его в нужную сторону. Дважды свернув за угол, они поднялись по чистым ступеням дома, стоявшего среди прочих строений как-то строго и особняком, словно старая дева. Окошко двери поблескивало цветными стеклами витража. Они вошли в коридор, затем в комнату. Высокий потолок, много воздуха, чистота.

Впервые он что-то сделал по собственной воле: медленно повернулся, одну за другой разглядывая стены, приподнял за уголок салфетку на туалетном столике, дал ей упасть.

— Ваша комната?

— Ваша, — отвечала она. — Вот ключи, — она выдвинула верхний ящик. — Тут носки и носовые платки. — Потом по очереди постучала костяшками по каждому ящику. — Рубашки. Белье. — Указала на дверцу шкафа. — Там два костюма. По-моему, должны подойти. Халат, шлепанцы, ботинки. — Потом показала на дверь. — Ванная. Там все есть: полотенце, мыло. Бритва.

— И бритва?

— Всякий, кому доверяют ключи, может иметь и бритву, — мягко отвечала она. — А теперь приведите себя в порядок. Я вернусь через пятнадцать минут. Вы помните, когда ели в последний раз?

Он покачал головой.

— Четыре дня назад.

Она выскользнула за дверь и исчезла, хотя он пытался окликнуть ее. И долго глядел на дверь. А потом повалился спиной на кровать.

— «Приведите себя в порядок!» — зло пробормотал он. И вдруг каким-то образом оказался в ванной прямо перед зеркалом. Намочил руки, плеснул воды в лицо и растер грязь полотенцем. Поглядел и снова взялся за мыло.

— Идите, все готово, — позвала она его из комнаты. Она убрала с ночного столика лампу и на толстом овальном блюде разложила куски поджаренного мяса, поставила бутылку пива, бутылочку поменьше с крепким портером, картофель по-айдахски — между половинками клубней таяло масло. Горячий рулет на салфетке, салат в деревянной миске.

— Я ничего не хочу, — заявил он, немедленно приступая к трапезе. И все в мире исчезло: остался лишь вкус доброй еды, тонкое покалывание пива и неописуемое волшебство обжаренной корочки.

Потом он ощутил себя в постели.

— Все будет хорошо. Спокойной ночи!

Она была в комнате — и вдруг ее не стало. Поглядев на дверь, он проговорил «Спокойной ночи» только потому, что это были последние ее слова, и они еще трепетали в воздухе.

— Доброе утро.

Он не шевелился. Колени его были подогнуты, а руки тыльной стороной прикрывали глаза. Он

отключил свое осязание, чтобы легкий наклон матраса не указал на место, где присела она. Он отсоединил слух — на случай, если она опять заговорит. Но ноздри выдавали его, он не ожидал обнаружить в этой комнате кофе, и теперь хотел его, жаждал.

Он открыл глаза — круглые, горящие, сердитые. Она сидела в ногах. Тело ее замерло, лицо застыло, но рот и глаза жили собственной жизнью.

— Пейте кофе.

Он поглядел на нее. Бургундский жакет с серо-зеленой косынкой на шее, удлиненные серо-зеленые глаза — из тех, что в профиль кажутся глубокими треугольниками. Он отвернулся от нее...

Тут он заметил кофе. Высокий кофейник, чашка с толстыми стенками, полная до краев. Черный, крепкий, добрый напиток.

— Ух, — протянул он, вдыхая запах. И отпил. — Ух!

Теперь он поглядел на солнечный свет: складки приподнятых дуновением маркизетовых занавесок, сноп света. Хорошо. И он отхлебнул кофе.

Потом поставил чашку.

— Душ, — проговорил он.

— Ступайте, — отвечала девушка.

Пока он одевался, она вымыла посуду, поправила постель. Потом он сидел, откинувшись в кресле, а она, став на колени, перевязывала его руку.

— Вообще-то уже можно и без повязки, — с удовлетворением заметила она.

За окном протяжно пропела иволга, птичий крик звонкими льдинками сыпался с небес. В комнате же было тихо, в ней царило ожидание. Девушка сидела, руки ее уснули, лишь глаза бодрствовали, пока трубочист, имя которому — исцеление, чистил тело Гипа от костей до кожи, пока он отдыхал, креп, набирался сил.

Потом она поднялась, не сказав ему ни слова, просто потому, что время пришло. Прихватив небольшой ридикюль, она встала возле двери. Он шевельнулся, поднялся на ноги, приблизился к ней. Они вышли.

Неторопливо подошли к пологому ухоженному склону. У подножия его мальчишки играли в футбол. Она все время внимательно изучала его лицо и, заметив, что он никак не реагирует на игру, взяла его под руку и повела дальше. Они набрели на пруд с утками. Извилистые песчаные дорожки вели к нему, петляя между цветущи-ми клумбами. Сорвав примулу, она воткнула цветок ему в петлицу. Потом они отыскали скамейку, возле них остановился мужчина с чистенькой яркой тележкой. Она купила Гипу гамбургер и бутылку содовой. Он молча принялся за еду.

Неторопливо тянулось время.

Когда стало темнеть, она проводила его назад, в комнату. Оставила одного на полчаса, а когда вернулась, увидела, что он словно окаменел в той же позе. Она разворачивала покупки, разогревала еду, нарезала салат, варила кофе. Поев, он начал зевать. Она немедленно поднялась на ноги, произнесла: «Спокойной ночи», — и исчезла.

На следующий день они проехались на автобусе и зашли в ресторан.

Ну а еще на следующий — задержались попозже, чтобы пойти на концерт.

Как-то утром шел дождь, и они отправились в кино. Фильм он смотрел молча — не улыбаясь, не хмурясь, не оживляясь.

«Вот кофе», «Это нужно отдать в прачечную», «Пойдем», «Спокойной ночи», — других слов она не говорила. Только наблюдала за ним, ничего не требовала и ждала.

Он проснулся — было слишком темно. Он и не понимал, где находится. Перед ним возникло лицо, широколобое, худощавое, с острым подбородком, глаза прятались за толстыми стеклами очков. Он вскрикнул и тут же понял, что лицо это — в его памяти, а не в комнате. «Кто же это?» — спросил он себя и не нашел ответа. Его прошиб пот. Он почувствовал, что кто-то, на этот раз реальный, взял его за руку, за другую, свел вместе ладони... это была девушка, она почувствовала его боль и пришла. Он не один.

Не один... от этой мысли он чуть не зарыдал. Перехватил ее руки в свои, и она склонилась над ним, а он сквозь тьму глядел на лицо ее и волосы...

Она осталась с ним. Наконец он расслабился и долго потом еще держал ее за руку и разжал пальцы, только когда уснул. Девушка, укрыв спящего одеялом до подбородка, вышла из комнаты.

Утром он сидел на краю постели, наблюдая за тем, как тает, растворяясь в солнечном свете, тонкая струйка пара над чашкой кофе. Когда на столике перед ним появилась яичница, он поднял глаза. Девушка, как всегда, стояла в позе ожидания.

— Как вас зовут? — впервые поинтересовался он.

— Джейни Джерард.

Она внимательно поглядела на него, а потом потянулась к спинке кровати, где на ремешке висела ее сумочка. Открыв ее, она достала что-то блестящее, какой-то кусочек металла. На первый взгляд, это была алюминиевая трубка — дюймов восьми длиной, овальная в поперечном сечении. Только гибкая, сплетенная из тонких проволочек. Обратив вверх ладонью его правую руку, покоившуюся возле чашки, она опустила на нее короткий цилиндрик.

Он не мог не видеть этого — глаза были опущены вниз. Но пальцы его оставались разжатыми, выражение лица не изменилось. Наконец он взял в руку ломоть обжаренного хлеба. Трубка упала с ладони, покатилась к краю стола, свалилась вниз. Он принялся намазывать хлеб маслом.

Завтракали они вместе, и с тех пор все пошло по-другому. Он не приступал к еде, пока не присоединится она. Начал оплачивать всякие мелочи: билеты в автобусе, угощения, потом стал пропускать ее первой в дверях, брать под локоть, когда они пересекали улицы. Сопровождал ее в магазины, носил оттуда пакеты.

Он вспомнил свое имя и даже то, что Гип было уменьшительным от Гиппократа. Но прочего, что обычно связано с именем, даже места рождения, припомнить не мог. Она не торопила и не расспрашивала его. Просто день за днем была рядом с ним и ждала. И все время старалась, чтобы алюминиевая трубочка попадалась ему на глаза.

Почти каждое утро она оказывалась возле его тарелки. Или в ванной — там из нее торчала зубная щетка. Однажды она обнаружилась в боковом кармане пиджака вместе со скатанными в трубочку счетами. Достав бумажки, он рассеянно выронил металлическую штуковину. Словно для него она была прозрачной, невидимой. Сама Джейни никогда не заводила речи об алюминиевой штуковине. Только продолжала настойчиво оставлять ее на видном месте.

В жизни его стали появляться вчерашние дни, а потом оказалось, что каждый день начинается с утра. Пришли воспоминания: скамья, на которой им уже доводилось сидеть, театр, где они бывали. Он мог уже находить дорогу домой. День ото дня она все меньше руководила им. Наконец он стал даже планировать, как они проведут день.

И поскольку память его ограничивалась днями знакомства с ней, каждый новый день приносил с собой открытия: пикник, новый маршрут автобуса, лебеди в пруду.

Случались и открытия другого рода. Как-то, остановившись у витрины магазина, он сначала внимательно посмотрел на стекло, потом на кривой шрам, рассекавший его ладонь, и медленно произнес:

— А я окно разбил. — Потом добавил: — И меня упекли за это в тюрьму, а ты вытащила оттуда... Я был болен, а теперь выздоровел, потому что ты привезла меня сюда. Зачем ты это сделала?

— Захотелось, — отвечала она.

Он проявлял признаки беспокойства. Подошел к шкафу, вывернул карманы обоих пиджаков и спортивной куртки. Пересек комнату, принялся ощупывать комод, открывать и выдвигать его ящики.

— В чем дело?

— Та штуковина, — рассеянно отвечал он. Зашел в ванную, вышел обратно. — Помнишь, трубка такая из металла.

— Да, — отвечала она.

— Была же, — недовольно проворчал он, еще раз сделал круг по комнате, а потом, едва не задев Джейни, сидевшую на постели, потянулся к ночному столику. — Вот она!

Он глянул на трубку, согнул ее, сел и откинулся назад в кресле. — Боюсь потерять, — заметил он с облегчением. — Страшно привык к ней.

— Ее сохранили тюремщики, пока ты был в камере, — пояснила Джейни.

— Угу-угу, — он сгибал трубку в пальцах, потом ткнул ею в сторону Джейни, словно указующим перстом. — Эта штука...

Она ждала.

Он качнул головой.

— Привык к ней, — повторил он. Поднялся, зашагал, вновь уселся. — Я искал парня, который... Ах, ты! — пробормотал он, — забыл.

— Ничего, — мягко успокоила она.

Он обхватил голову руками.

— Я почти отыскал его, — прошептал он сухими губами. И внезапно спросил:

— А где была та пещера?

— Пещера? — отозвалась она.

Он очертил руками пространство:

— Что-то похожее: наполовину пещера, наполовину избушка. В лесу. Где же это было? Не помню...

— Не волнуйся.

— А я вот волнуюсь! — возбужденно проговорил он. — Знаешь что, а вдруг эта штука — самая нужная вещь для всего мира, но я не могу даже вспомнить, что это такое!

— Ты заводишься прямо на глазах, — произнесла Джейни.

— Да-да, именно! — взорвался он. Потом огляделся, яростно затряс головой. — Что это? Что я здесь делаю? Кто ты, Джейни? Зачем тебе все это нужно?

— Мне приятно видеть, как ты выздоравливаешь.

— Да, выздоравливаю, — проворчал он. — Я должен выздороветь! Назло тому, кто велел мне умереть.

— Кто сказал тебе это? — вскрикнула она.

— Томпсон, — бухнул он и откинулся назад с тупым изумлением на лице. И высоким ломким голосом подростка простонал: — Томпсон? А кто это — Томпсон?

Она пожала плечами и будничным голосом произнесла:

— Тот, кто велел тебе умереть, как ты говоришь.

— Ага, — вновь проскулил он. — Ага-а-а, — протянул снова, уже в порыве откровения. — Я видел его, Томпсона этого. — Тут взгляд его вновь привлекла плетеная трубка. Он покрутил головой, закрыл глаза.

— Вспомнил! — завопил он. — Я увидел его и хотел ударить. Он стоял на улице совсем рядом и глядел на меня, я не закричал, а потом прыгнул и... — Он поглядел на руку в шрамах и сказал с удивлением: — Развернулся, вмазал и разбил окно. Боже!

Он сел.

— Вот за это самое я и попал в тюрьму. Валялся в вонючей камере и гнил заживо. — Не ел, не двигался, и мне становилось все хуже и тяжелее, ждал только конца.

— Но конец-то, я вижу, не настал?

Он поглядел на нее.

— Только благодаря тебе. Ну а как насчет тебя, Джейни? Что тебе нужно, а?

Она опустила глаза.

— Ох, извини, извини, пожалуйста. Понимаю, это не слишком... — он протянул к девушке ладонь, уронил руку, так и не прикоснувшись к ней. — Не знаю, что в меня вселилось сегодня. Слушай, давай пройдемся.

— Хорошо. — В ее голосе слышалось облегчение.

Они покатались на «американских горках», полакомились сахарной ватой, потанцевали на открытой площадке. Он удивлялся вслух, где это научился так хорошо танцевать. Но о том, что его тревожило, не упоминал. В тот день общество Джейни впервые по-настоящему радовало его. Он никогда еще не видел ее такой веселой, не слышал ее задорного смеха.

Смеркалось. Они стояли возле озера и глядели на купающихся. На берегу сидели парочки. Гип улыбался, переводя взгляд от одной пары к другой и хотел уже было сказать что-то забавное Джейни, как, обернувшись, был остановлен ее холодным взглядом. Джейни смотрела внутрь себя. Ему было понятно подобное самоуглубление и потому он не хотел мешать своей спутнице. Да и кто сказал, что его общество самое желанное для девушки. Это к нему жизнь вернулась в тот самый день, когда Джейни вошла в его камеру. Но до этой встречи Джейни жила на свете четверть века. Да и он тоже.

Почему она вызволила его? Просто решила совершить благородный поступок? Но все-таки почему выбрала именно его?

Что нужно ей от него? Нечто, погребенное в той, забытой его жизни? Если так, он отдаст ей все, что она пожелает. Ведь нет и не может быть на свете вещи, более ценной, нежели жизнь, которую она заново открыла для него.

Но что она ищет?

Взгляд его вновь обратился к вечернему пляжу, усеянному звездочками влюбленных пар; каждая — свой мирок, скользящий по своей собственной орбите... Нет, Джейни не добивалась его — ни в неразлучных прогулках, ни в умиротворяющем покое совместных трапез, ни в долгом молчании вдвоем. Ни слово, ни жест, ни прикосновение не выдавали романтического увлечения. Любовь, даже потаенная и безмолвная, требует, жаждет, добивается. Джейни не требовала ничего. Она только ждала. И если она похоронила в его прошлом какую-то тайну, то не допытывалась — просто оставалась с ним рядом, чтобы не пропустить ее, если она вдруг вынырнет на поверхность. Но раз ей неизвестно его прошлое, почему тогда она ничего не спрашивает, не выведывает, как то делали Томпсон и Бромфилд? (Бромфилд? Кто это еще?).

Нет, здесь крылось нечто другое, то, что заставляло ее глядеть на влюбленных с такой сдержанной печалью. Так, должно быть, безрукий завороженно наблюдает за игрой скрипача.

Не сговариваясь, они повернулись друг к другу. Две шестеренки: она ведомая, он ведущий. И тогда дыхание покинуло их обоих и повисло между ними символом, обещанием, единое и живое. Целых два гулких удара сердца пробыли они единой планетой, в далеком космосе влюбленных, а потом лицо Джейни внезапно стало сосредоточенным — не затем, чтобы сдержать порыв, но чтобы не ошибиться.

И с ним произошло нечто — словно шарик твердейшего вакуума вдруг возник внутри него. Гип вздохнул, и охватившее их колдовство хлынуло вглубь, заполняя тот вакуум. Оба не пошевелились, лишь по лицу ее пробежала короткая судорога. Солнце садилось, они стояли друг напротив друга, лицо ее было обращено вверх, к Гипу, тут пятнышко тени, здесь блик солнца, и все оно было озарено ее внутренним светом.

Но колдовство исчезло. Их стало двое, вновь были он и она, так и не слившиеся в одно. По лицу Джейни пробежала тень досады. Гип почти понял — Джейни ждала его, но этот короткий миг миновал и исчез навсегда, растаял в вечернем полумраке.

Они молча вернулись к аллее, к свету жалких тысячесвечевых ламп, к аттракционам и суетливому оживлению вокруг них. Где-то вдали за горизонт опускался истинный свет, совершая единственное сколько-нибудь значащее движение. Пусть игрушечные пушки палили теннисными мячиками в деревянные корабли, пусть вверх по склону бежали игрушечные собачки, пусть летели дротики в воздушные шарики... Подо всем этим Джейни и Гип погребли нечто сделавшееся настолько крохотным, что и холмика не осталось.

На специальном стенде стояла зенитная установка, со всеми поворотными устройствами, как настоящая. Можно было вручную прицелиться в искусственное небо из крошечной зенитной пушки, движения ее немедленно повторяла большая пушка на заднем плане. На полукуполе мелькали силуэты самолетов. Все вместе — и техника, и оформление — выглядело весьма соблазнительно и, надо думать, безотказно выуживало деньги.

Первым взялся за дело Гип. Сперва с легким недоумением, а потом с нарастающим и вовсе уж нескрываемым интересом он следил, как, повинуясь легким движениям его рук, ходил из стороны в сторону ствол зенитной пушки в двадцати футах от него. В первый самолет он не попал, во второй тоже, но двух выстрелов ему вполне хватило, чтобы определить систематическую ошибку прицела, и он принялся по одной щелкать все цели, вылетавшие в небо аттракциона. Джейни, как девчонка, захлопала в ладоши, служитель наградил Гипа памятным призом — глиняной в блестках статуэткой полицейского пса стоимостью едва ли не в пятую долю входного билета. Гип с гордостью принял подарок и пригласил Джейни попытать удачи. Уголком рта он шепнул ей:

— Целься на сорок в правом квадранте,

капрал, а то феи дегауссируют взрыватель.

Глаза Джейни чуть сузились. Первую цель она сразила, едва та успела показаться над искусственным горизонтом, вторую и третью постигла та же участь. Гип радостно хлопнул Джейни по плечу. Следующую мишень она пропустила, а потом промахнулась четыре раза подряд. Сбила еще две — одну низко, а другую высоко и, наконец, в последний раз дала промах.

— Да, неудачно, — взволнованно проговорила она.

— Отлично, — галантно возразил он. — Сама понимаешь, как пристреляны эти пушки.

— Но ты-то выиграл приз!

— Ну и унылый барбос, во всем свете такого не сыскать.

Она перевела взгляд от его лица к статуэтке и хихикнула.

— Гип, ты весь перепачкался этими блестками. Знаешь что — может, лучше подарим ее кому-нибудь?

Они довольно долго бродили по парку, пока не отыскали лицо, истинно нуждающееся в подобной ценности, — одинокого мальца лет семи, меланхолично выжимавшего последние остатки масла и соли из кукурузной кочерыжки.

— А это тебе, — пропела Джейни. Ребенок, не обращая внимания на подарок, поднял к ней пугающе взрослые глаза.

Гип усмехнулся.

— Эх, сорвалось! — Он присел на корточки перед мальчишкой. — Давай поторгуемся. Ты не возьмешься за доллар отнести эту штуку куда-нибудь с глаз моих?

Ответа не последовало. Мальчик обсасывал кукурузный огрызок и не отводил глаз от Джейни.

— Крепкий делец, — ухмыльнулся Гип.

Вдруг Джейни вздрогнула.

— Слушай, давай-ка оставим его в покое, — сказала она, неожиданно посерьезнев.

— Этому типу со мной так просто не справиться, — добродушно возразил Гип. Он поставил статуэтку возле стоптанных ботинок мальчугана и затолкал долларовую бамажку в складку его одежды. — Очень приятно было встретиться с вами, сэр, — проговорил Гип, пускаясь за Джейни.

— Ну и фрукт, — проговорил он, нагоняя спутницу. Гип оглянулся. Ребенок все еще глядел вслед Джейни, хотя они удалились уже на полквартала. — Похоже, он на всю жизнь запомнил тебя... Джейни!

Широко раскрыв глаза, девушка замерла:

— Ах, чертенок! — выдохнула она. — В такие-то годы! — И резко обернулась назад.

Глаза явно подвели Гипа: огрызок, как ему показалось, сам собой вырвался из грязных ладоней и, стукнув огольца по носу, шмякнулся о землю. Дитя отступило шага на четыре с весьма нелюбезным определением на устах и, закончив речь непечатным пожеланием, исчезло в аллее.

— Фью! — с уважением присвистнул Гип. — А зачем тебе такие длинные уши, бабулечка? — спросил он скорее для того, чтобы замять неловкость. — Я, кстати, ничего и не слышал, кроме последнего коленца, которое он пустил.

— Не слышал? — переспросила она. Впервые в голосе ее почувствовалась явная досада. Он взял Джейни за руку.

— Забудем об этом, пойдем перекусим.

Она улыбнулась, и все исправилось.

Ядовито-зеленый павильончик с кое-где облупившейся краской, возбуждающая жажду пицца, холодное пиво. Усталость, тихое довольство, такси, что дожидалось их на остановке.

Они разбудили дремлющего водителя и назвали адрес.

— Интересно, я полностью вернулся к жизни или мне предстоит что-то еще? — бормотал Гип. — Хочу тебе признаться, недавно мир был крохотным закоулком в моей голове, глухим и мрачным. А потом ты сделала из него комнату, затем город, а сегодня что-то огромное, ну как... — И, не найдя слова, он умолк.

Одинокий торопливый огонек встречной машины высветил ее улыбку. Он продолжил:

— Вот я и думаю, какой он на самом деле?

— Много больше, — отвечала она.

Он сонно откинулся на сиденье.

— Я отлично себя чувствую, — пробормотал он. — Джейни, я... — голос его осекся. — Мне плохо.

— Ты знаешь, почему, — спокойно отвечала она.

— Ну нет, — напряженно засмеялся он, — никому теперь не заставить меня заболеть. Водитель!

В голосе его хрустнула ветка. Шофер от неожиданности нажал на тормоза. Гипа кинуло вперед, он уперся рукой в спину шофера.

— Едем назад!

— Боже милосердный, — пробормотал шофер, разворачивая такси.

Гип обернулся к Джейни. Она сидела спокойно и как всегда чего-то ждала. Тогда Гип приказал водителю:

— Следующий квартал. Да, здесь. Налево. Еще раз налево.

Потом откинулся назад, припав щекой к стеклу, и внимательно приглядывался к темным домам на черных лужайках. Наконец произнес:

— Здесь. Вон тот дом с подъездной дорогой, там, где высокая изгородь.

— Подъехать ближе?

— Нет, — отрезал Гип. — Остановитесь подальше... здесь, чтобы хорошо его видеть.

Остановив машину, водитель обернулся:

— Приехали. С вас доллар и...

— Шшшш! — от этого звука водитель остолбенел.

Гип вглядывался в очертания слабо освещенного белого здания, осматривал строгий фасад, опрятные ставни, дверь под козырьком.

— Теперь едем домой, — проговорил он наконец.

На обратном пути никто не проронил ни слова. Гип сидел, прикрыв ладонью глаза. В уголке, который занимала Джейни, было темно и тихо.

Машина остановилась, Гип рассеянно раскрыл дверцу перед Джейни. Такси отъехало. Гип замер, уставившись на деньги, пальцем передвигая на ладони монетки.

— Джейни?

— Да, Гип.

Они вошли в дом. Гип включил свет. Джейни сняла с головы шляпку и уселась на кровать, сложив руки на коленях. Она ждала.

Он так углубился в себя, что казался ослепшим. А потом, не отводя глаз от монет, стал просыпаться. Он сжал деньги в кулак, потряс им, а потом выложил монеты перед Джейни.

— Они не мои.

— С чего ты это взял?

Он устало качнул головой.

— Нет, они не мои. И никогда не были моими. И те, что потрачены на карусели, и на все эти покупки, даже на кофе по утрам. Считаю, что это взаймы.

Она молчала.

— Тот дом, — рассеянно проговорил он, — я был в нем. Как раз перед самым арестом. Это я помню. Я постучал в дверь, грязный, свихнувшийся, а мне скомандовали кругом, чтобы не попрошайничал. Не имел я тогда денег. У меня только и было, что... — Из кармана на свет явилась плетеная трубка, блеснула в свете лампы. — Но с первого же дня, как я здесь оказался, у меня завелись деньги. Каждый день, в левом кармане пиджака. Прежде я не задумывался над этим. Это ведь твои деньги, Джейни?

— Твои. Забудем об этом, Гип. Это совершенно не важно.

— Что ты хочешь этим сказать? — отрубил он. — Они мои, потому что ты дала их мне? — пронзительным лучом гнева он попытался прорезать темноту ее молчания.

Потом ощутил — она рядом, и ладонь ее легла ему на плечо.

— Гип... — прошептала Джейни. Он дернулся, и ладонь исчезла. Послышался легкий звон пружин — Джейни вновь опустилась на постель.

— Пойми, я злюсь не на тебя, я очень благодарен тебе. Но что-то не так, — выпалил он. — Я опять запутался: что-то делаю, а почему, сам не знаю. Просто приходится — вот и делаю неизвестно что. Словно... — он умолк, чтобы подумать, уловить нечто целое в тысячах обрывков, на которые вихрь безумия растерзал его «я». — И ведь знаю, что поступаю плохо, что не следует мне жить здесь, есть за чужой счет, получать деньги неизвестно за что... И... я же говорил тебе, что должен найти кого-то, но зачем, почему, — не знаю. Вчера я сказал... — он умолк, и в комнате какое-то время слышно было только его свистящее дыхание. — Я сказал сегодня, что мой мир, место, где я живу, — все время становится все больше и больше. Теперь оно уже вмещает в себя тот дом, возле которого я остановил такси. Я вспомнил, что был там уже, измученный, и постучал, а мне велели убираться восвояси. Я кричал на них, а потом пришел кто-то еще. Я спросил их, я хотел узнать о...

Вновь молчание, вновь свист воздуха сквозь зубы.

— ...детях, что жили там. Но у них не было никаких детей. И я вновь кричал, все переполошились, а я чуть успокоился. Я просил их просто сказать мне, объяснить, обещал, что уйду, я не хотел никому угрожать. Я сказал: хорошо, детей нет, тогда разрешите мне переговорить с Алисией Кью, скажите мне, где она.

Он выпрямился и с горящими глазами указал на Джейни трубкой.

— Видишь? Я помню имя — Алисия Кью! — он осел назад. — А мне говорят: «Алисия Кью умерла». А потом говорят: «Ох, да, после нее остались дети!» И объясняют, где их искать. Записали, а я куда-то засунул бумажку... — он принялся копаться в карманах, вдруг остановился и поглядел на Джейни. — Она была в старой одежде, это ты спрятала, да?

Если бы она объяснила, если бы ответила, все было бы в порядке, но она только наблюдала за ним.

— Ну, хорошо, — процедил он сквозь зубы. — Вспомнил одно, вспомню и другое. А может, просто вернуться туда и спросить? Я прошел большой путь и остался в живых. Выяснить мне осталось немного.

— Кое-что все-таки осталось, — с грустью сказала она.

Он утвердительно кивнул.

— Говорю тебе — я знаю о детях, об этой Алисии Кью, о том, что все они перебрались куда-то. Остается узнать — куда. Это единственное, что мне надо. Там и будет он...

— Он?

— Тот, которого я ищу. Его зовут, — он вскочил на ноги. — Его зовут...

— Сядь, — распорядилась Джейни, — сядь, Гип, и выслушай меня.

Он нерешительно сел и с укоризной поглядел на нее. В голове теснились уже почти понятные картинки и фразы.

— Ты прав, теперь ты в силах это сделать, — проговорила она, медленно, старательно подбирая слова. — Можешь хоть завтра отправиться в этот дом и разведать адрес. Только, поверь мне, то, что ты узнаешь, ничего не скажет. Поверь мне, Гип!

Он рванулся к ней, схватил за руки.

— Ты знаешь! — завопил он. — Я теряю рассудок, пытаясь выяснить, а ты сидишь и наблюдаешь, как я корчусь!

— Пусти меня, пожалуйста, пусти! Ох, Гип, ты не ведаешь, что творишь!

Тяжело поднявшись, он вернулся в кресло. Настал его черед ждать.

Она вздохнула и села. Растрепанные волосы

и зардевшиеся щеки пробудили в нем нежность. Он сурово одернул себя.

— Только поверь мне на слово, — молила она. — Поверь мне, пожалуйста!

Он медленно покачал головой. Она опустила глаза, сложила руки. Потом подняла ладонь, прикоснулась к краешку глаза тыльной стороной кисти.

— Видишь этот кусочек кабеля? — спросила она.

Трубочка оставалась на полу, там, где он ее выронил. Гип поднял ее.

— Ну и что?

— Когда ты впервые вспомнил, что это твое?

Он задумался.

— Окно. В тот миг, когда я вспомнил про то, как разбил окно. Я вспомнил об этом. А потом он... Ох! — отрывисто воскликнул он. — Тогда ты положила кабель мне в руку.

— Правильно. Восемь дней я вкладывала его тебе в руки. Один раз — в ботинок. Подкладывала на тарелку, в мыльницу. Щетку зубную в него однажды поставила. Каждый день не менее полдюжины раз, Гип!

— Я не...

— Правильно, не понимаешь. Я не могу тебя в этом винить.

Она наконец поглядела на него, и тут он осознал, насколько привык к этим обращенным на него внимательным глазам.

— Каждый раз, прикасаясь к этому куску кабеля, ты отказывался признать его существование. Просто разжимал пальцы, не хотел даже видеть, как он падает на пол. Гип, однажды я положила его тебе в тарелку вместе с фасолью. Ты поднес эту штуку ко рту, а потом просто дал ей выскользнуть из рук. Ты не замечал ее.

— Ок... — с усилием выговорил он, — оклюзия. Так это называл Бромфилд. А кто такой Бромфилд? — Но мысль ускользнула — ведь Джейни еще не договорила.

— Правильно. Слушай теперь внимательно. Когда настало время, оклюзия начала исчезать, а ты остался с кусочком кабеля в руке, уже зная, что он существует.

Он задумался.

— Так. А почему же все наконец случилось?

— Ты вернулся.

— В магазин, к стеклянной витрине?

— Да, — отозвалась она и тут же поправилась. — Нет. Я хочу сказать вот что: в этой комнате ты ожил, ты и сам говорил: твой мир начал расти, вместил сперва комнату, потом улицу, потом город. То же самое происходит с твоей памятью. Сначала она сумела принять вчерашний день, потом неделю, а потом тюрьму и то, что было до нее. Смотри теперь сам: до тюрьмы кабель означал для тебя нечто потрясающе важное. Но потом что-то произошло, и с тех пор он вовсе перестал что-либо значить. Пока новая твоя память не сумела дотянуться и до этого времени. И тогда кабель вновь сделался реальным.

— О, — только и мог воскликнуть он.

Она опустила глаза.

— Я знала об этом. Могла бы и сама все тебе рассказать. Но ты не был к этому готов. Да, ты прав: сейчас я знаю о тебе много больше, чем ты сам. Но разве это не понятно: если я тебе все расскажу, ты не сумеешь услышать.

Он с недоверием покачал головой:

— Но я ведь уже не болен!

Он прочитал ответ на ее лице.

— Опять мимо? — гнев снова зашевелился в его сердце. — Ладно, валяй дальше. Кстати, я не оглохну, если услышу от тебя, какой институт закончил.

— Конечно, нет, — нетерпеливо продолжила она. — Просто все это ничего в тебе не разбудит, никаких ассоциаций, воспоминаний. — Она закусила губу. — Вот и пример. — Ты успел упомянуть фамилию Бромфилд с полдюжины раз.

— Какую? Да нет же!

Она остро глянула на него.

— Ошибаешься, Гип. Ты назвал это имя минут десять назад.

— Разве? — он задумался. А потом изумленно округлил глаза: — Боже мой! И в самом деле назвал.

— Хорошо, кто этот человек? Откуда ты его знаешь?

— Кого?

— Гип, — резко одернула она.

— Извини, — пробормотал он, — кажется, я немного запутался. — Он вновь погрузился в раздумья, пытаясь восстановить последовательность мыслей. И наконец с трудом выдавил: — Бромфилд.

— Сейчас фамилия пришла к тебе из далекого прошлого. И имя это ничего не будет для тебя значить, пока память не вернется назад и...

— Вернется назад? Как это?

— Разве ты сейчас не возвращаешься — от болезни к дням заключения и аресту, к тому, что было прежде, к визиту в тот дом? Подумай об этом, Гип, подумай, вспомни, зачем ты туда пошел.

— Дети, какие-то дети... они могли сказать мне, где искать полудурка, — он подскочил со смехом. — Видишь? И про полудурка вспомнил. Я еще все вспомню, вот увидишь. Полудурок... я искал его столько лет, наверное, целую вечность. Правда, я забыл — зачем, но... — проговорил он крепнущим голосом, — теперь мне это не кажется важным. Я просто хочу тебе сказать, что необязательно проделывать весь путь назад. Значит, завтра я иду в тот дом, спрашиваю у них адрес, и сразу же отыскиваю то, что...

Он запнулся, озадаченно огляделся, заметил кусок оплетки на ручке кресла и подхватил ее.

— Вот, — торжественно произнес он. — Это же от... ах ты, черт!.. от чего же она?

Она подождала немного, потом сказала:

— Ну, теперь видишь?

— Что — вижу? — едва выдавил он.

— Если ты завтра же отправишься туда, тебе придется у незнакомцев спрашивать о неизвест-

ном. Но с другой стороны, — признала она, — теперь тебе это по силам.

— А если я это сделаю, — спросил он, — тогда все вернется?

Она глубоко вздохнула:

— Тогда ты погибнешь.

— Что?

— Ох, Гип, разве до сих пор я обманывала тебя? Гип, ты найдешь это, ты обязательно найдешь, только сначала вспомни, что ищешь, и пойми зачем.

— Сколько же времени уйдет на это?

Она неопределенно качнула головой:

— Не знаю.

— Я не могу ждать. Завтра... — и ткнул пальцем в окно. — Тьма начинала рассеиваться. — Сегодня же. Сегодня я могу быть там... Мне надо. — Голос его стих, и он резко обернулся к ней.

— Ты говоришь — убьют. Да, пусть убивают, только бы выяснить. По крайней мере буду знать, что прожил не зря.

Она трагически поглядела на него и вышла.

Он закрыл глаза...

Чего же добивается Джейни? Чтобы он вернулся назад? Но насколько? В те голодные годы, когда не знал ни веры, ни помощи, рыскал, мерз и голодал, искал крохотный ключик, а за ключиком — адрес того дома с козырьком над входом, который он прочел на листке бумаги в пещере с детской одеждой... В пещере.

— В пещеру, — громко проговорил он и выпрямился.

Он отыскал пещеру. Там, среди детской одежды, обнаружился скатанный в трубку грязный листок с адресом.

Это был еще один шаг назад, большой шаг. Вещь, которую он отыскал в пещере, доказывала, что все ему вовсе не померещилось, как утверждал Бромфилд: в руках у него было теперь доказательство. Он схватил его и принялся гнуть и сжимать плетеную трубочку, серебристую, легкую, со сложным плетением. Конечно, конечно же! Кусок оплетки того кабеля он нашел именно в пещере. И теперь держал в руках.

Возбуждение охватило Гипа. Джейни все твердила: «Надо вернуться!» Много ли времени ушло на этот шаг, на второе открытие пещеры со всеми ее сокровищами?

Гип поглядел в окно. Чуть больше получаса, сорок минут, не больше. Все перемешалось в душе его: усталость, гнев, чувство вины и боль. Ну а если завтра же начать возвращение, вот только сказать Джейни...

Он подбежал к двери, распахнул ее настежь, одним прыжком пересек коридор и резко распахнул противоположную дверь.

— Джейни, послушай, — выкрикнул он, еле сдерживая дикое возбуждение. — Ой, Джейни... — и резко осекся. Он успел влететь в комнату футов на шесть, и теперь ноги сами собой, заплетаясь и спотыкаясь, понесли его обратно. — Прошу прощения, — растерянно проблеял он. «Боже, — думал он, — почему она сама не сказала». Спотыкаясь, он тащился к себе в комнату — обессилев, как отзвеневший гонг. Потом закрыл за собой дверь, привалился к ней. Откуда-то донесся скрипучий смущенный смешок... Против воли он повернулся к двери. Попробовал выбросить из головы то, что осталось за другой дверью, и не сумел: вся картина отчетливо предстала перед ним. И он вновь расхохотался, побагровев от смущения и неловкости.

— Могла бы и сказать, — произнес он.

Серебристая трубка вновь привлекла его внимание. Взяв ее в руки, Гип уселся в большое кресло. Кусок кабеля помог забыть о смущении, напомнил о более важных вещах. Надо увидеть Джейни, поговорить с ней. Быть может, это безумие, но она должна понять: нужно найти способ вернуться назад поскорее, как следует поторопиться, чтобы еще сегодня разыскать полудурка. Возможно, это безнадежно, но Джейни... Джейни-то знает. Придется ждать. Она появится, когда будет готова, куда ей деться.

Он устроился в кресле, вытянул вперед ноги и запрокинул голову на спинку кресла. Усталость блаженной дымкой окутала Гипа, туманя глаза, щекоча ноздри.

Трах-тах-тах-тах-тах-тах-тах-тах.

(Пятидесятый, думал он, поднимаясь в горы. Мечта всей жизни любого мальчишки — раздобыть автомат и поливать из него, как из шланга).

— Вам-вам-вам-вам!

(Откуда они их раздобыли, эту рухлядь? Это батарея зениток или музей?)

— Гип! Гип Бэрроуз!

Он сел, потирая лицо руками, стук пулеметов превратился в дробь пальцев по деревянной двери. Никакой не капрал, а сама Джейни звала его из коридора. База противовоздушной обороны растаяла, исчезла, унесенная обратно на фабрику снов.

— Гип!

— Глаз продрать не могу, — признался он смущенно. — Подожди немного — плесну воды в лицо. — Уже из ванной комнаты он крикнул: — А ты где была?

— Гуляла. А потом караулила снаружи. Боялась, чтобы ты все-таки... ну, понимаешь. Я хотела тогда последовать за тобой, не оставлять одного. С тобой действительно все в порядке?

— Ага. Только я никуда не собираюсь выходить без твоего совета. Но сперва о другом — а с ней все в порядке?

— Что?

— По-моему, для нее это было даже большим потрясением, чем для меня. Я не знал, что с тобой кто-то живет, иначе я бы не вломился...

— Гип, о чем ты говоришь? Что случилось?

— Ох, — вздохнул он. — Значит, ты пришла прямо сюда, не побывав в своей комнате.

— Нет. Но что ты имеешь в виду?

Он ответил, краснея:

— Мне бы хотелось, чтобы она тебе сама обо всем рассказала. Вчера мне отчаянно понадоби-

лось видеть тебя. Я ввалился к тебе, не имея представления, что там кто-то есть.

— Кто? Гип, говори, ради Бога!

— Какая-то девушка. Конечно, ты знаешь ее, Джейни. Жулики по домам нагишом не ходят.

Джейни прикрыла рот ладонью.

— Цветная девушка. Молодая.

— А что она... делала?

— Не знаю, чем она там занималась, я только мельком видел ее — если в этом она найдет хоть какое-то утешение. Джейни! — в тревоге воскликнул он.

— Он отыскал нас. Придется убираться отсюда, — прошептала она. Губы ее почти побелели, руки затряслись: — Пойдем, пойдем же!

— Подожди, Джейни! Дай сказать. Я...

Она бросилась на него бойцовым петушком, произнося слова так, что они сливались:

— Ничего не говори! Не спрашивай ни о чем. Я тебе ничего не скажу, все равно не поймешь. Просто мы уходим отсюда, исчезаем. — С удивительной мощью ее ладонь легла ему на руку и повлекла за собой. Он торопливо шагнул следом, иначе растянулся бы на полу. Она была уже около двери и, ухватив Гипа за плечи, подтолкнула его вперед — к выходу на улицу. Он зацепился за косяк: гнев и удивление, соединившись в упрямстве, заставили его остановиться. Каблуки ее уже барабанили по ступеням.

Тогда Гип покорился телу — без колебаний и раздумий. Он оказался снаружи, торопливо догоняя ее.

— Такси! — кричала она.

Машина не успела толком остановиться, а Джейни уже распахнула дверцу. Гип ввалился в салон следом за ней.

— Поехали, — бросила она шоферу, с беспокойством оборачиваясь к заднему окошку.

— Куда поехали? — водитель был озадачен.

— Просто поехали. Живо!

Уже за городом, на развилке дорог, водитель нерешительно спросил:

— Так куда же?

Ему ответил Гип.

— Налево.

Джейни сидела в оцепенении.

— Гип, извини. Прости меня, — наконец смогла вымолвить она. — Но это произошло так неожиданно. Боюсь, что теперь я ни на что уже не способна.

— Почему?

— Не могу тебе сказать.

— Не можешь или пока не можешь?

— Я же уже объяснила — ты должен возвратиться назад. Сам. Вот только времени больше нет, — закончила она отрешенно.

— Слушай, — он взял ее за руку. — Сегодня утром я разыскал пещеру. Джейни, это было два года назад. Я вспомнил, где она находится и что я там обнаружил: ветхие лохмотья, детскую одежонку. И адрес дома с козырьком. И эту трубочку — единственное доказательство, что я на верном пути. Главное — я нашел пещеру, очень быстро, минут за тридцать. Ты сказала, что у нас теперь нет времени. Как, по-твоему: хоть денек-то остался? Или полдня?

Краски вновь проступили на лице Джейни.

— Возможно, — ответила она. — Не знаю... Водитель! Здесь.

Она заплатила шоферу, Гип не протестовал. Они оказались за пределами города, среди просторных волнистых полей, схваченных редкими щупальцами обитающего в городах зверя: фруктовый сад, заправочная станция, через дорогу — неправдоподобно новые, словно лакированные, дома. Она указала вверх, на луга.

— Нас найдут, — ровно проговорила она. — Но там мы будем одни. К тому же оттуда мы сразу заметим, если кто-то появится.

Они сидели на бархатно-зеленой вершине холма, оглядывая пространство до горизонта.

Солнце поднималось все выше, становилось жарче, и ветер приносил облака, — одно за другим. Гип Бэрроуз шел — он уходил назад, все дальше и дальше. А Джейни ждала, вслушивалась, и чистые глаза девушки метались из стороны в сторону по окружавшим равнинам.

Назад... дальше и дальше... Безумный и грязный Гип Бэрроуз потратил два года, чтобы отыскать дом с козырьком: в адресе значились улица и номер дома, но ни город, ни поселок названы не были.

От дома умалишенных до пещеры тянулся путь еще в три года. Гип ушел, чтобы разыскать сумасшедший дом, если начинать отсчет прямо от офиса клерка. Со дня отставки ему понадобились шесть месяцев на поиски этого клерка. И еще полгода прошло с тех пор, как его вышвырнули со службы, — наваждение привязалось к нему именно тогда.

И семь лет миновало. Планы и мечтания, смех и надежды сменились полумраком тюремной камеры. Семь лет вырваны из жизни, исчезли, искалечены.

И он заново прошел эти семь лет, вспомнил, наконец, что было в самом начале.

И смысл своей жизни, и мечту, и беду сыскал он на полигоне ПВО.

Все еще молодой, все еще блестящий и одновременно окруженный всеобщей неприязнью, лейтенант Бэрроуз обнаружил, что у него слишком много свободного времени, и это ему не понравилось. Стрельбище было невелико и представляло собой скорее музей, так много было там устаревшего оборудования.

Здесь, в часы столь ненавистной праздности, лейтенант Бэрроуз проглядывал документы и наткнулся на давнишние цифры, относящиеся к эффективности дистанционных взрывателей — минимальных углов возвышения, под которыми следует посылать эти сложные снаряды, с их локатором размером в кулак, приемником и временными реле.

На математические неточности, какими бы ничтожными они ни казались, глаз лейтенанта Бэрроуза реагировал, как ухо дирижера Тоскани-

ни на малейшую фальшь. Так, в некотором квадранте некоего сектора стрельбища обнаружилось крошечное местечко, где было отмечено больше невзорвавшихся снарядов, чем допускал закон средних чисел. И как бы плотно ни велся огонь, эта точка всегда оказывалась необстрелянной. Непреложный закон вероятности был нарушен, а ум ученого не признает беззаконий подобного рода, и будет преследовать виновное в нем явление с тем же упорством, с каким это делает общество в отношении отщепенцев.

Тот факт, что этим вопросом еще никто не заинтересовался, вызвал у лейтенанта радостное возбуждение. Отлично! Открытие будет принадлежать ему. В случае удачи он может со скромным достоинством и впечатляющей четкостью доложить все полковнику и, быть может, тогда-то полковник пересмотрит свое мнение о лейтенантах-локаторщиках. Так что в свободное время Гип отправился на полигон и нашел место, где отказал его карманный вольтметр. Значит, решил он, здесь что-то искажает магнитное поле.

В короткой и блестящей карьере Бэрроуза ничто еще не сулило подобной удачи. Точный и одаренный воображением разум уже с наслаждением припадал к этой чаше. Гипу грезилось, как он исследует замысловатое явление (не эффект ли Бэрроуза?), а потом в лаборатории, конечно же, успешно, воспроизводит его. А потом реализует. Генератор создает невидимые силовые поля, в которых отказывают системы наведения — идеальное оборонительное оружие. Несомненно, повалят посетители, целые делегации, и полковник представит его известным ученым и военным: «А вот, джентльмены, и наш локаторщик».

Но сперва нужно все выяснить. Определив место аномалии, Гип принялся за детектор. Несложный, но хитроумный и тщательно откалиброванный. Неугомонный ум крутил, вертел и перерабатывал саму идею контрмагнетизма и восхищался ею. В качестве математического развлечения он экстраполировал ряд законов, сформулировал следствия и в восторге исследователя отослал все в электротехнический институт. Там по достоинству оценили его труд, даже опубликовали статью в журнале. А он забавлялся во время стрельб, рекомендуя не стрелять над этим местом прямой наводкой: «Иначе, мол, феи дегауссируют дистанционный взрыватель».

Слова эти повергали его в высокий восторг, и он представлял себе, как будет потом напоминать всем, что туманная фраза формулировала самое простое явление, и надели их Господь хотя бы гусиным умишком, они могли бы и сами догадаться.

Наконец он закончил детектор. В нем был ртутный переключатель, соленоид и источник питания переменной мощности, датчик мог обнаруживать весьма незначительные изменения собственного магнитного поля. Все вместе весило около сорока фунтов; это было неважно, поскольку он не намеревался таскать устройство. Он взял точные карты стрельб и назначил ассистентом самого тупого на вид рядового. Он провел целый рабочий день на стрельбище, скрупулезно прочесывая склон и сверяя свое положение с картой, пока наконец не обнаружил центр дегауссирующего эффекта.

Гип оказался на поле старой заброшенной фермы. Посреди поля торчал древний грузовичок, источенный дождем, снегом, росой и туманом. Машина уже утопала в земле, но лейтенант вместе с терпеливым солдатом энергично взялись за раскопки. Обливаясь потом, за несколько часов они освободили грузовик от земли. Под ним-то и обнаружился источник непонятного поля.

От каждого уголка рамы бежал блестящий серебристый кабель. Все четыре сходились вместе на колонке руля — в маленькой коробочке. На крышке ее торчал переключатель. Источника питания нигде не было видно, но тем не менее вся штука работала.

Когда Бэрроуз повернул переключатель вперед, покореженные остатки заскрежетали и заметно вдавились в мягкую почву.

Он двинул переключатель назад — со скрипом и треском рыдван поднялся.

Поставив переключатель в нейтральное положение, Гип отступил назад. Он не смел даже мечтать отыскать подобное... Перед ним стоял дегауссирующий генератор и ждал, чтобы его разобрали и изучили. Правда, всякая дегауссировка была здесь только побочным продуктом.

В переднем положении тумблер делал грузовик тяжелее, в заднем — легче.

Это же антигравитация!

Антигравитация: сон, мечта, фантазия. Антигравитация, которая преобразит лицо Земли так, что пар, электричество, даже ядерная энергия станут всего лишь саженцами в том саду, что вырастет из этого устройства. Вот вам устремленные в небо дома, каких еще не замыслил ни один архитектор, вот полет без крыльев, к планетам, звездам и дальше. Вот вам новая эра в транспорте, энергетике, даже в танце, а может, и в медицине. О! Сколько работы, и вся она в его руках.

Тут тупой солдатик, салабон несчастный, шагнул вперед и щелкнул выключателем. Назад. Улыбнулся и упал в ноги Бэрроузу. Брыкаясь, тот высвободился, потянулся, подпрыгнул, так что захрустели коленки. Гип тянулся вверх и уже кончиками пальцев коснулся холодящей поверхности одного из кабелей. Контакт длился не более десятой доли секунды, но и годы спустя, всю отпущенную ему жизнь, Бэрроуз помнил ощущение: он словно застыл, примерз к этому чуду. Воспарив, он поднялся над землей.

И упал...

Кошмар.

Разрывающее грудь молотящее сердце, дыхание забыто. Безумие: древняя колымага, покинув свою стихию, возносится ввысь, быстрее и быстрее, тает, пропадает в темнеющем небе... темное пятно, пятнышко, точка, отблеск света. А потом

немота и боль, когда возвратилось дыхание.

И докучливый смех где-то рядом, и ярость... ненавистный смех... нужно заставить умолкнуть.

Убивать...

А потом долгий путь в казармы, а за спиной невидимка по имени мука вцепилась в разбитую ногу.

Упал. Отлежался и встал.

Штаб. Деревянные ступени, темная дверь, гулкий стук. Шаги, голоса, удивление, сожаление, досада, гнев.

Белые шлемы, бляхи военной полиции. Просил: пригласите полковника. Нет, никого другого, только полковника.

«Заткнись ты, локаторщик».

Кошмар исчез. Он лежит на белой кушетке в белой комнате с черной решеткой на окнах, огромный полицейский у двери.

— Где я?

— В госпитале, лейтенант, в тюремном отделении.

— Боже, что случилось?

— Я вам скажу, сэр. Вы здесь потому, что решили прихлопнуть какого-то рядового.

Он прикрыл глаза рукой.

— Его нашли?

— Лейтенант, такой человек не значится в списках. Служба безопасности проверила все документы.

Стук. Полицейский открыл дверь. Голоса.

— Лейтенант. Майор Томпсон пришел переговорить с вами. Как вы себя чувствуете?

Новый голос... тот голос! Бэрроуз надавил на глаза ладонью, так что искры посыпались. «Не гляди. Если ты не ошибся, придется его убить».

Дверь. Шаги.

— Лейтенант, добрый вечер. Случалось уже беседовать с психиатром?

Медленно, в ужасе перед взрывом, который вот-вот разразится, Бэрроуз опустил руку и открыл глаза. Опрятный ладный мундир с нашивками медицинской службы ничего не значил. Про-фессиональная любезность тоже не имела никакого значения. Все существо Гипа сосредоточилось на одном — перед ним маячила физиономия того самого рядового, безропотно и тупо весь жаркий день таскавшего его детектор — того, что был свидетелем его открытия, а потом вдруг улыбнулся и одним движением руки отправил вверх и грузовик, и мечту.

Взвыв, Бэрроуз прыгнул.

И кошмар снова сомкнулся.

Они сделали все, чтобы помочь ему, — позволили самому проверить все анкеты и убедиться, что такой рядовой в списках части не значится. А эффект «дегауссирования»? Никаких свидетельств. Дома у Бэрроуза — никаких расчетов. На полигоне обнаружилась яма, возле нее нашли и детектор, всем показавшийся никчемным, — он ведь только измерял поле собственного магнита. Что касается майора Томпсона, он как раз в это время летел сюда в самолете, имеются свидетели. Если лейтенант перестанет настаивать на том, что майор Томпсон и есть пропавший рядовой, ему сразу сделается легче, вы же понимаете, лейтенант, майор Томпсон не рядовой. И быть им не может. Но лучше, если капитан Бромфилд...

«Я знаю, что сделал, я знаю, что видел. Я разыщу еще это устройство и того, кто его сделал. И убью этого Томпсона».

Бромфилд был добрым человеком и, видит Господь, он старался. Но пациент упорствовал. Спустя время они попытались свести его с майором, он снова на него бросился — только пятеро дюжих мужчин сумели защитить Томпсона.

И его оставили в покое, удовлетворившись тем, что реакцию вызывал в нем только злосчастный майор. Пациента выкинули из клиники.

Первые шесть месяцев прошли, как в дурном сне. Еще не позабыв отеческие наставления капитана Бромфилда, он попытался найти работу и держаться за нее, пока дело не пойдет на «поправку», которую предрекал капитан. На поправку так и не пошло.

Он успел скопить кое-что, и некоторую сумму ему выплатили при увольнении. Надо было отдохнуть несколько месяцев и выбросить все из головы.

Во-первых, ферма. Устройство оказалось на грузовике, грузовик же принадлежал фермеру. Остается только найти хозяина, а с ним и ответ.

Шесть месяцев потребовалось, чтобы добраться до городских архивов — всех из деревни выселили, когда к базе прирезали полигон для зениток. Он узнал, что существуют два человека, которые могли бы поведать ему о грузовике: А.Продд, фермер, и безымянный полудурок-батрак, невесть откуда прибившийся к земледельцу.

Продда он разыскал через год. Следуя слухам, он отправился в Пенсильванию — в сумасшедший дом. И от Продда, лишившегося чего угодно, только не дара речи, узнал, что старик все ожидает жену; что сын его Джек так и не родился; что старина Дин, если и был идиотом, то все равно ловко умел извлекать грузовик из грязи; что Дин оказался хорошим парнем, хотя и жил он в лесу среди диких зверей, а он, Продд, ни разу не пропустил дойки.

Более счастливого и довольного жизнью человека Гипу еще не приходилось видеть.

И Бэрроуз отправился в лес — к диким зверям. Три с половиной года он прочесывал эти леса. Ел ягоды и орехи, ловил зазевавшуюся живность. Сперва он еще что-то получал по пенсионным чекам, а потом забыл про них. Утратил свои технические навыки, почти забыл собственное имя. Помнил только одно — оставить подобную штуку на грузовике мог лишь идиот, и звали его Дин.

Он нашел пещеру, нашел детские тряпки и обрывок серебристого кабеля. И адрес.

Да, адрес. Он узнал, где искать детей. И тут-то

нарвался на Томпсона. А потом Джейни нашла его. Надо же — семь лет.

Он лежал в прохладе, под головой была мягкая подушка, а волосы поглаживала мягкая рука. Он еще спал или только что проснулся. И настолько был истощен, измочален, измотан, что сон ничем не отличался от яви, и это не значило ничего. Ничего-ничего. Он знал, кто он, помнил, кем был. Он знал, что ищет и где находится сейчас, и все уже нашел — во сне.

Он радостно пошевелился. «Утром, — думал он успокоенно, — я отправлюсь к моему полудурку. А что — не потратить ли часок на воспоминания? На пикнике воскресной школы я выиграл бег в мешках, и меня наградили носовым платком цвета хаки. В лагере скаутов я поймал перед завтраком трех щук. Сам греб в каноэ и держал леску в зубах; самая крупная из рыбин, клюнув, разрезала мне губу. Еще я люблю рисовый пудинг, Баха, ливерную колбасу, последние две недели мая и бездонные чистые глаза... Джейни?»

— Я здесь.

Он улыбнулся, поудобнее устраиваясь на подушке и обнаружил, что голова его покоится на коленях Джейни. Он открыл глаза. Голова Джейни темным облачком закрывала звезды; темная ночь — черное небо.

— Поздно уже?

— Да, — шепнула она, — хорошо спал?

Он мирно лежал, улыбался, думая о том, как безмятежно спал.

— Не хотел видеть снов — вот ничего и не приснилось.

— Ну и замечательно.

Он сел. Она осторожно пошевелилась. Он проговорил:

— У тебя, должно быть, все тело затекло. Возвращаемся в город?

— Рано еще. Теперь моя очередь, Гип. Мне тоже нужно о многом тебе рассказать.

— Ты замерзла. Может, отложим разговоры?

— Не-ет, нет! Ты должен все знать прежде, чем он... прежде чем нас найдут.

— Он? Кто он?

Молчание было долгим. Гип уже хотел нарушить его, но вовремя спохватился. И когда она начала (совсем как будто бы не о том), он едва не прервал ее, но снова сдержался, позволяя ей вести повествование удобным ей чередом.

Она сказала:

— Ты нашел тогда нечто важное и успел понять, что подобная штука может представить для тебя самого и всего мира. А потом парень, который был с тобой, тот солдат, все испортил. Как ты думаешь, почему он это сделал?

— Да просто дурак был, неуклюжий и безмозглый.

Никак не прореагировав, она продолжила:

— Врач, которого к тебе прислали, был как две капли воды похож на него.

— Мне доказывали обратное.

Он был рядом с Джейни и потому сумел заметить во тьме движение: легкий кивок.

— Даже приводили свидетелей, летевших вместе с ним в салоне самолета. Еще, у тебя ведь были материалы, свидетельствовавшие о том, что в определенном месте полигона не срабатывали дистанционные взрыватели. Что с ними случилось?

— Не знаю. Все отчеты исчезли.

— А тебе не приходило в голову, что именно эти три факта — отсутствие рядового, пропажа отчетов и сходство солдата с майором подорвали доверие к тебе.

— Что говорить... сумей я тогда объяснить хотя бы один, лучше два из этих фактов, я бы не заболел.

— Хорошо, а теперь подумай вот над чем. Семь лет, спотыкаясь и падая, ты подбирался к тому, что потерял. Ты выследил человека, который сделал эту штуковину, и вот-вот должен был повстречаться с ним. И тогда что-то случилось.

— Моя вина. Нарвался на Томпсона и окончательно спятил.

Она положила ладонь ему на плечо.

— Теперь представь себе, что твой рядовой нажал на тумблер не случайно. Представь себе, что это было сделано сознательно.

Большего потрясения он не мог бы испытать, даже если бы Джейни вдруг сверкнула бы ему прямо в глаза фонарем. Справившись с собой, он проговорил:

— Но почему это не пришло в голову мне самому?

— Тебе не позволили этого понять, — с горечью сказала она.

— Ты хочешь сказать, что мне...

— Пожалуйста, подожди еще немного, — остановила она. — На миг только представь, что все это дело одних рук. Можешь ли ты предположить, кто это сделал, и почему и как он сумел добиться твоей гибели?

— Нет, — мгновенно отозвался он. — В уничтожении первого и единственного в мире антигравитационного генератора нет никакого смысла. А в последующем стремлении погубить меня, да еще столь сложным способом, тоже. К тому же этот человек должен уметь проникать в запертые комнаты, гипнотизировать свидетелей и читать мысли.

— Так он и сделал, — ответила Джейни. — Он способен на это.

— Джейни, кто он?

— Кто, по-твоему, сделал генератор?

Он подпрыгнул на ноги и испустил вопль, скатившийся вниз, на темные поля.

— Гип!

— Не обращай на меня внимания, — сказал он. — Я просто понял, что тот, кто рискнет уничтожить подобную вещь, и есть тот, кто сможет сделать другую такую же, когда захочет. А это означает — о, Боже! — что и солдат и Томпсон... да, Томпсон — это он отправил меня в тюрьму, когда я вот-вот должен был добраться до истины — одно лицо! И почему я раньше не догадался об этом?

— Я сказала уже — тебе не позволили.

Он вновь опустился на землю. На востоке повисла заря дальним отблеском огней невидимого города. И он увидел в ней зарю того дня, которым закончится это долгое наваждение, и вспомнил об ужасе, который вызвало в Джейни его намерение очертя голову броситься в неизвестное, оказаться перед неведомым чудищем...

И она рассказала ему все. О Дине, о Бони и Бини, о себе, о мисс Кью, которой уже не было в живых, и о Джерри. Она рассказала ему, что после гибели мисс Кью они опять возвратились в леса. Но потом...

— Джерри вдруг ударился в амбицию и решил поступить в колледж. Это было просто, как и все для него. Он невзрачно выглядит, когда эти его глаза скрыты очками; знаешь, тогда люди его просто не замечают. И он окончил медицинское училище, психиатрическое отделение.

— Ты хочешь сказать, он и в самом деле психиатр? — спросил Гип.

— Нет. Просто помнит прочитанное. В этом разница. Он спрятался среди людей, забился в толпу, подделал все мыслимые бумаги. И никто не схватил его за руку, потому что Джерри достаточно на мгновение снять очки — и... Он не провалил ни одного экзамена, поскольку везде находился туалет, где он всегда мог уединиться.

— Как? В туалете?

— Да-да, — она рассмеялась. — Вот смотри, он запирается в кабинке, вызывает туда Бони или Бини. Говорит им, на чем споткнулся. Они перепрыгивают домой, рассказывают мне, я получаю ответ от Малыша, и они опять несутся назад со всей информацией. Все за несколько секунд. Но вот однажды один студент подслушал их разговоры и заглянул через верх из соседней кабинки. Только представь себе. Ни Бони, ни Бини не могут прихватить с собой даже зубочистки, когда телепортируются, не говоря уже об одежде.

Гип хлопнул себя по лбу:

— И чем все закончилось?

— Парень вылетел оттуда пулей, голося, что в сортире голая девушка. Половина курса — мужская, конечно, — тут же рванула туда, но, естественно, никакой девушки там уже не было. Джерри тут же поглядел на юнца, тот сразу забыл обо всем и еще удивлялся, о чем шум. Сокурсники долго вспоминали эту историю.

— Хорошие были времена, — вздохнула она. — Джерри так интересовался всем. Постоянно читал. То и дело требовал помощи у Малыша. Его интересовали и люди, и машины, и книги, и искусство, и история... Я многое узнала тогда — ведь вся информация, как я говорила, проходила через меня.

— Но потом Джерри стал... я едва не сказала «заболевать», но это не так, — она задумчиво прикусила губу. — Он стал, как большинство людей, которым знания нужны лишь для того, чтобы кому-то что-то доказать. Одни стремятся к богатству, другие жаждут известности, влияния, почета. На Джерри это тоже сказалось. Он так и не получил настоящего образования, а потому всегда боялся конкуренции. В детстве ему крепко досталось: он убежал из сиротского приюта и жил, как крыса в сточной канаве, пока Дин не подобрал его. И ему нравилось быть первым в учебе, делать успехи по мановению пальца. Я думаю, некоторое время он испытывал искренний интерес к биологии и музыке, ну еще кое к чему.

Но очень скоро он понял, что превзойти многих — дело плевое. Ведь он был сильнее, могущественнее кого бы то ни было.

И он оставил занятия. Забросил гобой. А потом понемногу и все остальное. Наконец буквально остановился — провел практически год без движения. Кто знает, что тогда творилось в его голове. Неделями он лежал и не произносил ни слова.

А наш «гештальт», Гип, — так мы это называем, — сначала был идиотом, пока волей его оставался Дин. Потом Джерри принял все на себя — и мы стали новым существом. Но когда это случилось... словом, на всех нас обрушился маниакальный психоз.

— Ого! — отозвался Гип. — Депрессивный маньяк, способный править целым миром...

— Джерри не хотел править миром, хотя знал, что сможет, если захочет. Но он не видел в этом никакой необходимости.

Ну и как это случается в его психиатрических тестах, он сдался и вскоре стал деградировать, впадать в ребячество, довольно злобное к тому же.

Тогда я и начала оглядываться — трудно было оставаться в доме. Принялась разыскивать такое, что могло бы отвлечь его, вывести из этого состояния. И однажды целый вечер в Нью-Йорке я проговорила с одним из сотрудников РТИ.

— Радиотехнического института, — произнес Гип. — Мощное заведение. Я был его членом.

— Я знаю, он и рассказал мне о тебе.

— Обо мне?

— О том, что ты называл «математическим отдыхом». Об экстраполяции возможных законов и побочных проявлениях магнитного поля в гравитационном генераторе.

— Боже!

Она издала короткий, болезненный смешок.

— Да, Гип. Но я тогда не знала, не думала. Просто хотела чем-то заинтересовать Джерри. Он действительно заинтересовался. Спросил обо всем Малыша и мигом получил ответ. Видишь ли, Дин сделал эту штуку еще до того, как Джерри появился у нас. Мы успели обо всем забыть.

— Забыть?! О такой вещи?

— Дин сделал его для старого фермера Продда. Все в стиле Дина. Сделал гравитационный генератор для того, чтобы увеличивать и уменьшать вес дряхлого грузовика Продда — старик использовал его в качестве трактора. И все потому, что у Продда пала лошадь, а новая была не по карману.

— Немыслимо!

— Да. Дин и впрямь был фантастическим

идиотом. Потом Джерри спросил у Малыша, к чему может привести подобное открытие, тот наговорил ему с три короба. Сказал, что эта штука перевернет весь мир — куда там промышленной революции. Но глобальные результаты могут быть непостижимыми. При определенном стечении обстоятельств разразится чудовищной силы война, при другом раскладе — наука помчится вперед куда быстрее, чем следует. Похоже, что в гравитации кроется ключ ко всему. И тогда к Единому Полю люди добавят еще одно составляющее — то, что сейчас называется психической энергией, или «псионикой».

— Материя, энергия, пространство, время и психика, — благоговейно выдохнул Гип.

— Ага, — непринужденно бросила Джейни.

— Колоссально! Значит, Джерри решил, что мы, волосатые орангутаны, того не достойны?

— Не Джерри! Ему дела нет до того, что с вами, орангутанами, будет. Он ушел в свою раковину и хотел одного — медленно преть в собственном соку. Он вовсе не собирался обнаружить у своих ворот агентов ЦРУ, требующих, чтобы он вышел и явил себя патриотом. Он не желал тратить на них свои силы. Это не для него. И он разозлился на Дина, который давно уже в могиле, а в особенности — на тебя.

— Ну да! Он мог просто убить меня. Почему же он не сделал этого?

— По той самой причине, что помешала ему самому потрудиться и извлечь устройство, прежде чем ты его обнаружил. Я же говорила тебе, он сделался злобным и мстительным. Ты нарушил его покой. И должен был расквитаться за это.

Вынуждена признаться, тогда меня не заботило, какой оборот примет дело, — я рада была тому, что он вновь зашевелился. И я пошла с ним на полигон.

А теперь расскажу о том, чего ты не можешь помнить. Он вошел в лабораторию, когда ты отлаживал свой детектор, заглянул в твои глаза и вышел, зная все, что было известно тебе и что ты собираешься извлечь из этой штуки.

— Да, в те дни моя голова просто пылала, — скорбно отозвался Гип.

Она рассмеялась.

— Ты не знаешь, ты ничего не знаешь. Как сейчас вижу тебя с этим тяжелым ящиком. Ты стоял в своей ладной форме... и солнце золотило волосы... Гип, мне было семнадцать.

Джерри велел мне быстренько достать форму рядового. Джерри надел куртку и, привалившись к забору, стал тебя ждать. Ты направился прямо к нему и вручил свой детектор: «Пойдем-ка, парень, приглашаю на пикничок. Понесешь закуску».

— Изрядным кретином я тогда был.

— Нет! Я глядела из-за барака военной полиции. Мне ты казался удивительным. Да, Гип!

Он почти рассмеялся.

— Ну-ну, продолжай. Что было дальше?

— Остальное ты знаешь. Джерри велел Бони выудить материалы из твоей комнаты. Она их разыскала и мгновенно переправила мне. Я их сожгла. Прости, Гип. Тогда я не знала, что задумал Джерри.

— Продолжай.

— Джерри позаботился о том, чтобы тебе никто не поверил. Его психологический расчет был верен. Ты настаивал, что ходил с каким-то рядовым, а его никто в глаза не видел. Ты твердил, что этот рядовой и врач — одно лицо. Типичный симптом подобных заболеваний. Ты заявил, что материалы отчетов подтверждают твои слова, а их нигде не могли найти.

— Остроумно, — только и мог вымолвить Гип.

— И на всякий случай, — не без усилия проговорила Джейни, — он дал тебе постгипнотическую установку, которая не позволила тебе заподозрить его в исчезновении устройства, ни в качестве майора Томпсона, психиатра, ни в качестве рядового.

Когда я поняла, что он натворил, я попыталась уговорить его хоть как-то помочь тебе, хоть самую малость. Но он только усмехнулся. Я спросила у Малыша, что можно сделать. Он сказал: подобная команда может быть снята лишь реверсивным негативным воздействием.

— Это еще что такое?

— Мысленное возвращение ко времени инцидента. Реверсивное переживание — это процесс восстановления, повторного восприятия события. Но этот путь для тебя был закрыт — приходилось начинать с момента получения команды. Оставалось только полностью лишить тебя способности к передвижению, не объясняя причин, и постепенно — звено за звеном — раскрутить всю цепь событий, чтобы ты мог добраться до запрета Джерри. Он ведь был сформулирован по типу «отныне и далее...» и не мог остановить тебя, когда ты пошел в обратную сторону.

— Скажите пожалуйста, — с наигранной важностью проговорил Гип. — Я чувствую себя значительной персоной. Столько хлопот из-за простого парня.

— Не обольщайся, — кисло улыбнулась она. — Извини, Гип, я не это хотела сказать... Джерри не способен был на волнения, угрызения совести. Он просто раздавил тебя, как жучка, и тут же забыл.

Уничтоженный, Гип прошептал:

— Ну, спасибо тебе, Джейни.

— Он сделал это дважды, — гневно воскликнула она. — Ты стоял перед ним, ты, потерявший лучшие годы молодости... целых семь лет!.. Ты утратил ум и мастерство инженера, все честолюбивые идеи, кроме одной, навязчивой, не покидающей тебя. Голодный, грязный маньяк. И все же в тебе еще хватило того, что делает тебя тобой, — и ты одолел эти семь лет, собирая жизнь по кускам, и сумел добраться до его порога. Но, увидев тебя случайно в городе, Джерри сразу понял, зачем ты пришел. И когда ты кинулся на него, он просто швырнул тебя в оконное стекло — одним взглядом этих подлых, ядовитых глаз.

— Ну, Джейни, Джейни, не надо так волноваться, — успокаивал Гип.

— Я сама не верю своим словам, — прошептала она, проведя рукой по глазам. Потом откинула волосы назад, расправила плечи. — И он послал тебя головой в окно, а заодно велел: ляг и умри. Я же видела это, все случилось на моих глазах. Как гнусно...

Продолжала она уже более спокойно.

— Я не страдала бы так, если бы Джерри был мне просто знакомым, даже другом или братом. Но пойми, мы с ним — часть чего-то общего, реального и живого. И ненавидеть его для меня — ну словно ненавидеть часть себя.

— Сказано в Писании: «Если глаза твои соблазняют тебя — вырви их и отбрось. Если правая рука твоя...» — начал он.

— Да-да, рука, глаз, — вскричала Джейни, — но не воля же! — И продолжала. — То, что случилось с тобой, — не единственный случай. Ты помнишь разговоры о ядерном синтезе восемьдесят третьего элемента?

— Сказки, висмут не играет в подобные игры. Что-то припоминаю... какой-то безумец... Клакенхорст его звали, так?

— Не безумец, а Клакенхеймер, — с укоризной поправила она. — В припадке хвастовства Джерри выболтал некое дифференциальное уравнение, чего не следовало делать. Клак вовремя сообразил. И сумел добиться слияния ядер висмута. Тогда Джерри встревожился, такая штука вызвала бы столь мощный резонанс, что, докапываясь до корней, могли бы выйти на него. Тут он и разделался с бедолагой Клаком.

— Он умер от рака! — фыркнул Гип.

Она странно глянула на него.

— Мне лучше знать, от чего.

Гип стиснул руками голову. Джейни продолжала:

— Но этим не ограничилось. Хотя остальное уже так, по мелочи. Как-то я решилась уговорить его поухаживать за девушкой, жениться. Но только без этих штучек, на одном обаянии. Он потерпел неудачу — его обошел приятный такой парнишка, который торговал стиральными машинами, доставлял их на дом клиентам и вполне преуспевал. Так вот, парень заработал болезнь, когда нос — как свекла. Все, он остался без работы.

— И без девушки... — догадался Гип.

Джейни улыбнулась.

— Девушка словно прилипла к нему. Теперь у них маленькая керамическая мастерская. Но к прилавку он не подходит.

Гип, кажется, догадался, откуда взялась мастерская.

— Джейни, ну а мне ты почему помогаешь?

— Потому что ты — это ты.

А потом заговорила быстро и страстно:

— Мы не кучка уродов. Мы homo gestalt, понимаешь. Мы — единое существо. Нас никто не изобретал. Мы порождены. Мы — следующая за человеком ступень. И мы одиноки, подобных нам не существует. Мы живем на необитаемом острове, среди стада коз.

— Это я-то — козел?

— Да-да, конечно, неужели ты сам не видишь? Но мы уроженцы этого острова, и нас некому было учить, некому было рассказывать, как следует себя вести. От коз мы узнаем все то, что делает козу хорошей, но это никак не изменит факта, что мы не козы! Нам нельзя жить по тем же правилам, что и обычным людям — мы совсем не то, что они!

Но, помимо «Гештальта», я еще и девушка по имени Джейни. Я видела, что он сделал с тобой, превратил в замученного кролика, но я узнала тебя. И увидела тебя таким, как семь лет назад: ты стоял со своим детектором, и солнце запуталось в твоих волосах. Ты был тогда широкоплечий, мускулистый и шагал, как рослый лоснящийся жеребец. Яркий, как бентамский петух. Мне было семнадцать, Бэрроуз, и ничего более. Семнадцать, и в душе журчала весна.

В глубоком потрясении он прошептал:

— Джейни... Джейни.

— Убирайся прочь! — огрызнулась она. — Это не то, что ты подумал. Не розовые сопли. Я говорю о том, что бывает в семнадцать, когда ты ощущаешь себя целиком... — она прикрыла лицо. Он ждал. Наконец она опустила руки. Глаза ее была закрыты, и сидела она очень тихо: — Целиком... человеком, — закончила девушка.

И продолжала, уже вполне деловито:

— Вот потому-то я помогла тебе.

Он стал навстречу свежему утру, ясному, новому. И снова вспомнил, с каким ужасом она узнала от него о первом появлении Бони, и глазами Джейни увидел теперь, что вышло бы, окажись он, слепой и немой, в этих безжалостных жерновах.

Он вспомнил тот день, когда, закончив работу, вывалился из лаборатории. Наглый, самоуверенный, тщеславный, он подыскивал себе в рабы тупейшего из рядовых.

— Джейни, — сказал он взволнованно. — Не хочу тебя разочаровывать, но тот ладный парень, которого ты видела на полигоне, с детектором... Ну, в общем, ты немного заблуждалась на его счет. — Он глубоко вздохнул. — Теперь я все это помню очень отчетливо, ведь я проспал все эти семь лет. Сейчас я проснулся и вспомнил то, что видел, засыпая.

Джейни, мне жилось несладко. Все, начиная с отца и кончая офицерами ВВС, где я стал служить, доказывали мне — и довольно успешно — что я никчемный человечишко, серое созданьице, и удел мой — быть зубцом в гребенке, прутом в штакетнике. Если бы я окончательно поверил в это, то погиб бы.

Да, я самостоятельно обнаружил это дегауссирующее поле, но хочу, чтобы ты поняла: тогда я выходил из лаборатории не заносчивым петушком и не самодовольным жеребцом. Я шел навстречу открытию, чтобы даровать его человечеству, но не человечества ради, — он с горечью сглотнул, — а чтобы меня просили сыграть в

офицерском клубе, чтобы похлопывали по спине, чтобы обращали внимание, когда я вхожу. Я хотел только этого. И когда я понял, что передо мной не просто машина, ослабляющая магнитное поле, а антигравитационная установка, способная изменить лицо Земли, я вообразил себе лишь то, что к фортепиано меня будет приглашать сам президент, а похлопывать по плечу — генералы.

Гип опустился на корточки, оба долго молчали. Наконец она проговорила:

— А чего же ты хочешь теперь?

— Другого, — прошептал он и взял ее за руки, — другого. Чего-то совсем иного. — Он вдруг расхохотался. — Ты ведь сама все знаешь, Джейни? Я-то, глупый, даже представления не имею.

На миг она стиснула его пальцы.

— Быть может, ты еще разберешься. Гип, нам лучше уйти отсюда.

— Хорошо. Куда?

— Домой. В мой дом.

— И Томпсона тоже?

Она кивнула.

— Почему, Джейни?

— Он должен узнать, что компьютерам подвластно не все. Ему следует узнать, что такое совесть.

— Совесть?

— Да. Пусть Джерри начнет с этого.

— А что могу сделать я?

— Просто быть со мной, — вспыхнула она. — Я хочу, чтобы он увидел, каким стал тот блестящий многообещающий парень. Я хочу, чтобы он понял, что сделал с тобой.

— Ты думаешь, для него все это имеет какое-нибудь значение?

Она улыбнулась как-то пугающе угрюмо.

— Пусть он убедится, что не всесилен и не получал права на убийство.

— Ты хочешь вновь вызвать в нем желание убить меня?

Она опять улыбнулась, на этот раз спокойно и уверенно.

— Не посмеет. Ведь только я одна способна связать его с Малышом. Или ты думаешь, он рискнет сделать себе самому лоботомию? Неужели ты полагаешь, что он осмелится рискнуть своей памятью? Это же сверхчеловеческая память, Гип. Память Homo gestalt. Малыш хранит всю воспринятую им информацию, плюс результаты взаимодействия всех факторов во всех возможных комбинациях. Он еще мог бы обойтись без Бони и Бини, без каких-то моих услуг. Но без Малыша... Он может его потрогать, поднять, заговорить с ним. Но не извлечет ни слова, ни мысли без моей помощи.

— Пойдем, — сказал Гип.

Сначала они вернулись в собственный дом. Джейни отперла оба замка, даже не прикоснувшись к ним.

— Все время руки чесались, но я держалась, — расхохоталась она и, описав пируэт, влетела в его комнату.

— Смотри-ка, — пропела она. Лампа поднялась с журнального столика, медленно проплыла в воздухе и опустилась на пол ванной. Шнур ее, извиваясь змеей, пополз к розетке, вилка воткнулась, щелкнул выключатель. Лампа зажглась. — Видишь теперь! — воскликнула Джейни. Кофеварка вспрыгнула на крышку комода, замерла, и Гип услышал журчание — стенки сосуда запотели от ледяной воды. Он заливисто расхохотался, обхватил девушку за плечи и повернул к себе.

— Джейни, а почему я еще ни разу не поцеловал тебя?

Девушка замерла. В глазах ее засветилась нежность, радость... и что-то еще. Она засмеялась.

— Не хотелось бы, чтобы ты возомнил о себе, но ты просто чудо. — Тут она отвернулась от него, и лампа с кофеваркой вспорхнули и вернулись на свои места. Уже у двери она обернулась:

— Не медли! — И исчезла.

Они постояли на дороге, пока такси не отъехало, а потом Джейни первая углубилась в лес. Ветви высоких деревьев сплетались так густо, что подлесок не рос под ними.

Они долго шли по направлению к замшелому утесу, пока Гип не сообразил, что перед ними не утес, а стена, простирающаяся, быть может, на сотню ярдов в обе стороны. Гип увидел массивную железную дверь. Когда они приблизились, за нею что-то звякнуло и тяжело отодвинулось. Он поглядел на Джейни и понял: это сделала она.

Ворота отворились и закрылись за ними. Они оказались на дорожке, выложенной кирпичом. Дорожка сделала всего два поворота. За первым исчезла стена, а еще через четверть мили они увидели дом.

Он был слишком низок и чересчур широк. Крыша поднималась холмом — не шпилем и не треугольником. Стены тяжелые, серо-зеленые: ни дать ни взять тюрьма.

— И мне не нравится, — вторя его мыслям, согласилась Джейни.

Кто-то прятался за стволом огромного узловатого дуба возле дома.

— Подожди, Гип, — Джейни торопливо подошла к дереву и с кем-то заговорила. Он слышал ее голос: «Вы что, смерти моей добиваетесь?»

Вернувшись, Джейни пояснила:

— Это Бини, вы с ней еще встретитесь. Потом.

Тяжелая дубовая дверь отворилась сама собой, безмолвно и легко. Они вошли, и дверь захлопнулась с низким гулом.

Паркетные плитки, темно-желтые и буро-серые, образовывали гипнотический звездчатый узор, который повторялся и на обивке мебели, либо привинченной к полу, либо такой тяжелой, что ее никогда не сдвигали с места. Было прохладно, но не слишком влажно, и потолок, пожалуй, нависал чересчур низко. «Я иду, — думал он, — прямо в пасть чудовища».

Из прихожей они направились вдоль коридора, казавшегося удивительно длинным из-за стран-

ного свода стен, создававшего немыслимую ложную перспективу.

— Все хорошо, — успокоила его Джейни тихим голосом. Он растянул рот, пытаясь изобразить улыбку и, не сумев этого сделать, вытер холодный пот с верхней губы.

Возле одной из дверей они остановились.

Джейни прикоснулась к его плечу, то ли в знак близости, то ли подталкивая ко входу.

Гип шагнул внутрь и охнул. Он оказался словно в огромной оранжерее: гигантский стеклянный купол над головой, каскады фонтанов на зеленой лужайке. Неожиданное великолепие ошеломляло.

Гип увидел приближающегося к нему мужчину. Быстро шагнул вперед — не навстречу, но чтобы оказаться подальше от Джейни, на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств. А схватка непременно должна была произойти, он знал это.

— Ну, лейтенант, хотя меня и предупредили, не могу скрыть — искренне удивлен.

— А я нет, — с вызовом парировал Гип. К его удивлению, голос слушался. — Все эти семь лет я знал, что отыщу вас.

— Боже! — изумился Томпсон. Через плечо Гипа он бросил: — Извини меня, Джейни. Я не верил тебе до этой самой минуты. — И уже обращаясь к Гипу, добавил. — У вас удивительная способность к выживанию.

— Что ж, хомо сапиенс — зверь крепкий, — отвечал Гип.

Томпсон снял очки. Под ними прятались большие круглые глаза, отливающие молочно-белым светом телеэкрана и пронзительно черными, цепкими зрачками. Казалось, еще минута — и они закружатся, вовлекая все вокруг в свою глубину.

Кто-то внутри произнес:

— Не смотри в них, и все будет в порядке.

Гип услышал голос позади себя:

— Джерри!

Гип обернулся. Джейни поднесла руку ко рту, и небольшой стеклянный цилиндрик оказался между ее зубов. Она сказала:

— Джерри, я предупреждала тебя. Ты знаешь, что это такое. Только тронь Гипа, и я немедленно раскушу эту штуку. Тогда до конца дней своих можешь жить с Малышом и близнецами, как мартышка в клетке с белками.

«Хотелось бы увидеть этого Малыша», — успел подумать Гип.

Томпсон застыл на месте, остановив взгляд на Джейни. Однако слова он обратил к Гипу.

— Малыш вам не понравится.

— Не имеет значения. Я хочу задать ему вопрос.

— Никто, кроме меня, не задает ему вопросов. Вы ведь рассчитываете на ответ?

— Да.

Томпсон расхохотался:

— В наше-то время на что-то надеяться!

Джейни тихо позвала:

— Погляди сюда, Гип.

Он обернулся. Теперь он затылком ощущал скрытое напряжение. Так, должно быть, чувствовали себя люди, повернувшиеся спиной к Горгоне.

Следом за Джейни он пересек комнату. В нише стены покачивалась колыбель величиной с добрую ванну.

— Продолжай, — проговорила Джейни. На каждом слоге живой цилиндр подергивался.

— Да, продолжай, — голос Томпсона раздался так близко, что Гип вздрогнул: он не услышал звука приближающихся шагов.

Сглотнув, Гип обратился к Джейни:

— Что я должен сделать?

— Просто в уме сформулируй вопрос. Возможно, он уловит его. Насколько я знаю, он слышит всех.

Гип склонился над колыбелью. Тусклые черные глаза... словно носки запыленных ботинок приковывали взгляд. Он подумал: «Прежде у вашего Homo gestalt была другая воля. Ваш «симбиоз» может использовать разных телекинетиков, телепортеров. Малыш, а тебя заменить можно?»

— Он отвечает — да, — проговорила Джейни, — тем маленьким грубияном с огрызком кукурузного початка... помнишь его?

Гип медленно повернулся к Джейни. Мысль приближалась...

Если Малыш — сердце, ядро, эго и память нового существа... если даже Малыш может быть замещен, значит Homo gestalt бессмертен.

Джейни охнула, отозвавшись на его мысль.

А Томпсон с расстановкой проговорил:

— Совершенно верно. Замещен может быть не только Малыш. Так что заканчивай свою драму, Джейни. Ты больше мне не нужна.

— Гип! Беги! Беги!

Глаза Томпсона обратились к Гипу:

— Нет! — тоном приказа отрезал он.

Зрачки его уже собирались закружиться, словно колеса, словно винты самолета, словно...

Гип услышал, как взвизгнула Джейни. Потом послышался хруст. Взгляд исчез.

Прикрыв глаза ладонью, Гип отшатнулся. Слышалось неразборчивое бормотание.

Бормотала темнокожая девушка, обнаженной мускулистой рукой поддерживавшая Джейни. Та готова была осесть на пол.

— Джейни! — взревел он. — Бони, Бини, — как вас там, — неужели она...

Девушка, поддерживавшая Джейни, вновь забормотала. Джейни подняла глаза, перевела изумленный взгляд на Гипа. А потом на Джерри Томпсона. Тот с жалким видом скрючился в углу.

И Джейни улыбнулась.

Девушка, что была с ней, тронула рукав Гипа. Указала на пол. Раздавленный цилиндрик валялся под ногами, легкое пятнышко жидкости таяло на глазах. Джейни бросилась в объятия Гипа:

— А Джерри... он?..

— Жив... Пока.

— Ты убьешь его? Не делай этого! — прошептала Джейни.

— Бони! — позвал Гип.

— Хо.

— Принеси мне нож... Острый и длинный. И полоску ткани...

Джейни в панике вскрикнула:

— Бони, не надо...

Та исчезла. Гип попросил:

— Оставь нас с ним вдвоем. Ненадолго.

Джейни открыла было рот, но внезапно повернулась и выбежала из оранжереи. Бини просто испарилась.

Бони вошла через дверь. В руках она держала полоску черного бархата и кинжал с клинком длиной дюймов одиннадцати. Глаза ее необычайно округлились, рот, напротив, сжался в точку.

— Спасибо, Бони, — он взял нож. Роскошная финка — остра, словно бритва.

— Бони!

И она вылетела из комнаты, как вишневая косточка из пальцев. Гип подтащил Томпсона к креслу, огляделся, заметил шнурок от звонка и сорвал его. Он привязал руки и ноги Томпсона к креслу, откинул назад его голову и затянул на глазах повязку.

Потом пододвинул еще одно кресло, уселся в него. И принялся покачивать рукою с ножом. Он ждал. И думал, пытаясь пробиться к Джерри.

Слушай меня, мальчик, слушай, сирота. Тебя ненавидели, гнали... Так было и со мной.

Слушай меня, мальчик из пещеры. Ты нашел укромный уголок и был счастлив в нем. Так было и со мной.

Слушай меня, мальчик мисс Кью. На годы ты забыл самого себя, а потом вернулся, чтобы обрести себя заново. Так было и со мной.

Слушай меня, мальчик, Homo gestalt. Ты обрел в себе силу, что превыше любых мечтаний, ты пользовался ею и наслаждался. Так было и со мной.

Слушай меня, Джерри. Ты узнал, что, как бы велика ни была твоя мощь, она никому не нужна. Так было и со мной.

Ты хочешь быть желанным. Ты хочешь быть нужным. И я тоже.

Джейни говорит, вы нуждаетесь в морали. Но это понятие не применимо к вам. Вы не можете воспользоваться правилами, установленными теми, кто подобен вам, — таких не существует. И ты не простой человек, так что мораль обычных людей не применима к тебе. Так человеку бесполезен моральный кодекс муравьиной кучи.

Поэтому ты никому не нужен, и ты — чудовище.

И я не был нужен обществу, покуда оставался чудовищем.

Но, Джерри, есть свод заповедей и для тебя. Свод, который требует веры, а потом повиновения. Зовется он этикой.

Этот кодекс позволяет выжить. Суть его в уважении к прошлому и вере в будущее. Обратись к потоку, который дал тебе жизнь, и, когда наступит время, сам породишь нечто большее.

Помоги человечеству, Джерри, оно тебе и отец, и мать — ты ведь не знаешь своих родителей. И человечество породит подобных тебе, и ты больше не будешь один. Помоги им взрасти, помоги им выстоять — и ваш род умножится. Ведь ты же бессмертен, Джерри. Бессмертен уже теперь. И когда вас станет много, твоя этика сделается их моралью.

Я был чудовищем, но я познал законы морали. Ты тоже чудовище. И делю лишь за твоим решением.

Джерри пошевелился.

Гип Бэрроуз замер.

Джерри застонал и слабо закашлялся. Ладонью левой руки Гип откинул назад вялую голову. И приставил острие ножа прямо к горлу Джерри.

Тот неразборчиво забормотал. Гип проговорил:

— Не дергайся, Джерри. — Он легко надавил на нож, тот промял кожу глубже, чем этого хотел Гип: отличный нож.

Губы Джерри улыбались — их растягивали напряженные мышцы шеи. Дыхание, свистя, пробивалось снова сквозь напряженную улыбку.

— Что ты собираешься сделать?

— А что бы ты сделал на моем месте?

— Снял бы повязку. Я ничего не вижу.

— Все, что необходимо, ты увидишь.

— Бэрроуз, освободи меня. Я тебе не причиню вреда. Обещаю. Я ведь многому могу научить тебя, Бэрроуз.

— Убить чудовище — дело, отвечающее нормам морали, — заметил Гип. — А скажи-ка мне, Джерри. Правда ли, что ты можешь прочесть все мысли человека, заглянув в его глаза?

— Отпусти меня, отпусти, — пробормотал Джерри.

Повязка упала, оставив одно изумление в этих странных круглых глазах. Достаточное, куда более достаточное, чтобы прогнать всякую ненависть. Гип бросил нож, звякнувший об пол. Удивленные глаза последовали за ним, вернулись... Зрачки готовы были уже закружиться.

— Ну, — тихо проговорил Гип.

Не скоро Джерри вновь поднял голову и встретился с Гипом глазами.

— Привет, — проговорил Гип.

Джерри вяло поглядел на него:

— Убирайся ко всем чертям, — пробормотал он.

Гип неподвижно сидел.

— Я мог бы убить тебя, — проговорил Джерри. Он открыл глаза пошире, — мне и сейчас нетрудно это сделать.

— Ты же не стал убивать, — Гип поднялся, нагнулся к ножу и подобрал его. Потом вернулся к Джерри и перерезал путы. Затем снова сел.

Джерри проговорил:

— Никто... никогда... — он покачал головой и глубоко вздохнул. — Мне стыдно, — прошептал он. — Никто еще не заставлял меня почувствовать стыд. — Он поглядел на Гипа, и изумление вновь вернулось в его глаза. — Я знаю так много. Могу разузнать все обо всем. Но я

никогда... как тебе удалось все это обнаружить?

— Я попался так же, как и ты, — отвечал Гип. — Этика не набор фактов. Это образ мышления.

— Боже, — проговорил Джерри, пряча лицо в ладонях. — Что я наделал... а что мог бы сделать.

— Что можешь сделать, — мягко поправил его Гип. — Ты уже расплатился за прежнее.

Джерри оглядел огромную стеклянную комнату и все, что стояло в ней, — массивное, дорогое, богатое:

— В самом деле?

Гип поднялся:

— Схожу-ка лучше к Джейни. Она боялась, как бы я тебя не убил.

Джерри молчал, пока Гип не оказался возле двери. А потом произнес:

— Не уверен, кажется, все же убил.

Гип вышел.

Джейни с близнецами сидели в крохотной прихожей. Когда Гип вошел, Джейни шевельнула головой, и близнецы исчезли.

Гип проговорил:

— Я хотел, чтобы и они знали.

— Говори, — отвечала Джейни, — они и так узнают.

Он сел возле нее. Джейни сказала:

— Так ты его не убил...

— Теперь с ним все будет в порядке, — отвечал Гип, поглядев ей в глаза. — Ему стало стыдно.

Она, словно в шаль, закуталась в мысли.

— Вот и все, что я мог сделать. А теперь я ухожу, — он глубоко вздохнул. — Много дел. Надо разыскать пенсионные чеки. Подыскать работу.

— Гип...

— Да, Джейни.

— Не уходи.

— Я не могу остаться.

— Почему?

— Я не могу стать частью вашего целого.

Она проговорила:

— У Homo gestalt есть и руки, и голова, и воля. Но человека человеком делает то, чему он выучился, чем обладает. В раннем детстве этого не приобретешь, такое случается после долгих проб и ошибок. И становится частью его самого до конца дней.

— Не знаю, что ты хочешь сказать. Ты имеешь в виду, что я могу стать частью?.. Нет, Джейни, нет, — от ее улыбки нельзя было укрыться. — Так какой же частью? — озадаченно спросил он.

— Будешь докучливым надоедалой, напоминающим о правилах хорошего тона, — знатоком этики, способным преобразить ее в привычную мораль.

Не было испуга, только радость, и в Джерри перетекали токи, улыбки, блаженство, и он отвечал, не ведая страха. А над всем этим только: «здравствуй, здравствуй».

Все они были молоды, пусть и не столь юны, как сам Джерри. И молодость эта ощущалась в силе и упругости мысли. Да, воспоминания коекого из них человеку показались бы довольно необычными, но, с точки зрения вечности, они были юны и бессмертны.

Был среди них и тот, кто напевал мелодии папаше Гайдну, и тот, кто представил Уильяма Морриса семейству Россетти. И словно сам Джерри увидел Ферми, склоняющегося над следом, оставленным на фотопластинке делящимся ядром, и девочку Ландовскую, слушающую клавикорды, задремавшего Форда, которому снятся люди возле поточной линии.

Задать вопрос значило получить ответ.

— Кто ты?

И Джерри увидел себя атомом во Вселенной, а свой Gestalt — молекулой. А рядом другие, другие... атомы, молекулы, клетки, слившиеся в нечто огромное, непостижимое — чем должно еще только стать человечество.

И он почувствовал трепет и благодарность — все-таки человеку еще будет за что уважать себя.

И он простер руки, и слезы хлынули из его странных глаз.

— Спасибо, — вымолвил он. Спасибо, спасибо.

И в смирении занял предуготованное ему в мире место.

Перевел с английского
Юрий СОКОЛОВ

Андрей Бугаенко

НЕ НАСТУПАЙТЕ НА ПЕРСОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Сложный и неоднозначный роман Т. Старджона, вызвавший массу прямо противоположных трактовок в американской прессе, естественно, не сводится к одной идее. Для комментария редакция журнала решила выбрать тему социализации личности, явственно звучащую в романе. Некий «сверхколлектив», представляющий собою единый организм, мучительно ищет самоопределения. Отрицая мораль, отторгая социальные функции, он тем самым оказывается в одиночестве, что ставит его на грань гибели. Причем корни проблем, как это водится у автора, уходят в детство. Мы обратились к психологу, специалисту по проблемам общения детей с просьбой рассказать о том, как в действительности происходит становление «человека общественного».

Человек родился. С какого момента его можно считать социальным существом? Еще в 1934 году эксперименты Шарлотты Бюлер определили, что первая социальная реакция — улыбка — появляется, когда ребенку исполняется 20 дней. Затем следуют «комплекс оживления», «гуление», первые слова. Примерно с того же времени появляется опасность «госпитализма» (это устоявшийся термин), ребенок, оказавшийся с рождения вне общения со взрослыми, может погибнуть, даже если за ним ухаживают.

Для участия ребенка в коллективной деятельности требуется, чтобы его можно было чувствовать — «читать»; ребенок должен выражать **знаки** эмоций. Можно ли представить группу абсолютно непредсказуемых людей? Нет, каждый из них будет одиночкой в чужом ему мире. Чтобы общаться, человек должен быть предсказуем для других.

Эмоции у ребенка возникают постепенно. Сначала они просты: удовольствие-неудовольствие — от мокрых пеленок или сытого животика, оживление. После 2—2,5 месяцев появляется способность выражать радость при появлении близких. До полугода в арсенале младенца 2—3 эмоции. Замечено, что примерно в 9 месяцев малышу «нравится» наползать на сверстника — он делает это, чтобы услышать крик. Такие чувства, как удивление или испуг, возникают только к году. И лишь позднее появляется «отвращение» — подбородок приподнят, голова повернута на три четверти оборота, взгляд сверху вниз. Идет постоянное нарастание числа эмоций.

Но схожие чувства переживают и другие высшие млекопитающие. И если бы развитие шло и дальше таким линейным путем, то получали бы мы удивительно «читаемых» людей. Однако появляется «ехидная улыбка», и мы теряемся — радость это или знак чего-то еще?

С громадным отставанием от эмоционального развития у детей формируется умение пользоваться знаками своих чувств, появляется мимика и пантомима. И эта линия направлена как раз на то, чтобы избежать чрезмерной предсказуемости. Каждый ребенок одновременно и социален, и асоциален. Не зря же существует утверждение, что нельзя сказать правды, не научившись врать. Возьмем «картинку радости» — что это, отражение реального чувства или ширма? Или: «Ха-ха-ха, а мне не больно — курица довольна!» Подобная формула может скрывать и обиду, и презрение, и радость, и боль. Но она не всегда может быть «прочитана», и это — путь социального развития. Кстати, у Конрада Лоренца в книге «Человек находит друга» отмечено, что чуть ли не самым сложным для дрессировщика материалом являются медведи. Эти одиночные по своей природе звери не «читаются». Они могут испытывать боль или ярость, но при этом не возникает «картинки» в виде прижатых, например, ушей.

«Читаемость» делает человека более комфортным для окружающих, они знают, чего от него ждать. Но, с другой стороны, легко предсказуемый человек — объект для манипуляций, его можно вести за собой, как овцу...

Итак, ребенок попадает в детский сад сразу из семьи. Сначала он автоматически становится «изгоем». И чем больше стаж группы, тем сильнее отторжение. Мальчик или девочка активно наблюдает за новой для него жизнью коллектива и, конечно, постоянно вступает в мелкие конфликты. Ребенок берет то, что ему разрешалось брать дома, и сталкивается с «категорией собственности». Нарушает по незнанию правила и условия игр. Тогда начинается крайне болезненный адаптационный синдром, и на 6—9-й день это может вылиться в ОРЗ, температуру, отказ от пищи, истерику. Адаптация средней тяжести, по медицинской терминологии, длится около трех месяцев. Если взрослые помогают — процесс включения будет не таким болезненным.

«Изгоем» быть гораздо дискомфортнее, чем «отрицательным» лидером. Обычно все кончается тем, что родители под разными предлогами забирают детей-«изгоев» из группы. А отрицательный лидер либо перейдет в том же качестве в школу, либо станет положительным. На лидерство сильное влияние оказывает возраст. В садиках даже отрыв в полгода дает ребенку огромные преимущества. В одной группе была девочка примерно на год старше остальных — больше всех, громче всех кричала и, естественно, «делала погоду». А младшие оказались «изгоями» — их не любили, с ними не играли. Младшие всегда беднее в социальном плане, им отводится роль «серой мышки».

Физические дефекты в детской среде не влияют на общение. В одну группу ходила девочка с ужасно обожженной рукой, взрослые просто вздрагивали, но дети на это совсем не обращали внимания. Не принимают в расчет дети и критерии материального достатка, скажем, как одет их сверстник. Напротив, если ребенок пришел с установкой играть только с хорошо одетыми, это оборачивается для него отторжением.

Я считаю, что для ребенка в общении ключевыми являются не слова, а «экстралингвистические» элементы — дистанция, интонация, касание, «контакт глаз». Они значимы и для взрослых, но для детей играют решающую роль.

Иногда мы фиксируем, что человек нам неприятен, но объяснить почему, не можем. А дело в нарушении нашего персонального пространства. Попробуйте в метро достаточно долго смотреть на ботинок своего соседа, и вы увидите, как спустя некоторое время тот начнет испытывать явный дискомфорт, озираться и пытаться понять, что случилось. То же вы чувствуете, когда случайный собеседник начинает крутить пуговицу на вашем пиджаке, или если он держится к вам ближе, чем на 15—20 сантиметров. А верх административного садизма, который часто используют начальники, — «наступить» на персональное пространство подчиненного, чтобы заставить его почувствовать свою уязвимость.

Дети проигрывают взрослые ситуации и впитывают социо-культурные стереотипы. Это можно понять на примере детской литературы: с возрастом она для ребенка меняется. Сначала его интересуют традиционные сказки, где присутствует только действие вполне статичных героев: хороший — спас, плохой — съел. Затем появляется авторская сказка, а с нею — характеры. Например, нарциссизм Мэри Поппинс, хвастовство Незнайки и Карлсона. Этот переход связан с большим вниманием друг к другу. И в игры также начинает входить акцентуированное поведение. Бармалей, в отличие от Чуда-Юда, обладает не абстрактным характером, и ребенок в игре начинает сравнивать поведение людей.

У детей нет инструментов анализа, они не могут отличить искусство от реалий. И потому то, что они видят на экране телевизора, проецируется на действительность. Одна из главных проблем сегодня — социо-культурные эталоны поведения. Раньше их источником выступали окружающие люди различных профессий. Сегодня — это телевидение, кино, реклама. Эталоном становится вид диктора, героя, политика, над которым поработала целая бригада. То есть эталон заведомо завышен. Помните, у Курта Воннегута в «Завтраке для чемпиона» на некоей планете, перед тем как начать ее завоевание, сформировали недостижимый эталон. И вторжение прошло безукоризненно. Усиление избыточности эталонов снижает приспособленность человека к жизни. Известна масса случаев, когда девочки доводили себя диетой до полного истощения. Важно, чтобы дети научились воспринимать дикторов — как дикторов, актеров — как актеров.

Интересен в этом смысле пример одного из кумиров современной молодежи — Арнольда Шварценеггера. В написанной им недавно книге он раскрывает себя (психологу это хорошо видно) как полную противоположность тому образу решительного, не знающего сомнений супермена, которым он завоевал кинозрителя. По своему складу «железный» Шварценеггер — психастеник, болезненно переживающий необходимость принятия решений и их последствия, компенсирующий свою слабость жизнью по правилам: диетой и строгим режимом дня.

Как и у взрослых, в детской среде выделяются различные социальные типы. Когда их спрашиваешь: «Кого бы ты хотел пригласить на свой день рождения, а кого — не пустишь?», выясняется, что выделение негативного лидера происходит гораздо чаще, чем положительного. «Козел отпущения» есть практически в любой детской группе. Впрочем, кого любят — не любят в дошкольных коллективах зависит в первую очередь от взрослых, воспитателей. Кому не знакома сцена: нервная дамочка распекает нашалившего ребенка, при этом концентрируя на нем внимание всей группы. Помню такой пример: пятилетний полненький малыш потерял свои спортивные трусики. И воспитательница стала его высмеивать. Естественно, вслед за ней стали смеяться все дети. Мальчик минут сорок ни с кем не мог общаться. Когда дети забыли про инцидент, он тихо, как мышка, подошел к огромному дворцу, возведенному из строительного набора коллективными усилиями всех ребят, и вынул нижний «кирпичик». Постройка рухнула. Дети всегда знают, как можно ответить...

Реальный лидер в детской группе всегда более активен, бодр, менее утомляем. Он лучше всех владеет определенной деятельностью, например, играми с правилами. В школе он обладает большим объемом знаний о мире взрослых. Механизм лидерства осуществляется через возможность лучше всех вписаться в действующую в данном коллективе систему ценностей. Занятно, но яркие дети, как правило, не лидеры — они сами по себе.

Существует целая типология лидеров. Любой лидер — это в некотором смысле манипулятор, способный, воздействуя на отдельных людей, менять ситуацию в коллективе в ту или иную сторону. Лидер-«звезда» реализует себя через соответствие неким эталонам, его влияние пропорционально количеству «поглаживаний», которые он выделяет члену группы — обращение по имени, знание личных качеств. Лидер-«диктатор», «босс» раздает приказы окружающим, преувеличивая собственную силу. Лидер-«калькулятор» жестко контролирует любую деятельность товарищей, обосновывая это общими интересами. «Хулиган» преувеличивает свою агрессивность и жестокость. «Судья» всех критикует, никому не верит и таким образом поднимается над всеми. «Славный парень» демонстрирует свою заботливость, внимательность, любовь к окружающим — и может убить всех своей добротой. В детской среде могут встретиться также «дельцы», «аферисты», «шантажисты», «настоятельницы» и многие другие типажи.

Детский коллектив отличается от взрослого в первую очередь менее устойчивой структурой, подвижностью иерархии отношений, хотя в обоих вариантах имеются «звезды», лидеры, отверженные. У детей их «роли» не столь жестко соблюдаются. Достаточно неделю не походить в сад даже всеми любимому лидеру — и его уже не помнят. Другое дело, если дети старше 2,5 лет долгое время находятся вместе, у них возникают единые установки, общие поведенческие нормы. Кстати, это может иметь продолжение и во взрослой жизни: например, подмечено, что бизнесмены предпочитают доверять деньги тем, с кем у них было общее детство.

Отличает детский коллектив и особая «мораль»: их поступки часто совершенно не укладываются в схему «плохой — хороший» и трудно объяснимы с точки зрения взрослого. Понять, какой направленности было то или иное действие, можно лишь зная детский контекст поступка. Существует довольно жесткий психологический тест для определения моральной устойчивости ребенка. Хотя в большей степени тест применим для школьного возраста, тем не менее обладает хорошей иллюстративностью. Ребенка в доверительной беседе спрашивают: «Если тебе известно, кто разбил окно, ты скажешь об этом учителю?» (А. При этом гарантируется полная тайна исповеди. Б. Об этом сообщается виновному. В. Об этом будет знать весь коллектив.) В случае, если ребенок дает один и тот же ответ (не важно «да» или «нет») во всех трех ситуациях, с ним все в порядке. А вот если ответ начинает меняться в зависимости от ситуации — это уже плохо. У ребенка «плавающая» мораль. Это мощный симптом асоциальности — в будущем ему будет трудновато...

И конечно, всех нас волнует, что ожидает наших детей в будущем? С одной стороны, их, детей, в России становится все меньше. И в ближайшее время эта демографическая тенденция вряд ли изменится. С другой — за последние две тысячи лет, прошедших со времен Петрония, с точки зрения психологии, люди и дети почти не изменились. Помните: «А вот скажу тебе, хороший растет у меня мальчишка, уже цифры знает...» Так же, как и прежде, человек изменяет мир, вместо того чтобы приспосабливать себя к нему. Исчез однонаправленный идеологический прессинг. Взамен ему пришло давление материальное. Постоянно возникает ощущение, что мы живем в какой-то «крысиной гонке» — бизнес, реклама, карьера, деньги, вещи. Но вспомним: когда устраивают спортивные состязания среди трехлетних малышей, тот, кто бежит первым, обязательно обернется и подождет остальных. Ему неинтересно быть победителем в одиночку...

— Я Гусеница! — представилась Гусеница.

— А я Крокодил!

— Ты не Крокодил, а Крокодильчик, — уточнила Гусеница.

— Неужели это так важно? — удивился Крокодильчик.

— Очень важно! — ответила Гусеница. — Например, я пока не бабочка.

— А ты что, когда вырастешь, станешь бабочкой?!— еще больше удивился Крокодильчик.

— Непременно стану, — ответила Гусеница и, оглядевшись, шепотом добавила:— Если, конечно, меня никто не съест.

— А если я тебя съем? — поинтересовался Крокодильчик. Когда вырасту — я стану бабочкой?

— Как тебе не стыдно?! — возмутилась Гусеница.

Крокодильчику стало стыдно.

Прошло время... Крокодильчик вырос и стал большим взрослым Крокодилом. Он любит смотреть, как порхают бабочки, надеясь, наверно, встретить давнюю знакомую. Крокодилу есть чем похвастаться перед ней — ведь гусениц он так и не ест!

«А были бы родители, — думает иногда Крокодил, — воспитывали бы меня — я бы еще кого-нибудь не ел...»

Виталий Хмельницкий. «Бабочкино воспитание».

Есть ложь, наглая ложь... и статистика

Справедливость этого язвительного изречения подтверждается журналистами. Редакция одного из французских журналов, сопоставив статистические данные с выводами, которые порой делают ученые, вызвала смех во всей Франции.

● Итак, откуда же появляются дети? Ну, конечно, их приносят аисты. Ведь по статистике, там, где они любят селиться, процент рождаемости выше, чем в целом по стране. Правда, статистики не учли, что аисты гнездятся в основном в деревнях. А рождаемость в сельскохозяйственных районах традиционно выше, чем в городах.

● А вот пример, связанный с подменой причины.
В начале века психолог Альфред Бине, увлеченный тестами на коэффициент интеллектуальности, привлек графологов к оценке умственных способностей учеников. Их попросили письменно изложить любой текст по собственному выбору. Выявленная четкая взаимосвязь данных графологов и тестов, проведенных Бине, подводила к заключению: почерк показывает меру интеллекта. Математик Эмиль Борель решил это проверить, и тексты в печатном, а не рукописном виде были предложены читателям «Ежемесячного журнала». Оценки читателей и графологов совпали. Значит, результат определялся не характером почерка, а содержанием текста, который увлеченно читал графолог.

● Тот же пример ошибочной дедукции. Во времена, когда туберкулез был весьма распространенной болезнью, считалось, что смертность от нее в горных районах гораздо выше, чем в городских кварталах. «Виноваты» горы? Нет, просто здесь много специализированных санаториев, в которых находились больные в последней стадии туберкулеза.

● А вот смешение причины и следствия.
Статистика утверждает: чем больше времени учащийся тратит на занятия, тем хуже его результаты. Но все наоборот: чем труднее дается учеба, тем больше времени ученик тратит на выполнение задания.

● Аргументом в пользу занятий физкультурой служит здоровая сердечно-сосудистая система. Однако есть основания утверждать обратное: люди, у которых сердце и сосуды в порядке, испытывают большее влечение к дополнительным спортивным нагрузкам.

● Всегда ли корреляция означает причинно-следственную связь?
Например, можно отметить корреляцию на протяжении 10 лет цен на жилье в Нью-Йорке с цифрами продажи сигарет во Франции. Но вряд ли эти факты взаимосвязаны.
Некоторое время назад данные итальянской статистики, взятые по различным районам страны, позволяли сделать вывод о взаимосвязи между продажей персональных компьютеров и разводами. Первое, что приходит на ум: персональные компьютеры разрушают традиционную семейную жизнь. Но более правдоподобно другое объяснение. В бедных южных районах, где реже покупают компьютеры, жители более религиозны, а разводы у католиков редки. В северных индустриальных и урбанистических районах менталитет современных горожан иной. Налицо вполне объяснимая корреляция, а не причинно-следственная связь. В качестве первопричины выступает третий фактор, как и в случае с аистами.

● Статистика говорит о высокой продолжительности жизни в тех странах, где едят больше мяса. Неужели потребление мяса способствует долголетию?
На самом деле жители развитых стран не только едят больше мяса, но и лучше обеспечены средствами гигиены, имеют больше возможностей для заботы о своем здоровье. Серьезные исследования среди населения одного уровня жизни показывают, что чересчур «плотоядное» питание, напротив, сокращает жизнь.

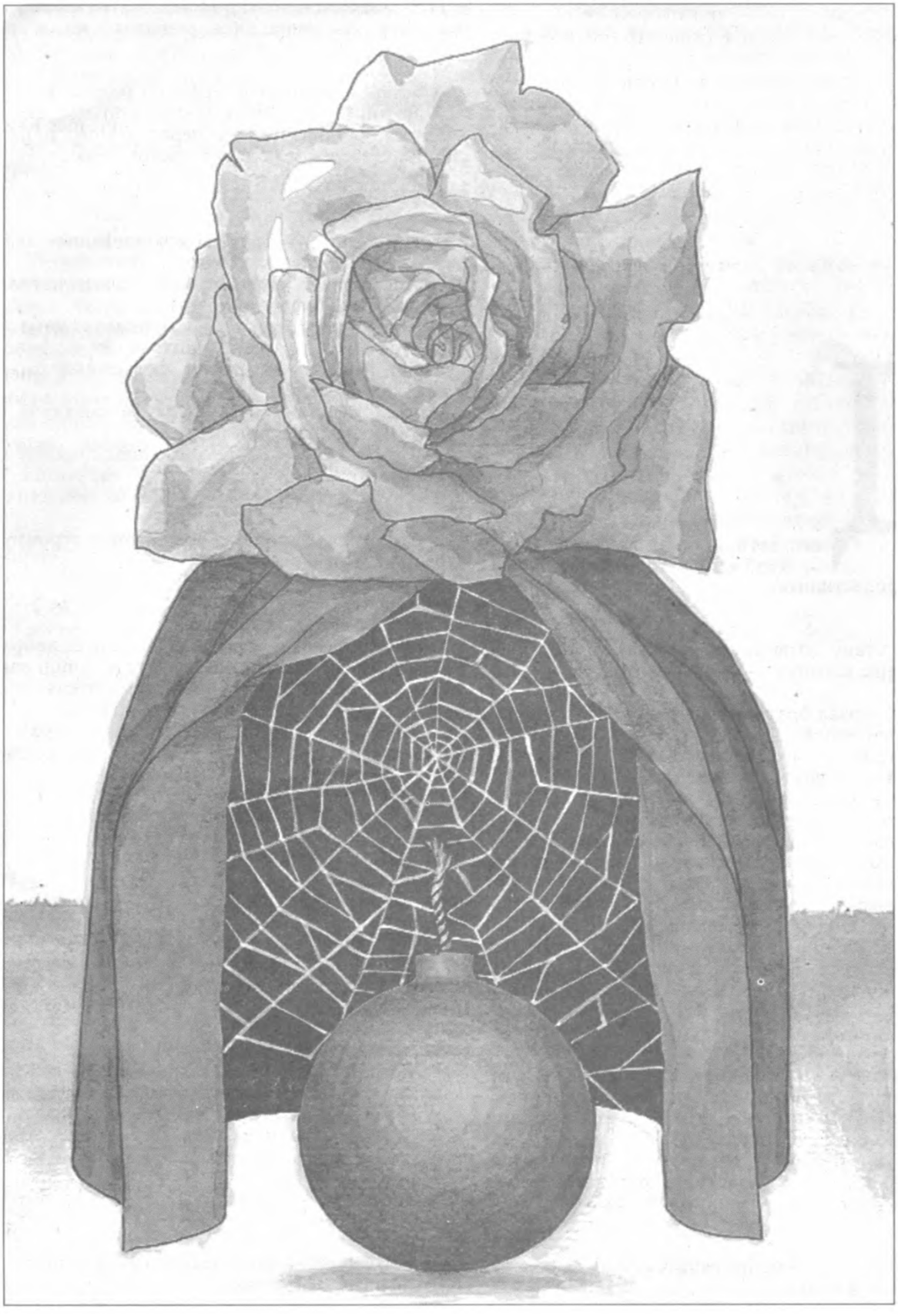
● Один американский социолог весьма наглядно показал наличие корреляции между специализацией профессоров университетов и их религиозной принадлежностью. Протестанты преобладали в таких дисциплинах, как геология, биология, химия, но практически не были представлены в гуманитарных науках, в медицине. Католики предпочитали науки о человеке. Автор исследования увидел разгадку в различных ценностных системах, свойственных каждой конфессии. Другой социолог дал «историческое» объяснение: протестанты были религиозной группой, раньше всех обосновавшейся в Америке. Потому они традиционно ориентированы на дисциплины, появившиеся первыми в программах университетов. Прорыв католиков связан с новым подъемом в области греко-латинских исследований и современной литературе.

● Самое удивительное: когда связь между двумя событиями слаба или вовсе отсутствует, люди нередко верят в то, что она есть. Частые жертвы такой иллюзорной корреляции — любители азартных игр, которые при каждом неудачном розыгрыше видят свои шансы на удачу все более и более возрастающими.

● Не будем забывать и о роли случайностей. «Плодотворное» сочетание абсолютно не связанных между собой событий, соединенных просто по воле случая, открывает простор человеческим фантазиям. На этом держится большинство суеверий.

● Некоторые социологи, впрочем, считают, что те же особенности человеческого разума, что способствовали появлению древних суеверий или религий, влияют и на развитие научной мысли. Можно провести такую параллель: в любом случае «посвященный» проходит определенные ступени, приобщаясь к знанию, и принимает за истину определенные правила и закономерности. Потому, наверное, не стоит удивляться столь различным и порой абсурдным объяснениям причин того или иного явления: это либо результат недостаточной информации, либо диктат научных традиций.

Подготовила Анна АЛАНИЧЕВА



Александр Силецкий

День игры

Дети, дети, — надрывалась нянька. — Чтоб вас, окаянных!.. Куда вы все запропастились?

— Я стану мышонком, — сказал младший, совсем еще карапуз. — Малюсеньким серым мышонком.

— Фу, сказал брат постарше, — какая гадость! Не люблю мышей.

— Но зато я смогу пролезть в любую щель. Я спрячусь — и никто меня не найдет.

— А я стану розой. Большой, красивой и душистой, — сказала сестра, самая старшая из них. Она была очень умная, или нет, самая добрая, или нет, очень нежная и слабая — на что она годилась, кроме как стать розой?! — Все будут проходить мимо, любоваться мною и говорить: «Ах, какой замечательный цветок!»

— А я, а я... Тогда я стану пауком, — решил брат постарше. — Мохнатым черным пауком. Как в книжке. Я сплету паутину, огромную и крепкую, и вы в нее попадетесь!

— Пи-пи-пи... — пропищал мышонок из норки.

Роза алела возле дома, нежилась под ветерком, и подставляла то одну, то другую щеку под ласковые поцелуи солнца.

А паук тянул нить за нитью и пыхтел, как паровоз, медленно разъезжая по рельсам своей паутины.

— Дети, дети! — надрывалась старая нянька. — Ну нельзя же так!..

— Глядите-ка, нас ищут, — пропищал мышонок. — Вот умора, правда?

— Не найдут, — важно сказал паук. — А если кто и найдет, я поймаю его в паутину, и он никуда не денется.

Роза молчала и только кивала лепестками, или это ветер, как малое дитя, резвился с ними.

А вечером вернулись с работы родители.

— Вот прелесть! Какая чудесная роза! — сказала мама, останавливаясь перед домом, и папа сломал стебелек и подарил цветок маме.

Они вошли в дом.

— Дети, дети! — кричала взволнованная нянька. — Да куда же вы подевались?

— Перестаньте, — раздраженно сказал папа, — захотят есть — сами прибегут.

— Только посмотрите, — возмутилась мама, — весь угол зарос паутиной! Няня, что же вы делали целый день?! Это не дом, а форменный сарай. Боже, какая грязь!

Нянька взяла мокрую тряпку и смахнула со стены паутину вместе с пауком.

— Пи-пи-пи, — жалобно пропищал мышонок.

— Только этого не хватало! У нас мыши, — всплеснула руками мама. — Сейчас же, сейчас же...

И папа тотчас поставил возле норки огромную зубастую мышеловку.

— Меня сорвали, — всхлипнула сестра. — Я разве кому-нибудь мешала?

Она была самая нежная, или нет, самая добрая, или нет, самая — поди пойми этих женщин, даже таких маленьких!.. — и ей было очень жаль прекрасную розу, которая цвела возле дома.

— А мою паутину порвали, меня убили, ох!.. — насупился брат постарше. — Подумаешь, сидел в углу...

— А мышонок жив все равно, — пролепетал самый младший, совсем карапуз. — Папа поставил мышеловку, но мышонок жив и никуда не попался!

— Ну и что? — возразил брат постарше. — Все равно он не может выйти. Или с голоду умрет, или попадет в мышеловку.

— Вот и нет, вот и нет! — воскликнул самый младший, совсем карапуз. — Тогда мышонок станет грызть нору в другую сторону и убежит!

— А если кругом камни? — строго спросила сестра.

Малыш на минуту задумался.

— Если камни... Знаю, знаю! — радостно воскликнул он. — Тогда я стану бомбой и взорву этот дом и убегу вместе с вами. Я не боюсь мышеловки. Я ее взорву. Мы убежим в лес и снова будем играть. Ты опять станешь розой, а ты сплетешь себе новую паутину.

— Пи-пи-пи, — пропищал мышонок в норке.

— Дети, дети! — надрывалась старая нянька. — Куда вы запропастились?

Но дети сидели тихо.

Они ждали, когда мышонок наконец-то превратится в бомбу и разрушит этот дом.

— Пи-пи-пи, — жалобно пищал мышонок.

Бах!

Ольга Карабанова,

кандидат психологических наук

ВСЕРЬЕЗ ПОНАРОШКУ

Наш журнал не раз признавался в своей искренней любви к любым видам игр, в особенности — интеллектуальным. Только в этом году мы опубликовали статью А.Родионова, посвященную созданию компьютерных игр «Игра — дело серьезное» («Если» N 1), ставшую рекордсменом по числу читательских откликов, и литературный компендиум труда голландского философа Й.Хейзинги «Homo Ludens», («Если» N 4), в которой игра рассматривается как часть мировой культуры. Сегодня эту же тему продолжает психолог. Беседу ведет наш корреспондент Елена Сеславина.

Меня всегда поражала широта спектра человеческих занятий, которые называются словом игра: и покер, и футбол, и дочки-матери, и...

— ... и флирт, и невротические «игры, в которые играют люди», описанные Эриком Берном... Видов игр великое множество, но если пытаться искать общее в той психологической действительности, которую выражает это слово, то нам поможет определение, данное выдающимся отечественным психологом Л.С. Выготским. Он считал, что об игре можно говорить, когда существует иллюзорная ситуация, некое, не связанное с реальностью, смысловое поле со своими законами и правилами. Вот ребенок строит из песка холм, воображая, что это крепость. Мастера садятся за шахматную доску, где фигурки символизируют людей, иерархию, всю сложную систему взаимоотношений. В спортивной игре свои роли и правила: ты — нападающий, он — защитник и т.д.

— Воображение связано и с творчеством. Творчество тоже игра?

— В отечественной психологии и философии есть такая традиция: с одной стороны, пытались рассматривать игру как подготовку к труду, с другой — связывали игру с художественными видами деятельности. Это теория избытка сил, согласно которой игра дает выход свободной энергии человека.

— А известно, какие игры были первыми в истории человечества? Играют ведь и высшие животные...

— Есть принципиальное отличие между деятельностью человека и высших животных. У животных знания об окружающем мире передаются инстинктивно-биологически: в родившегося зверька как бы вложена «инструкция» о том, что опасно, а что нет, что съедобно, чего нужно избегать, а что, наоборот, преследовать. Это знание «написано на роду», в нем преимущество животного, но и ограниченность: нет возможности развития. А человеческая жизнь очень динамична, и такой способ передачи видового опыта нерационален. Поэтому, когда шел процесс антропогенеза, происходило «вытеснение» инстинктивных способов жизнедеятельности, своеобразных норм и правил. Чем их заменить? — опять же правилами, но социальными, воплощенными в культуре, предметах, идеях.

— Предметы слишком быстро меняются в ходе развития цивилизации.

— Совершенно верно. Поэтому и тип наследования меняется с органического на социальный. Люди передавали из поколения в поколение традиции, былины, мифы, ритуалы, в которых заданы какие-то отношения. У известного отечественного антрополога Я.Рогинского есть наблюдения, которые позволяют говорить о родстве между искусством и игрой. Искусство появилось из попыток моделировать человеческую деятельность, ориентироваться во взаимоотношениях. Отсюда наскальные рисунки — какое-нибудь животное, пронзенное стрелой, или ритуальные танцы... Игра имеет те же корни. Ребенок родился, перед ним стоит задача — постичь мир сложнейших взаимосвязей, взаимоотношений. Игра дает возможность моделировать ситуации, недоступные ему в реальности. К тому же цена ошибки, совершенной в жизни, может быть очень велика — травма, психологическая либо физическая, даже гибель... А в игре — всего лишь проигрыш.

— Но почему всем так нравится играть, и детям, и взрослым?

— Ну, все-таки не всем и не всегда. Игра возникает, если в реальной ситуации человек не может удовлетворить какие-то потребности, настолько значимые, что они достигают накала. Такое аффективное переживание «снимает» игра. Каждый из нас как бы имеет возможность испытать будущее, находясь в настоящем. Если переживания негативные, мы будем вести себя так, чтобы избежать этого результата; если же позитивные, нам, возможно, будет их вполне достаточно, и мы не захотим что-либо менять в действительности. В этом, кстати, опасность любых игр, и детских, и взрослых.

— Существует ли какая-то классификация игр?

— Да, и не одна, хотя все они довольно размыты. Психологи полагают, что человеческая жизнь начинается с **эмоциональных** игр, которые играми в полном смысле слова считать нельзя. Мама прижимает к себе ребенка, отпускает, затем опять крепко обнимает... В чем значение этого действия? Рождаясь, малыш отделяется от матери. Это большая травма, и потом всю жизнь мы несем в душе страх, связанный с потерей близкого человека. Эта простая игра помогает изживать страх: мама удаляется, но и возвращается.

Второй этап — **манипуляции**. Это, скорее, освоение предметов: круглое, острое, шероховатое и т.д.

Лет с четырех начинаются **сюжетно-ролевые** игры. Здесь уже есть правила, закреплены роли. Всем известные дочки-матери, например...

— В дочки-матери почему-то играют только девочки.

— А мальчики играют в войну (лет пять-шесть назад наши московские ребята ласково говорили «в войнушку»; сейчас дети, увы, лучше представляют себе, что такое война). Итак, почему же мальчики любой исторической эпохи, в любой социальной среде, в любой этнической группе очарованы оружием, а девочки нянчат кукол — а если все происходит иначе, то мы, взрослые, расцениваем подобное как отклонение в развитии?

На этот счет есть несколько теорий. Немецкий психолог начала нашего века Вильям Штерн объяснял это тем, что развитие ребенка зависит от сочетания двух факторов: наследственности и среды. У каждого мальчика есть потребность в самоутверждении (ее еще называют агрессивной), у девочки — потребность в материнстве, продолжении рода, столь сильная, что на психологическом уровне ее можно сравнить с инстинктом: женщина, не рассуждая, готова жертвовать собой ради ребенка.

Реализовать подобные потребности в жизни дети, разумеется, не могут. Над мальчиком стоит отец, который наказывает, предписывает и диктует. У девочки нет возможности завести семью. А потребность — аффективная! — есть, она ищет выхода. На помощь приходит фантазия и способность использовать игровые предметы и действия. В чашке ребенок может увидеть пруд, карандаш превратится в градусник. Две фигурки поставлены рядом — они дружат. Игры одни и те же, но каждый играет в них по-своему. Девочка может быть заботливой и ласковой «мамой» своим куклам, а может — крикливой, наказующей: это уже определяет семейная среда, в которой ребенок существует.

Есть иная точка зрения на эти игры: в ходе развития ребенка должно произойти присвоение половой роли. Общество задает маскулинную и феминную ориентацию (мужчина — созидатель, защитник; женщина — мать, супруга, хранительница очага). Мальчикам покупают сабли или трансформеры, девочкам — куклы, посуду, мебель, для Барби покупают жениха, потом маленького бэби...

— Недавно был юбилей куклы Барби, и я читала, что у Барби детей не бывает. Эта кукла — образец деловой и светской женщины, но не «матери семейства». Кстати, для девочек она не только предмет поклонения, но и жесточайшей самооценки: девочка мечтает походить не столько на маму, сколько на Барби.

— Это знак социального неблагополучия. Пухлые советские пупсы в этом смысле однозначно символизировали ребенка. Вообще разговор об игрушках — отдельная тема. Их дороговизна изменила атмосферу вокруг: если раньше можно было утверждать, что совместные игры всегда на пользу ребенку, то теперь появление товарищей по игре скорее вызывает тревогу родителей, купивших игрушки, а сами игрушки скорее рождают зависть и конкуренцию среди детей.

— Вы привели две точки зрения на сюжетно-ролевые игры.

— Третья связана с психоанализом, с Фрейдом. Семья, по Фрейду, источник психологической травмы, раннее детство — период зарождения комплексов. Девочки переживают страсть к собственному отцу (комплекс Электры), мальчики — к матери (эдипов комплекс). Единственный способ сгладить конфликт — проигрывание ситуации.

— Но в любом случае речь идет о ролях?

— Да. Кстати, когда психотерапевт занимается диагностикой, корректирует развитие личности, игры очень показательны, потому что ребенок обязательно воспроизводит реально существующие отношения в семье. То, что он еще не способен передать словами (просто потому, что не владеет настолько вербальным аппаратом), он «расскажет» действиями.

Помню случай, когда на консультацию пришла мама с дочкой лет пяти: девочка капризная, эмоционально неустойчивая, плачет, канючит. С таким ребенком беседовать очень сложно. Ей предложили поиграть. Мы выложили игрушки — в консультации есть набор кукол, из которых можно создать «семью», собрать обстановку... Девочка сначала усадила за стол маму, папу, бабушку, маленького братика и «себя», все пили чай. Потом началось нечто интересное: в дверь постучал почтальон и вызвал бабушку куда-то к родственникам. Она уехала. Маленький братик заболел, его уложили в кровать. А потом пришел крокодил и сказал, что всех съест. Семья стала сопротивляться, поэтому всех ему съесть не удалось, и он утащил только маленького ребенка, после чего у нашей девочки был взрыв радости.

Она была очень довольна! Бабушка осталась в деревне, а папа, мама и дочка пошли гулять в лес, собирать ягоды и грибы.

В этой игре девочка выразила отношение к двум людям, чье присутствие вызвало ее аффективное состояние: маленькому брату, который оттеснил ее на второй план, и строгой, авторитарной бабушке. Когда мама узнала, **как** играет ее дочь, она поняла ребенка гораздо глубже, чем если бы психолог читал ей мораль: мол, рано видеть в девочке «взрослую», и та плачет и ноет именно потому, что ей предъявляют непомерные требования, а девочка остро нуждается во внимании.

Бывает разная степень овладения ситуацией. Можно до бесконечности воспроизводить одно и то же, а можно преобразовать (хотя бы в воображении). Ребенок проиграл ситуацию искренне — и счастлив...

— Итак, с сюжетно-ролевыми играми разобрались. Что дальше?

— Игра-**драматизация**: берется известный литературный сюжет и разыгрывается. Есть концепция Бруно Беттельхейма, по которой любое произведение искусства, литературы содержит в себе конфликт и способы его разрешения. Смысл игры в том, что приобретается опыт разрешения подобных конфликтов в жизни. Кстати, в последнее время дети меньше читают и больше смотрят, поэтому материалом для подобных игр часто служат мультфильмы или видео. Года полтора назад мы играли с дошкольниками в сюжет фильма «капитан Пауэр и солдаты будущего», и роль лидера-капитана захватила... девочка. Вот тебе и дочки-матери... Но это к слову.

Следом дети узнают игры **с правилами**. Самый простой пример: игровое поле с фишками и кубиком. Нравится это игрокам или нет, они учатся принимать везение и невезение.

Потом приходит черед **подвижных** игр, таких, как классики. Они очень полезны, тренируют на подчинение правилам и дают возможность в щадящей ситуации пережить настоящее чувство успеха или поражения.

Эти игры связаны со **спортивными**, которые, с психологической точки зрения, моделируют отношения между людьми, дают ощущение защищенности, учат действовать в команде, формируют чувство общности. Надо оговориться, что под игрой в спорте в точном смысле слова подразумевается состязание партнеров либо команд; одиночные виды стоят особняком.

Мы говорили о драматизации применительно к детям. Есть и «взрослая», преимущественно лечебная ипостась этой игры — **психодрама**. Здесь цель — дать человеку возможность встать на другую точку зрения и конструктивно разрешить реальный конфликт. Психодрама позволяет человеку в «очищенном» виде сыграть роль жертвы или спасителя, агрессо-

ра или героя — роль, которую он может играть и в жизни, но не осознавать. Есть прекрасный старый французский фильм «История супружеской жизни», там две серии — рассказ о разрыве с ЕГО и с ЕЕ точки зрения. Две совершенно разные истории.

Человек эгоцентричен. А психодрама дает возможность побывать в роли другого и понять его, ничего не меняя в реальной жизни. Понарошку «все можно» — так снимаются все барьеры, все запреты.

— Похоже, мы вплотную подошли к творчеству.

— Творческая игра, где все — правила, участники, действие, — придумывается самим «режиссером», может быть и в детстве, но может стать и профессией. С нею связана литература и, быть может, в наивысшей степени фантастика. Фантаст — демиург, он создает мир и принимает ответственность за него. Он знает, что будет, если...

— Спасибо от имени нашего журнала. Однако, кроме творчества-сочинительства, есть и исполнители. Мы столько сегодня говорили о ролях... Каким же должен быть человек, который всю жизнь играет чьи-то роли, произносит кем-то написанные реплики?

— Это не проходит бесследно. Есть такое понятие в психологии — личностная идентичность. В жизни каждый из нас играет множество ролей: я — мать, супруга, сестра, преподаватель, пассажир в транспорте, покупатель в магазине и т.д. Каждый совершает плохие и хорошие поступки, один и тот же человек может быть способен на подлость и геройство... Плюс к тому меняется возраст, внешность. Личность через всю эту череду ассоциаций и превращений проносит стержень своего «я». Личность не действует реактивно под влиянием первого побуждения, настроения, у нее всегда есть внутренняя позиция, система ценностных ориентаций. Зрелый человек все это о себе знает.

С актером, который по роду своей деятельности изображает характеры и судьбы разных персонажей, может произойти смешение идентичностей, следствие которого — эмоциональная опустошенность, то, что психолог Я.Яноушек назвал «выгоранием личности».

— Несколько лет назад мы работали над статьей с известным актером. Разговаривали часа три, и за это время я так и не поняла, какой он на самом деле. Он все время что-то играл, даже говорил с разными интонациями, разными голосами. А когда пришла домой, включила телевизор и увидела его в том самом пиджаке, в котором он только что был в редакции, стало смешно... Но я хочу спросить: это случается только с актерами?

— Нет, разумеется, любая игра в жизни может привести к такому результату: скажем, если вы только играете хорошую маму, любящую жену, ветреную подругу, в конечном счете можете потерять все, особенно если партнер реагирует на это как на реальность.

В профессиональной деятельности «смешение идентичностей» может подстерегать и журналистов, и психологов. На Западе, кстати, психотерапевт, психоаналитик по «технике безопасности» должен сам получать соответствующую психологическую помощь раз в два-три года.

— Мы совсем забыли об азартных играх, вокруг которых кипят такие страсти.

— Прогнозирование, просчитывание ходов роднит их с игрой. Но результат игрок получает не воображаемый, а реальный, а это уже признак продуктивной деятельности. Так что это игры только по форме.

— Возьмем такой крайний случай — «русская рулетка» с одним патроном в барабане. Какой здесь смысл, что изживается?

— Аналогия — демонстративная попытка самоубийства. Человек не в состоянии определиться с реальной ситуацией, не может принять на себя ответственность за решение и отдается на волю случая, рока: «орел» или «решка»?

— Итак, игра — процесс, а труд связан с результатом. Говорят о «тяжелом труде», игра же имеет синонимы — слова «забава», «потеха»... Однако из сегодняшнего разговора совершенно ясно, почему игровые методы обучения столь эффективны и вообще как это важно — играть. Так стоит ли противопоставлять игру работе?

— На самом деле игра и есть работа, иногда довольно тяжелая. Ее результат не продукция, но процесс внутреннего преобразования себя, освоение новых областей деятельности. Родители часто не понимают, что, играя, ребенок открывает мир глубже, чем когда он посещает музей или зоопарк. Момент откровения в игре может быть гораздо сильнее.

— Разве не бывает вредных, «тупых» игр?

— Я думаю, почти любая игра имеет позитивное психологическое значение. Даже просто сидя за компьютером, когда вы кого-то догоняете или проводите по лабиринту, вы, по меньшей мере, тренируете сенсомоторику, внимание, прогнозируете... И, поскольку вы обратились к игре, за этим стоит какая-то потребность. Даже самая «тупая» игра дает эмоциональную разрядку. Это очень-очень серьезное дело.

«Ребенок играет куклой, кошка мышью, а всяк любимою мечтою».

В.И.Даль

Люди под копирку? Пока не требуются

Прогремела очередная сенсация века: Джерри Холл и Роберт Стиллман (Университет им. Дж. Вашингтона, США) осуществили клонирование человеческой клетки в искусственных условиях, что обеспечит им почетное место в истории науки. Методика эксперимента такова: исходную яйцеклетку оплодотворяют в пробирке, параллельно несколько других яйцеклеток освобождают от генетической информации; когда клетка-донор делится на несколько частей (бластометр), из последних изымают генетический материал и переносят в «пустые» яйцеклетки. Пока не ясно, можно ли хранить искусственные эмбрионы в охлажденном состоянии или же необходимо сразу имплантировать в организм суррогатной матери, поскольку ученые, в силу этических соображений, использовали клетки-реципиенты, не способные к дальнейшему развитию. Тем не менее Ватикан резко осудил «аморальное тиражирование людей». И хотя Холл назвал «чистейшей спекуляцией» утверждение, что новый метод повлечет за собой штамповку человека в нескольких экземплярах, оба ученых благоразумно объявили: они прекращают работу в данном направлении. Но метод известен, и не появятся ли у ученых последователи?

Подлог — двигатель прогресса?

В 1955 году группа ученых исследовательского центра General Electric объявила об открытии «двух процессов» создания искусственных алмазов (в промышленном производстве, тем не менее использовался только один). Материальное свидетельство первой удачной попытки — крошечный камешек —вознесли на почетный пьедестал музея компании. И вот через 38 лет специалист в области физической химии Питер Коделла вознамерился в очередной раз обследовать раритет, замерив спектр инфракрасного поглощения с помощью новой аппаратуры повышенной точности.
К изумлению своему, он обнаружил, что это... природный алмаз. Пятеро авторов открытия опубликовали в журнале «Nature» любопытное признание, уверяя, что совершенно не представляют, каким образом натуральный кристалл «неумышленно затесался» в сырье для эксперимента; однако же допущенная небрежность оказалась воистину драгоценной! Убедившись, что повторить «победный» опыт никак не удается, ученые — будучи полностью уверены в успехе — начали изменять параметры процесса и, постепенно повышая давление в аппарате, добились-таки желаемого. Вопрос о том, не был ли камешек подброшен умышленно кем-то из руководства, дабы стимулировать рвение исследователей, пока остается открытым...

Любители «паранормального» — люди нормальные

Несмотря на охватившую общество веру во всяческие чудеса, очень многие все же относятся к ним со здравым скептицизмом. И среди этих скептиков распространено убеждение, что их оппоненты чаще всего просто не совсем «здоровые» люди.
Проверить эту гипотезу взялась группа сотрудников психологического факультета Карлтонского университета в Оттаве (Канада), возглавляемая Патрицией Кросс.
Ученые создали четыре группы испытуемых: одна включала в себя лиц, которые утверждали, что их похищали «пришельцы» или что у них с подобными «чужаками» были телепатические контакты; другая — людей, настаивавших на менее значительном «опыте», например, наблюдавших необъяснимые огни в темном ночном небе. А две оставшиеся группы служили контрольными, их члены никогда ни с чем подобным не сталкивались.
Все четыре группы подверглись совершенно одинаковым психологическим тестам и у всех был определен образовательный и интеллектуальный уровень.
Отчет по итогам этих экспериментов, опубликованный исследователями на страницах научного журнала «Психопатология», гласит: «лица, говорящие о своем общении с жителями иных миров, обладают не меньшим интеллектом, не являются в большей степени подверженными фантазии, не отличаются большей предрасположенностью к психическим заболеваниям, чем все остальные».
Патриция Кросс полагает, что просто те, кто заведомо верил в существование «тарелочек», более склонны интерпретировать напугавшее их событие как встречу с «инопланетянами». Например, так называемый «сонный паралич», во время которого человек как бы чувствует себя бодрствующим, но испытывает присутствие недоброжелательных сил, парализующих его волю. Согласно оценкам, от 10 до 15 процентов людей когда-либо испытывали подобное ощущение. А как его интерпретировать, это уж зависит от личного психического склада.

Комарам на смех

Летом 1993 г. работающая в департаменте Уазы, к северу от Парижа, частная французская радиостанция «Фуг» потрясла эфир: «Всякий, кто настроился на нашу волну, отныне может отдохнуть от комариных укусов!» Далее разъяснялось, что полная забот о радиослушателях станция начала, помимо своих обычных передач, излучать сигнал частотой 16 килогерц, который воспроизводит звуки, издаваемые самцом насекомого, призывающим к себе самку. Предполагается, что самки, которые уже спарились и теперь не заинтересованы в этом трубном гласе, будут всячески избегать его источник. А комариные самцы, как известно, не кусаются. Достаточно не отходить от своего приемника далее, чем на четыре метра, и вы в полной безопасности. Восторг и упоение!.. Однако видный энтомолог Кристофер Кертис из Лондонской школы гигиены и тропической медицины немедленно заявил: «Жульничество!» Он сообщил, что как лабораторные, так и полевые эксперименты, проведенные в Англии, США и Канаде, отнюдь не подтверждают эффективность этого способа борьбы с комарами.
— Все это миф, — заявил ученый. — Более того, частота биений комариных крыльев (а это и есть «голос» насекомого) куда ниже, чем пронзительный писк, издаваемый передатчиком радиостанции «Фуг».
Директор вещания Матье Кэтель вынужден был признаться, что их основная цель заключалась не столько в отпугивании комаров, сколько в привлечении радиослушателей.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Джордж Макдональд

Золотой ключ

Жил да был мальчик. Он любил сидеть в сумерках у огня и слушать истории, которые рассказывала ему двоюродная бабушка.

Однажды она поведала, что если он достигнет того места, где конец радуги упирается в землю, то найдет золотой ключ.

— А на что он годится? — спросил мальчик. — Что отпирает этот ключ?

— Никто не знает, — ответила старушка. — Тому, кто отыщет ключ, придется самому разбираться: что, как и для чего.

— Раз он золотой, — проговорил мальчик, — значит, за него можно выручить много денег.

— Чем продавать его, лучше уж вообще не находить, — отозвалась бабушка.

Мальчик отправился в постель и, заснув, всю ночь видел во сне золотой ключ.

Конечно, бабушкины истории, в том числе и о золотом ключе, можно было бы назвать небылицами; однако домик, в котором жила со своим внуком старушка, стоял на границе Волшебной страны. За ее пределами отыскать место, где радуга касается земли, вовсе невозможно, ибо радуга, ревниво оберегая золотой ключ, постоянно перепрыгивает то туда, то сюда. Но в Волшебной стране все иначе, чем в нашем мире. И то, что здесь ни мгновения не пребывает в покое, там зачастую замирает в неподвижности. Вот почему пожилая дама, рассказывая о золотом ключе, вовсе не морочила голову своему внуку.

— А кто-нибудь находил этот ключ? — полюбопытствовал как-то вечером мальчик.

— Разумеется. Сдается мне, его когда-то нашел твой отец.

— Мой отец? И что же он сделал?

— Не знаю. Сам он не заговаривал об этом, а я не спрашивала.

— А ключ показывал?

— Нет, не показывал.

— Как же получается, что всякий раз появляется новый ключ?

— Не знаю. Получается, и все.

— А может, ключ скатывается по радуге прямо с неба?

— Может, и так.

Летним вечером мальчик ушел в свою комнату, встал у окна и принялся разглядывать лес, что тянулся вдоль границы Волшебной страны. Он вплотную подступал к бабушкиному саду — сюда даже проникло несколько лесных деревьев. Лес тянулся к востоку от домика, и в лучах заходящего солнца макушки деревьев отливали то золотом, то багрянцем. Все деревья в лесу были древними, поэтому нижние ветки у многих начисто отсутствовали; лучи солнца проскальзывали в самую глубь леса, и мальчику, который обладал острым зрением, казалось, будто он смотрит сквозь деревья. Могучие стволы, алые в сиянии солнца, возвышались друг за другом и издали казались подобиями каменных колоннад. Глядя на деревья, мальчик вдруг почувствовал, что те ожидают его, что им просто необходимо сообщить ему что-то очень важное. Однако он проголодался, а потому решил, прежде чем выйти из дома, дождаться ужина.

Внезапно, далеко-далеко среди деревьев, возникло нечто яркое и сверкающее. Радуга! Мальчик отчетливо различал все семь цветов, вдобавок он наблюдал за фиолетовой полосой загадочные тени, а перед красной — полосу цвета, какой он видел впервые в жизни: богатого оттенками и таинственного. Кстати сказать, виднелось лишь основание радуги: в небе над лесом на нее не было и намека.

— Золотой ключ! — воскликнул мальчик, выбежал из дома и устремился в лес.

Солнце село, однако радуга не исчезла — наоборот, она засияла ярче прежнего. В Волшебной стране все иначе, чем у нас, и радуга там появляется сама по себе, а не только тогда, когда светит солнце. Деревья словно приветствовали мальчика, кусты расступались перед ним, а радуга становилась все больше и сверкала все ослепительней. Наконец мальчик увидел ее совсем близко от себя, в двух или в трех шагах.

От красоты захватывало дух, радуга блистала в ночной темноте, переливалась всеми своими великолепными, изысканными красками, причем каждый цвет был легко отличим и в то же время плавно перетекал в соседние. Разноцветная дуга изгибалась разве что совсем чуть-чуть, так что нельзя было и предположить, где находится ее венец.

Мальчик, пораженный увиденным, забыл обо всем на свете — даже о золотом ключе, за которым, собственно, и пришел. На его глазах происходило нечто, чего он раньше не мог и вообразить. Сквозь мерцающие полосы радуги, каждая из которых была размером с колонну в соборе, виднелись зыбкие силуэты; они медленно поднимались вверх, словно по винтовой лесенке, возникая то поодиночке, то во множестве, то небольшими компаниями, — мужчины, женщины, дети, все разные и все невыразимо прекрасные.

Мальчик приблизился к радуге, и та вдруг пропала. Ошеломленный, он сделал шаг назад — радуга появилась вновь. Мальчик понял: ему придется довольствоваться тем, что есть, а потому он замер на месте и принялся наблюдать за призрачными силуэтами, которые поднимались по блистающей лестнице ввысь, туда, где мало-помалу, как бы вливаясь в пространство между звездами, растворялась в небе радуга.

Неожиданно мальчик вспомнил о золотом ключе, огляделся по сторонам и постарался заметить, на чем покоится основание разноцветной дуги, — на случай, если радуга снова пропадет: чтобы знать, где искать. Светящаяся арка, один конец которой терялся в небесах, упиралась другим в полянку мха.

В лесу стало темнее прежнего; ночную тьму разгонял лишь свет, который исходил от радуги. Но едва взошла луна, как радуга исчезла, сгинула без следа. Убедившись, что волшебная дуга пропала, мальчик улегся на мох, решив подождать рассвета, а там попробовать найти ключ. Вскоре он крепко заснул.

Проснулся мальчик оттого, что солнце светило ему прямо в глаза. Отвернувшись, он сразу увидел невдалеке маленький, поблескивающий в солнечных лучах

ключ. Бородка ключа сверкала так, как может сверкать только чистое золото; головка причудливой формы была инкрустирована сапфирами. Задохнувшись от восторга, мальчик протянул руку и, взяв ключ, стиснул его в кулаке.

Какое-то время он продолжал лежать, вертя ключ перед глазами, наслаждаясь его красотой, потом, сообразив, что эта чудесная вещица пока ни на что не годна, вскочил на ноги. Где же замок, который отпирается этим ключом? Ведь не может быть, чтобы кто-то изготовил ключ просто так, для красоты! Да, но куда же идти? Где искать замок? Мальчик огляделся, запрокинул голову и посмотрел на небо, затем взглянул себе под ноги; но замочной скважины не было ни в траве, ни в облаках.

Он было огорчился, но тут заметил среди деревьев искорку света, которую принял за радугу, и направился к ней...

А теперь я приглашаю вас вернуться на лесную опушку.

Поблизости от домика, в котором жил мальчик, стоял другой, принадлежавший одному купцу, что бывал дома лишь наездами. Жена купца умерла, оставив ему дочку, о которой он, уезжая, поручал заботиться двум служанкам, отъявленным, надо сказать, бездельницам. Стоило купцу шагнуть за порог, как они словно забывали о девочке, а если и вспоминали, то лишь затем, чтобы попрекнуть или прогнать.

Хорошо известно, что крохотные существа, которых обычно называют эльфами, не делая между ними никакого различия, хотя Волшебную страну населяют не одни только эльфы, — так вот, хорошо известно, что эльфы терпеть не могут нерях и лентяев. Они живут среди деревьев и цветов, привыкли к аккуратности птиц и прочих обитателей леса, а потому им неприятна даже мысль о том, что в домах у иных людей не прибрано и полным-полно пыли и грязи. Эльфы сердятся на таких людей и с радостью, если бы могли, прогнали бы их на край света. Поэтому-то они и щиплют нерадивых служанок, выкидывают всякие зловредные штучки, которые доставляют тем немало хлопот.

Однажды вечером, отправив девочку в постель, хотя солнце еще не скрылось за деревьями, служанки вышли из дома, заперли за собой дверь и направились в деревню. Девочка и не подозревала, что осталась одна. Она лежала на кровати и смотрела в окно, за которым раскинулся лес — правда, виднелся лишь кусочек, ибо окно затягивали побеги плюща и других вьющихся растений. Девочка посмотрела в зеркало и увидела в нем обезьяну, которая строила ей рожицы; лица, вырезанные на стенках старинного платяного шкафа, злобно ухмыльнулись. Два стула на тонких, как у пауков, ножках выскочили на середину комнаты и принялись исполнять диковинный старинный танец. Девочка засмеялась и сразу забыла и про обезьяну, и про ухмыляющиеся лица. Эльфы поняли свою ошибку и вернули стулья на место. Они знали, что малышка весь день читала сказку о трех медведях. Мгновение спустя за дверью послышались медвежьи голоса — один низкий, другой повыше, а третий просто писклявый; потом заскрипели половицы, причем медведи ступали на удивление тихо, словно натянули поверх башмаков чулки. Шаги приближались, и наконец девочка не выдержала. Она поступила в точности так, как говорилось в сказке и как того добивались эльфы: распахнула окно, схватилась за плющ и соскользнула на землю, а затем побежала к лесу.

Она и не догадывалась, что избрала самое верное направление. Ведь любой проказник, каким бы он ни был озорным, предпочитает шалить не дома, а на стороне; к тому же, как я уже упоминал, Волшебную страну населяли не только проказливые эльфы. Там жили и другие существа, и те из них, кто был расположен к людям, всегда выручали попавших в беду, оберегали от козней и злых шуток своих собратьев.

Солнце село, лес погрузился во мрак, однако темнота пугала девочку гораздо меньше, нежели медведи за спиной. Впрочем, если бы она обернулась, то увидела, что преследует ее вовсе не медведь, а некое диковинное существо, похожее на рыбу, но с разноцветными перьями вместо чешуи; эти перья сверкали, точно перышки колибри. Странная рыба с головой, напоминающей совиную, не летела, а плыла по воздуху, как будто воображала, что вокруг вода.

Девочка бежала и бежала, и вдруг, когда она пробегала под деревом со склоненными к земле ветвями, оно оплело девочку. Она попыталась вырваться, но ветки неумолимо притягивали малышку все ближе к стволу. Девочка испугалась, и тут появилась воздушная рыбка, которая принялась кусать ветки. Те ослабили хватку; рыбка продолжала нападать на них, пока они не отпустили свою добычу, а потом поплыла вперед, переливаясь всеми цветами радуги, и девочка последовала за ней.

Вскоре показалась хижина, дверь которой была распахнута настежь. Рыбка заплыла внутрь. Девочка остановилась на пороге. Посреди комнаты находился очаг, в котором стоял на огне котелок без крышки. В котелке пузырилась кипящая вода. Рыбка подплыла к котелку и нырнула в кипяток. Со скамьи за очагом поднялась очень красивая женщина. Она шагнула навстречу девочке и взяла ее на руки.

— Наконец-то ты пришла! — сказала она. — Я так тебя ждала!

Женщина опустилась на скамью, посадив девочку на колени. Та принялась разглядывать незнакомку. Такую красавицу она встречала впервые в жизни. Высокая, стройная, белокожая, с легким румянцем на лице. Девочка не могла определить, какого цвета у женщины волосы; ей почему-то показалось, что те отливают зеленым. На платье незнакомки, тоже зеленом и блестящем, не было ни единого украшения, однако чудилось, что женщина лишь минуту назад сняла с себя бесчисленное множество алмазов и изумрудов. И все же да́ма явно чувствовала себя, как дома, в этой маленькой, скудно обставленной хижине.

Девочка продолжала рассматривать женщину, а та, поглядев на нее, спросила:

— Как тебя зовут?

— Служанки называли меня Узелком.

— Наверно, потому, что ты ходила с нерасчесанными волосами. Но это не твоя вина. Бездельницы! Разве можно быть такими нерадивыми? Однако мне нравится твое имя, и я тоже буду звать тебя так. Не сердись, что я задаю тебе столько вопросов; потом ты сможешь спросить меня о чем угодно, и я постараюсь удовлетворить твое любопытство. Сколько тебе лет?

— Десять, — сказала девочка.

— По тебе не скажешь, — проговорила дама.

— А сколько лет вам?

— Очень много, несколько тысяч.

— По вам не скажешь, — произнесла девочка.

— Неужели? По-моему, ты ошибаешься. Видишь, какая я красивая? — И она посмотрела на девочку, устремив на нее взор своих голубых глаз, таких сверкающих, будто в них отражались все звезды, что усеивали небосвод.

— Вы очень красивая, — подтвердила девочка. — Но мне казалось, что когда люди живут долго, они становятся старыми.

— Мне некогда стареть, — возразила дама. — Я слишком занята. Стареют обычно от безделья. Нет, я не могу допустить, чтобы ты оставалась такой неряхой! Твое лицо все в грязи, и я даже не могу тебя поцеловать.

— Может быть, — предположила девочка, которой стало стыдно, но не настолько, чтобы она не попыталась защитить себя, — может быть, это потому, что я заплакала, когда меня напугало дерево.

— Бедняжка! — воскликнула дама, в глазах которой теперь словно отразилась луна, и поцеловала девочку, как будто забыв, о чем только что говорила. — Гадкое дерево получит по заслугам за то, что посмело напугать тебя!

— Скажите, а как вас зовут? — полюбопытствовала девочка.

— Бабушка.

— Правда?

— Разумеется. Я никогда не обманываю, даже в шутку.

— Какая вы хорошая!

— Я не могу обманывать, потому что мои слова тут же сбываются, и стоит мне хоть чуточку кого-то обмануть, меня обязательно накажут, — дама улыбнулась. Ее улыбка напомнила девочке солнце, которое проглядывает летом сквозь пелену дождя. — А теперь, — продолжала дама, — я тебя вымою и переодену, а потом мы с тобой поужинаем.

— Ой, я так проголодалась!

— Еще бы, — отозвалась дама, — ведь последний раз ты кушала три года назад. Да, с тех пор, как ты убежала от медведей, прошло целых три года. Сейчас тебе уже не десять, а тринадцать лет.

Девочка широко раскрыла глаза. Не верить она не могла, ибо чувствовала, что Бабушка говорит правду.

— Ты не боишься меня, Узелок? — спросила дама.

— Я постараюсь не бояться, — ответила девочка, — но обещать не могу.

— Мне нравится твоя откровенность. Думаю, все будет в порядке.

Дама сняла с девочки ночную рубашку, встала и, неся свою гостью на руках, подошла к двери в стене хижины. Она открыла дверь, и Узелок увидела глубокий чан, по стенкам которого вились зеленые стебли растений, чьи веточки заканчивались цветками всех оттенков.

Над чаном нависала крыша, в прозрачной воде сновало множество рыбок — точь-в-точь как та, которая привела девочку к хижине. Комната была полна света, который исходил от оперения диковинных созданий. Дама произнесла несколько слов на незнакомом девочке наречии и погрузила ее в воду.

Узелок сразу же оказалась в окружении рыбок. Две или три из них поддерживали голову девочки над водой, а остальные терлись боками о ее тело, и вскоре от грязи не осталось и следа. Тогда дама, внимательно наблюдавшая за происходящим, заговорила снова. Тридцать или сорок рыбок выпрыгнули из воды и перенесли девочку, которая лежала на них, как на циновке, прямо в руки Бабушки. Та подождала, пока Узелок высохнет у огня, а затем открыла сундук и достала оттуда чудесное льняное белье, пахнущее сеном и лавандой, после чего вручила девочке зеленое платье, такое же, как у нее самой, сверкающее, мягкое на ощупь, ниспадавшее от талии, которую перехватывал коричневый пояс, восхитительными складками.

— Бабушка, а башмачков вы мне не дадите? — спросила девочка.

— Нет, моя милая, никаких башмачков. Видишь, я хожу босой, — дама приподняла край своего платья и показала изящные белые ступни. Волей-неволей Узелку пришлось согласиться ходить босиком. Дама причесала девочку, а потом пригласила ее к столу.

Сначала хозяйка извлекла из отверстия в стене буханку хлеба, затем вынула из другого кувшин с молоком, а из третьего — блюдо с разными фруктами. Потом заглянула в котелок, достала из того сварившуюся рыбку, ощипала перья и положила рыбку на тарелку.

— Но... — пролепетала девочка. Опечаленная, она не смогла докончить фразу.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, — проговорила дама. — Тебе кажется, что нельзя есть того, кто привел тебя домой. Однако дело в том, что это величайшая благодарность, какую ты можешь выразить своему проводнику. Рыбка отказывалась лететь за тобой, пока не увидела, что я ставлю на огонь котелок, и не услышала, что я обещаю сварить ее, как только она вернется. По-моему, ты заметила, что она сама прыгнула в кипяток?

— Да, — сказала девочка, — и я даже испугалась, но потом увидела вас и забыла обо всем на свете.

— В Волшебной стране, — промолвила дама, усаживаясь за стол, — все живые существа стремятся к тому, чтобы их съели люди. Для них это великая награда. Конечно, они погибают, но не до конца. Ты увидишь, из котелка появляются не только мертвые рыбки.

Девочка заметила, что теперь котелок накрыт крышкой. Она осторожно попробовала рыбку — белоснежная мякоть прямо-таки таяла во рту — и призналась себе, что ничего вкуснее в жизни не ела. Едва она проглотила первый кусочек, с ней произошло нечто странное, чего она просто не могла описать. Узелок услышала какое-то бормотание, оно становилось все отчетливее, пока, наконец, из него не начали выделяться отдельные слова. Когда девочка управилась со своей порцией, она обрела способность различать звуки, которые издавали толпившиеся у по-прежнему распахнутой настежь входной двери животные. И это были не просто звуки, нет, животные говорили друг с другом. Она понимала язык насекомых; ей казалось, она улавливает обрывки разговора, что ведут в ночной темноте деревья и цветы.

Покончив с едой, Бабушка встала, подошла к очагу и сняла с котелка крышку. В тот же миг под потолок взмыло крохотное существо с большими белыми крылышками; покружив над котелком, оно опустилось на колени Бабушки. Та произнесла что-то непонятное, затем отнесла существо к двери и выпустила его во мрак. Вновь послышался шелест крыльев, затихший в отдалении мгновение спустя.

— Ты все еще думаешь, что мы обидели бедную рыбку? — спросила дама.

— Нет, — отвечала девочка, — уже не думаю. Сказать по правде, я бы не отказалась ужинать так каждый вечер.

— Они, как и мы с тобой, моя милая, должны дожидаться своего срока, — дама улыбнулась. Печаль в глазах придала ее улыбке неизъяснимое очарование. — Однако мне кажется, что по крайней мере завтра я смогу исполнить твое желание. — Она поднялась и приблизилась к той двери, за которой находился чан с рыбками. Когда Бабушка с ними заговорила, девочка обнаружила, что понимает все до последнего словечка. — Мне нужна мудрейшая из вас, — сказала дама.

Рыбки сгрудились посредине чана, высунув из воды головы и шевеля хвостами. По всей видимости, они держали совет. Вот одна из рыбок выпорхнула из чана и, судя по всему, весьма довольная улеглась в подставленную ладонь Бабушки.

— Ты знаешь, где стоит радуга? — справилась та.

— Знаю, матушка.

— Приведи домой мальчика, которого ты найдешь на том месте. Он не знает, куда идти.

Рыбка метнулась в распахнутую дверь, а дама сказала девочке, что той пора ложиться спать. Она провела свою гостью в комнату, сводом которой служили переплетенные стебли каких-то растений. Постель была устлана багровым вереском. Дама набросила на ложе покрывало, сотканное из перьев воздушных рыбок; оно засверкало в бликах пла-

мени, что отражались от увитых зеленью стен.

Узелок быстро заснула. Ей снились чудесные сны, в каждом из которых присутствовала Бабушка.

Проснувшись поутру, девочка услышала шелест листьев над головой и журчание воды. К своему удивлению, она не сумела отыскать двери: перед ней была лишь замшелая стена хижины. Узелок выбралась наружу через отверстие в гуще листвы и очутилась в лесу. Она выкупалась в речушке, что весело вилась между деревьями, и сразу почувствовала себя счастливой: ведь, искупавшись в чане с рыбками, которые смыли с нее всю грязь, она словно дала зарок оставаться чистой и аккуратной. Девочка надела зеленое платье, и ей почудилось, будто она превратилась в настоящую даму.

Она провела в лесу весь день — слушала разговоры птиц, животных и тех существ, что ползали по земле, понимала все, о чем они говорят, хотя и не могла повторить ни слова. Лесные обитатели говорили на разных языках, что, впрочем, нисколько не мешало им понимать друг друга. Бабушки Узелок не видела, но догадывалась, что та где-то поблизости. Тем не менее девочка не отходила далеко от хижины, круглой, будто жилище эскимоса или вигвам, и начисто лишенной дверей и окон. Кстати сказать, окон в хижине и впрямь не было, а вот дверей имелось множество, однако все они открывались изнутри и снаружи были неразличимы.

Наступили сумерки. Девочка остановилась у подножия дерева, прислушиваясь к перебранке между кротом и белкой: крот заявил, что белки никуда не годятся — разве что на шубы людям из-за своих пушистых хвостов, а белка в ответ обозвала крота землекопом. Внезапно в лицо девочке ударил свет, и она увидела открытую дверь, из которой вырывались во тьму блики пламени. Узелок оставила крота и белку выяснять отношения дальше и побежала к хижине. Переступив порог, она заметила, что на огне кипит котелок.

— Я наблюдала за тобой, — сказала Бабушка, сидевшая на скамье у очага. — Ты наверняка проголодалась, однако нам придется подождать, пока не вернется наш ужин.

Она усадила девочку себе на колени и начала напевать, а Узелок слушала и мечтала о том, чтобы этот вечер никогда не кончался. Но вскоре в дверь впорхнула рыбка, которая немедля прыгнула в котелок, а следом появился юноша, одетый в лохмотья, из которых явно вырос. На его лице играл яркий румянец, в руке он сжимал что-то сверкающее, точно маленькая звездочка.

— Что у тебя в руке, Мшинка? — спросила Бабушка.

Мшинкой юношу прозвали товарищи, ибо у него была привычка просиживать целыми днями на замшелом камне и читать книги; товарищи уверяли, что скоро он и сам с ног до головы зарастет мхом.

Мшинка разжал кулак. Увидев у него на ладони золотой ключ, Бабушка поднялась, поцеловала юношу в лоб, усадила на свое место и спросила, чем его угостить. Юноша смутился и хотел было встать, но Бабушка со слезами на глазах попросила не делать этого, и он неуклюже сел.

— Вы такая красивая, — пробормотал он.

— Конечно. Но я тружусь с утра до вечера и нахожу в том радость. К тому же, ты вскоре покинешь меня.

— Откуда вы знаете, мадам? — удивился Мшинка.

— У тебя золотой ключ.

— Но я даже не догадываюсь, зачем он нужен! Я не могу найти замка. Пожалуйста, посоветуйте, как мне быть.

— Ты должен отыскать замочную скважину. Такова твоя участь. Я не в силах помочь тебе. Могу только сказать, что если будешь искать, то обязательно найдешь.

— Но что он открывает? Может, какую-нибудь шкатулку здесь, в вашем доме?

— Не знаю. Ключ снился мне, но наверняка я ничего не знаю.

— Мне уходить прямо сейчас?

— Ты можешь переночевать у меня и разделить с нами ужин. Но утром ты должен уйти. Я могу лишь подобрать тебе новую одежду. Познакомься, эту девочку зовут Узелок. Она пойдет с тобой.

— Здорово! — воскликнул юноша.

— Нет! — крикнула девочка. — Бабушка, я не хочу уходить!

— Ты должна идти с ним. Мне жаль расставаться с тобой, но так будет лучше для тебя. Рыбки и те прыгают в котелок, чтобы потом исчезнуть во мраке. Если вам встретится Морской Старец, попросите, чтобы он прислал мне еще рыбок, а то их становится все меньше.

Бабушка вынула сварившуюся рыбку из котелка и, как и в прошлый раз, накрыла его крышкой. Они сели за стол, поужинали, а потом из котелка вылетело крылатое существо, которое покружило под потолком и опустилось на колени к Бабушке. Та что-то сказала, отнесла существо к двери и выпустила в ночную тьму. Послышался шелест крыльев, затихших в отдалении мгновение спустя.

Бабушка отвела Мшинку точно в такую же комнату, как та, в которой спала девочка. Утром он обнаружил рядом со своей постелью аккуратно сложенный чистый костюм, облачившись в который стал выглядеть очень и очень симпатичным. Впрочем, те, кто надевал одежды из сундука Бабушки, никогда не думали о том, как они выглядят; им было не до того, ибо они немедля начинали восхищаться красотой других людей.

Девочка никак не соглашалась покинуть лесную хижину.

— Почему я должна уходить? Я же совсем не знаю его.

— Мне не разрешают задерживать у себя моих детей. Если не хочешь идти с ним, не ходи, но рано или поздно тебе придется уйти. Я буду рада, если вы уйдете вместе, ибо у него золотой ключ, а тому, кто владеет этим ключом, бояться нечего. Ты ведь позаботишься о ней, верно, Мшинка?

— Конечно, — отозвался юноша.

Девочка искоса поглядела на него и вдруг поняла, что совершенно не имеет ничего против такого спутника.

— А если вы потеряете друг друга, — прибавила Бабушка, — когда будете проходить через... нет, никак не запомню, как называется тот край... Так вот, не пугайтесь и смело идите дальше.

Она поцеловала девочку в губы, а юношу в лоб, подвела их к двери и указала на восток. Мшинка и Узелок, взявшись за руки, зашагали в ту сторону. В правой руке юноша сжимал золотой ключ.

Так они шли очень долго, радуясь тому, что понимают разговоры обитателей леса. Вдобавок, они и сами учились на ходу лесному языку и вскоре уже могли спрашивать у животных, птиц и насекомых дорогу. Белки вели себя вполне дружелюбно и угощали путников орехами из своих запасов; пчелы, напротив, грубили и держались чрезвычайно заносчиво, поскольку ни девочка, ни юноша не были подданными их царицы, а потому ни о каком угощении не могло быть и речи. Слепые кроты приносили путникам земляные орехи и трюфели, объясняясь так, словно пасти у них были набиты то ли пряжей, то ли собственным бархатистым мехом. К тому времени, когда лес наконец кончился, Узелок и Мшинка крепко подружились, и девочка ни капельки не жалела о том, что послушалась Бабушку и отправилась в дорогу.

Деревья попадались реже; появились холмы, которые становились все круче и круче, и вот лес остался

позади, и путники ступили на тропинку, которая уводила вверх по склону скалистого утеса. Внезапно перед ними возник дверной проем. Они миновали его и очутились в пещере, в которой было темно, хоть выколи глаз; идти теперь приходилось на ощупь. Через какое-то время свет возвратился. Они вышли из пещеры и двинулись по тропинке, что бежала по краю обрыва. Тропинка шла под уклон и вскоре вывела их на плато, окруженное со всех сторон высокими горами. Те горы, что возвышались впереди, казалось, царапали своими снеговыми вершинами небосвод. Над плато властвовало безмолвие, которое не нарушалось даже журчанием воды.

Глядя вниз, они не могли определить, что видят — травянистую равнину или огромное, застывшее в неподвижности озеро; знали только, что ничего подобного им до сих пор видеть не доводилось. Спуск был трудным и опасным, однако они решили не отступать и некоторое время спустя в целости и сохранности достигли подножия плато. Как оказалось, внизу простиралась равнина, как будто вымощенная песчаником. Лишь теперь они догадались, почему, смотря сверху, никак не могли сообразить, на что же такое глядят: повсюду пролегали тени. Чудилось, будто вокруг раскинулось настоящее море теней. В основном то были тени бесчисленного множества листьев, самых разных очертаний, колыхавшихся от малейшего дуновения ветерка, который, впрочем, если где-то и задувал, то уж точно не здесь. На горных склонах не росло ни деревца, и тем не менее равнину испещряли тени листьев, ветвей и стволов. Вскоре путники начали различать тени цветов; время от времени попадались тени птиц с раскрытыми клювами, словно выводящих заливистые трели. Иногда возникали призраки диковинных существ, что карабкались по стволам деревьев, сновали по ветвям и исчезали в густых кронах. Узелок и Мшинка зашагали через равнину и постепенно осознали, что идут как бы по колено в воде. Тени не просто лежали на земле, нет, они парили в воздухе, создавая нечто вроде туманного покрова. Девочка и юноша часто поднимали головы, пытаясь установить, откуда же берутся все эти причудливые формы и очертания, но видели только легкую серебристую дымку, что висела в небе, высоко над горными вершинами. Никаких лесов, никаких животных и птиц.

Мало-помалу в призрачном покрове стали появляться прорехи, а в некоторых местах на земле теней не было вообще — они лишь порхали в воздухе. Вот, помахивая широкими крыльями, проплыла тень загадочного существа, получеловека-полуптицы, вот показалась целая компания: тени играющих детей, а рядом — изящный женский силуэт; чуть дальше возникла на миг исполинская тень, которая сделала несколько шагов и, подобно остальным, растворилась в клубящейся призрачной массе. Порой из нее вырастали лица, исполненные неземной красоты или же неземного величия; порой появлялись пары — то влюбленные, которые шагали рука в руке, то отец с сыном, то братья или сестры, горячо обнимавшие друг друга; порой из пелены вылетали резвые кони — дикие или несущие на себе благородных всадников. Однако встречались и столь невыразимо прекрасные тени, очарование которых передать словами было просто невозможно.

Преодолев приблизительно половину пути через равнину, путники остановились передохнуть. Они сели на землю.

— Мы должны найти страну, из которой приходят тени, — проговорил юноша.

— Да, милый Мшинка, — отозвалась девочка. — Может, твой золотой ключ — это ключ от нее?

— Вот будет здорово! — воскликнул юноша. — Думаю, мы успеем пересечь равнину до ночи.

Он лег на землю, и в тот же миг над ним закружились диковинные тени, настолько прозрачные, что через одну можно было разглядеть вторую, третью, четвертую — до тех пор, пока они не сливались в клубящуюся массу. Узелок последовала примеру своего спутника.

Отдохнув, они поднялись и двинулись дальше.

Не знаю, как долго шли они по равнине, но еще до наступления темноты в волосах Мшинки начала пробиваться седина, а на лбу Узелка появились морщины.

День клонился к вечеру, тени становились все гуще и поднимались выше и выше. Наконец пелена поглотила путников с головами, и они оказались в кромешной тьме. Тогда Узелок и Мшинка вновь взялись за руки. Они молчали. Им было немного страшно; тени как будто предвещали что-то недоброе. Вдруг Узелок поняла, что уже не держится за руку Мшинки, она страшно перепугалась, хотя и не могла сказать наверняка, потерялась или нет.

— Мшинка! Мшинка! — позвала она.

Ответа не было.

Мгновение спустя теневой покров спал, и Узелок увидела перед собой горы. Обернувшись, она посмотрела на клубящийся мрак и снова окликнула Мшинку. Ничего, лишь зловещие черные тени, которые скрыли от нее верного товарища. Узелок горько зарыдала. Неожиданно ей вспомнились слова Бабушки: если они потеряют друг друга в стране, названия которой она не помнит, нужно не отчаиваться и продолжать путь.

— И потом, — сказала себе Узелок, — у Мшинки ведь золотой ключ, а значит, ему никакая опасность не грозит.

Она встала и двинулась вперед. В скором времени она оказалась у пропасти, на дно которой вела лестница, вырубленная в отвесной каменной стене. Узелок начала спускаться. Приблизительно на полпути от края пропасти до дна лестница оборвалась — у входа в пещеру. Узелок поглядела вниз, и у нее закружилась голова. Пошатнувшись, она рухнула без чувств на пол пещеры.

Придя в себя, Узелок увидела над собой крохотное крылатое существо.

— Я тебя знаю, — проговорила она. — Ты — моя рыбка.

— Правильно. Но теперь я не рыбка, а эрант.

— Кто такой эрант? — спросила Узелок.

— Я, — ответило существо. — Я прилетел, чтобы провести тебя через горы.

— Спасибо, милая рыбка, — поблагодарила Узелок. — Ой, я хотела сказать: эрант.

Когда Узелок поднялась, эрант полетел вперед по длинному и узкому туннелю, и Узелок сразу вспомнила о том, как он, еще в бытность его рыбкой, вел ее через лес. Едва он шевельнул своими белыми крылышками, как с них дождем посыпались разноцветные искры, которые и освещали дорогу. Неожиданно эрант исчез. Узелок услышала низкий, мелодичный звук, ничуть не похожий на сухой шелест крыльев. Впереди показалась арка, за которой сиял свет: именно оттуда доносился рокот прибоя.

Она ускорила шаг, почти выбежала из туннеля и упала, обессиленная и счастливая, на желтый прибрежный песок. Она лежала, в полузабытьи от усталости и внезапно обретенного покоя, прислушиваясь к плеску волн. Ее взгляд был устремлен на огромную радугу, что опиралась одним концом на неразличимый отсюда противоположный берег моря. В конце концов усталость взяла свое, и Узелок заснула.

Пробудившись, она увидела над собой старика с длинными седыми волосами, которые ниспадали ему на плечи. Он стоял, опершись на палку, покрытую сверху донизу полураспустившимися почками.

— Что тебе нужно, красавица? — спросил старик.

— Красавица? Я? Как здорово! — воскликнула Узелок, вставая с песка. — Моя Бабушка тоже красавица.

— Знаю. Что тебе нужно? — повторил старик.

— Наверное, вас. Вы ведь Морской Старец?

— Он самый.

— Бабушка просила узнать, не пришлете ли вы ей новых рыбок?

— Пойдем посмотрим, милая, — сказал старик куда добродушней, чем в начале разговора. — А что я могу сделать для тебя?

— Для меня? Покажите мне, пожалуйста, дорогу в страну, из которой приходят тени, — проговорила Узелок. Она надеялась, что там ее поджидает Мшинка.

— А! Вот оно что! — протянул старик. — Я бы и рад, но, к сожалению, не знаю, как туда добраться. Загляни к Подземному Старцу. Может, он сумеет тебе помочь. Он гораздо старше меня.

Тяжело опираясь на палку, Морской Старец повел свою гостью вдоль кромки воды. Некоторое время спустя они достигли скалы, похожей на окаменевший корабль, перевернутый к тому же кверху днищем. Над отверстием скалы висел громадный руль, пролежавший, по всей видимости, на морском дне не одну сотню лет. Сразу за отверстием начиналась лесенка, которая уводила в глубь скалы, в жилище Старца.

Войдя туда, Узелок услышала странные звуки — это переговаривались между собой рыбы.

Она попыталась понять, о чем идет речь, однако рыбы говорили на древнем, вышедшем из употребления наречии, так что уловить смысл было почти невозможно.

— Что ж, надо поискать рыбок для моей дочки, — проговорил Морской Старец.

Он подошел к стене, сдвинул в сторону заслонку и постучал по толстому куску хрусталя, который, очевидно, служил ему вместо оконного стекла. Узелок осторожно приблизилась к Старцу, взглянула в окошко, что выходило в океанскую пучину, и увидела множество любопытных созданий: некоторые были сущими уродцами, другие — просто очень странными, с диковинными мордами. Все они занимались своими делами, но едва раздался стук, поспешили к окошку. Приткнуться к хрусталю удалось лишь немногим, но даже те, которые за мгновение до того спокойно плавали в стороне на расстоянии нескольких миль, повернули головы и застыли в ожидании. Морской Старец, тщательно осмотрев свое стадо, вздохнул.

— Увы, произнес он, — порадовать мне тебя нечем. Нужных рыбок пока не выросло. Но как только вырастут, я тут же отправлю их в лес.

Он вернул заслонку на место. За стеной тотчас загомонили на разные голоса. Старец снова отодвинул заслонку и постучал по хрусталю. Рыбы мгновенно замерли, словно погрузились в сон.

— Они говорили о тебе, — сказал Старец. — Между нами, пороли такую чепуху!.. Завтра я покажу тебе дорогу к Подземному Старцу. Он живет довольно далеко отсюда.

— Я, пожалуй, пойду прямо сейчас, — проговорила Узелок.

— Нет, так нельзя. Сперва ты должна побывать тут.

Старец подвел ее к отверстию в стене, осененному зеленой листвой и белыми цветками ползучего растения. Раньше Узелок этого отверстия как-то не замечала.

— На дне моря выживают только растения с белыми цветками, — сказал старик. — Внутри стоит ванна. Ложись в нее и не вставай, пока я тебя не позову.

Узелок забралась в отверстие и очутилась в крохотной пещерке, в дальнем углу которой помещалось нечто вроде бассейна, вырубленного прямо в скале и наполовину заполненного чистой морской водой, что сбегала тоненькими струйками из трещин в стене пещерки. Дно бассейна устилал желтый песок, камень казался чуть ли не отполированным. Над водоемом нависали большие зеленые листья и белые цветы, а стебли растений, переплетаясь, создавали некое подобие шатра.

Она разделась и улеглась в ванну, и вдруг ей почудилось, будто в ее тело проникает вода. Узелок словно спала наяву, при этом не проваливаясь в забытье. Впервые с тех пор, как потеряла Мшинку, она почувствовала радость и вновь преисполнилась надежд. Впрочем, было жаль бедного старика, который вынужден жить здесь в полном одиночестве да еще присматривать за великим множеством бестолковых и любящих поболтать рыб.

Ей показалось, прошло всего лишь около часа, когда старик окликнул ее. Она выбралась из ванны, смыв, кажется, всю усталость долгого и трудного пути, чувствуя себя здоровой и сильной, как будто проспала добрых семь дней подряд.

Оказавшись в той пещере, где рассталась со стариком, Узелок не поверила своим глазам: ее ожидал высокий, стройный мужчина с величественно-прекрасным лицом.

— Идем, — сказал он. — Я вижу, ты готова.

— А где Морской Старец? — спросила Узелок, приседая в реверансе.

— Тут нет никого, кроме меня, — с улыбкой отозвался мужчина. — Некоторые называют меня Морским Старцем, другие зовут иначе, но все почему-то пугаются, стоит им встретиться со мной на берегу моря. Потому я избегаю попадаться им на глаза, и они от страха не видят моего истинного обличья. А вот ты, похоже, не боишься... Но я должен показать тебе дорогу к Подземному Старцу, — с этими словами он вновь провел Узелок в ту пещерку, где находилась ванна. В дальнем углу пещерки обнаружилось еще одно отверстие. — Иди по лестнице и попадешь, куда тебе нужно, — сказал Морской Старец.

Узелок, поблагодарив гостеприимного хозяина, пролезла в отверстие и начала спускаться по винтовой лестнице, которой словно не было конца. Вниз, вниз по выщербленным, расколотым ступенькам, залитым водой, что сочилась из многочисленных трещин в каменных стенах, в кромешной тьме... Как ни странно, Узелок отчетливо различала ступеньки; она не знала, что все, кто принял ванну в жилище Морского Старца, обретают способность видеть в темноте. Если не считать мрака и сырости, идти было даже приятно; змей и прочих ползучих тварей опасаться, судя по всему, не стоило.

Наконец лестница кончилась. Узелок очутилась в сверкающей пещере, посреди которой спиной к ней сидел на камне сгорбленный старик, седовласый и седобородый, причем его борода была такой длинной, что стелилась по полу пещеры. Старик не шевелился. Узелок шагнула вперед, обошла камень и остановилась перед стариком, намереваясь заговорить с ним, однако, взглянув ему в лицо, утратила дар речи, ибо увидела не старика, а прекрасного юношу. Тот зачарованно смотрел в зеркало, выкованное из какого-то металла, по всей видимости, из серебра; зеркало лежало на полу у ног юноши, и Узелок поняла, что приняла за седую бороду блеск металла.

— Вы Подземный Старец? — спросила Узелок.

— Да, — ответил юноша. — Чем могу служить? — Он говорил беззвучно, однако Узелок понимала его безо всякого труда.

— Я хочу узнать дорогу в страну, из которой приходят тени.

— Увы, я бессилен помочь тебе. Эта страна только снится мне; порой я вижу тени в своем зеркале, но вот

откуда они приходят, к сожалению, не знаю. Пожалуй, тут сумеет помочь Огненный Старец. Он гораздо старше меня да и вообще всех на свете.

— А где он живет?

— Я покажу дорогу. Правда, сам я по ней никогда не ходил, — юноша поднялся и пристально поглядел на Узелок. — Мне тоже хочется побывать в той стране. Но я слишком занят.

Он подвел гостью к стене пещеры и велел прижаться к ней ухом.

— Что ты слышишь?

— Я слышу, как бежит под землей река.

— Правильно. Река приведет тебя к жилищу древнейшего на свете человека, Огненного Старца. Жаль, что я не могу отправиться с тобой; чересчур много дел... Иначе, как по реке, к нему не добраться. — Подземный Старец нагнулся, приподнял с пола пещеры и поставил торчком огромный камень, под которым открылся зев колодца. — Тебе туда.

— Но я не вижу лестницы.

— Ее и нет, просто прыгай, и все.

Узелок обернулась, посмотрела юноше в лицо, простояла так целую, как ей показалось, минуту — а на самом деле целый год — и прыгнула в колодец.

Придя в себя, она поняла, что ее несет сквозь тьму быстрое течение. Голова под водой... Ну и ладно, ничего страшного, ведь, если вспомнить, с тех пор, как выкупалась в бассейне Морского Старца, она не сделала ни единого вдоха. Тем не менее, Узелок высунула голову из воды, но в тот же миг нырнула снова, ибо на поверхности было невыносимо жарко.

Постепенно река стала мельче, и держать голову под водой уже было невозможно. Течение замедлилось. Узелок выбралась на берег и двинулась вниз по довольно крутому склону, в котором были выбиты ступеньки. Палящий зной прожигал тело до костей, затруднял дыхание, однако Узелок сохраняла присутствие духа, и хотя ей казалось, что очередной шаг вот-вот окажется последним, она все же продолжала путь.

Мнившаяся бесконечной лестница в конце концов привела ее к сводчатому дверному проему в мерцающей от жары каменной стене. Утомленная до изнеможения, Узелок шагнула в проем и очутилась в прохладной пещере, стены и пол которой сплошь заросли зеленым, мягким и влажным мхом. Из трещины в скале бил ключ. Узелок упала на мох, подставила губы под струйку воды, напилась, потом подняла голову и огляделась по сторонам, затем встала и осмотрелась вновь. В пещере никого не было. Внезапно она почувствовала радостное возбуждение. Еще бы! Теперь ей ведомы самые сокровенные тайны Земли! Все, что она видела, о чем читала в книгах; все, что узнала от Бабушки, услышала от зверей, птиц и рыб; все, что случилось с нею за время, проведенное с Мшинкой, Морским Старцем и тем юношей, который назвался Подземным Старцем, — все стало ясно и понятно. Это означало одно и то же, такое, чего попросту не передашь словами.

В следующий миг она заметила в дальнем углу пещеры маленького мальчика. Совершенно нагой, он сидел на мху и играл в шарики самых разных размеров и цветов, составляя из них на полу затейливые узоры. Узелок поняла, что эти узоры обладают неким таинственным значением, что они возникают вовсе не по воле случая, а в строгой последовательности, что в сочетаниях цветов заключен высокий смысл; она это знала, но объяснить ничего не могла. Мальчик, похоже, был всецело увлечен игрой и как будто не замечал, что в его пещере появился посторонний. Он перемещал шарики с тем же усердием, с каким меняет свои катушки кружевница. Узелок улавливала обрывки значений, но в общем словно плутала в потемках. Завороженная, она не сводила с мальчика взгляда, и чем дольше смотрела на него и на шарики, тем, казалось, отчетливее воспринимала зыбкие, непроизносимые истины. Она простояла так семь лет, которые показались ей семью часами. Внезапно новый узор, составленный мальчиком из разноцветных шариков, напомнил, неизвестно почему, о стране теней, и Узелок решилась нарушить молчание.

— Где мне найти Огненного Старца? — спросила она.

— Я здесь, — ответил мальчик, оттолкнув от себя шарики. — Чем могу служить?

На его лице было написано столь невозмутимое спокойствие, что Узелок на мгновение словно проглотила язык. Мальчик не улыбался, однако его взгляд выражал любовь ко всему сущему. Лицо было озарено неким внутренним светом, и чудилось, что оно вот-вот озарится восхитительной улыбкой. Но улыбка так и не тронула его губ.

— Вы самый старый человек на свете? — благоговейно проговорила Узелок.

— Да. Я очень-очень стар. Я могу помочь тебе. Я могу помочь каждому человеку, — под взглядом мальчика женщина залилась слезами.

— Я хочу узнать дорогу в страну, из которой приходят тени, — пролепетала она, давясь рыданиями.

— Я покажу. Признаться, я и сам частенько наведываюсь туда. Но моя дорога тебе не подходит, ибо ты еще слишком юная для нее. Я покажу тебе иной путь.

— Только не посылайте меня обратно, — взмолилась Узелок. — Я не вынесу этой жары!

— Хорошо, — произнес мальчик, подошел ближе и положил ей на грудь, где сердце, свою прохладную ладонь. — Теперь можешь идти. Огонь тебе не страшен. Идем.

Он вывел ее из пещеры. Следом за ним Узелок миновала дверной проем и очутилась в огромной пещере, пол которой устилал песок, а каменный потолок напоминал скопление грозовых туч. Стены пещеры плавились от чудовищной жары, по ним сбегали сверкающие струйки: желтые — золота, белые — серебра, красные — меди. Но удивительно, женщине было ничуть не жарко.

Мальчик нагнулся, сунул руку под громадный камень и достал большое яйцо. Потом начертил пальцем на песке длинную ломаную линию, положил в получившуюся борозду яйцо, произнес слова, которые Узелок не поняла; яйцо треснуло, из него вылупилась маленькая змейка. Она улеглась в борозду и принялась расти, а когда достигла длины той самой ломаной линии, поползла вперед, легко и плавно, словно повторяя ход морской волны.

— Иди за ней, — сказал мальчик. — Она приведет тебя туда, куда ты стремишься попасть.

Узелок последовала за змеей, стараясь не отставать. Змея ползла по прямой, не сворачивая ни вправо, ни влево...

Тем временем Мшинка выбрался наконец из клубящейся массы теней и, одинокий и печальный, достиг берега моря. Солнце клонилось к закату, с моря задувал ветер, предвещавший бурю; над побережьем сгущались сумерки. О скалу, внутри которой находилось жилище Морского Старца, бились пенные валы. По берегу, который захлестывали волны, расхаживал сгорбленный старик.

— Вы не знаете, — спросил у него Мшинка, — где я могу найти Морского Старца?

— Ты видишь его перед собой, — отозвался старик.

— Я вижу высокого мужчину средних лет, — возразил Мшинка.

— У тебя острое зрение, юноша, гораздо острее, чем у большинства из тех, кто проходил этой дорогой. Ночка выдалась бурной. Пойдем ко мне, поговорим.

Мшинка последовал за мужчиной, который напра-

вился через глубокий пролив к скале. Вода расступилась, пропуская их, и они пересекли пролив по дну. Спустившись в пещеру, они сели и принялись рассматривать друг друга. За время своих скитаний Мшинка изрядно постарел. Он выглядел гораздо старше Морского Старца. Тот встал, взял гостя за руку и провел его в пещерку с бассейном, а там помог раздеться и велел Мшинке ложиться в ванну — и тут заметил, что незнакомец сжимает что-то в кулаке.

— Что у тебя в руке? — спросил он. Мшинка разжал кулак. На ладони у него лежал золотой ключ. — А! — воскликнул Морской Старец. — Теперь понятно, почему ты узнал меня. Мне известно, куда ты идешь.

— Я ищу страну, из которой приходят тени.

— Разумеется. Я и сам не прочь попасть туда. Однако... Как по-твоему, от чего этот ключ?

— От какого-нибудь замка. Сказать по правде, я не знаю, зачем ношу его с собой. Скорее всего, замок мне никогда не найти. И потом, — печально прибавил Мшинка, — я, наверное, прожил долгую жизнь. Должно быть, я стал стариком. У меня так болят ноги!

— Разве? — проговорил Морской Старец. Похоже, ему и впрямь хотелось это знать. Мшинка, который лежал в ванне, посмотрел на свои ноги, помедлил с ответом и наконец произнес:

— Они перестали болеть! Может, я вовсе не старик?

— Встань и посмотри на свое отражение в воде.

Мшинка повиновался и не увидел на своем лбу ни единой морщинки, не сумел различить ни единого седого волоса.

— Ты попробовал, что такое смерть, — сказал Морской Старец. — Тебе понравилось?

— Очень, — признался Мшинка. — Смерть лучше жизни.

— Нет, — отозвался Старец, — она всего лишь следующая жизнь. Теперь ты можешь ступать по воде.

— Как это?

— Я тебе потом покажу.

Они вернулись в пещеру, сели, завели разговор, который затянулся надолго. Наконец Морской Старец поднялся и поманил Мшинку за собой.

Старец вывел Мшинку на лестницу и распахнул дверь, за которой ярилось море. Далеко-далеко, словно отороченная черными тучами, сверкала в темноте радуга.

— Мне пора, — проговорил Мшинка, едва завидев радугу, и ступил на воду, которая удержала его, будто твердая земля. Он зашагал по воде, перепрыгивая с волны на волну и сражаясь с ветром, что дул резкими порывами прямо в лицо.

К утру море успокоилось. Наступил чудесный день, затем пришла великолепная ночь. Над безбрежными просторами океана задувал прохладный ветерок. Мшинка по-прежнему шагал на восток, туда, где видел радугу, которая, увы, исчезла, стоило только закончиться буре.

Он продолжал путь сам по себе, безо всякого проводника, — так ему казалось, ибо он не замечал светящейся рыбки, что плыла под водой, направляя его шаги. Он пересек море, достиг высокой каменной стены, по склону которой вилась одна-единственная тропинка. Та привела Мшинку на скалистый уступ — и оборвалась. Он призадумался. Не может быть, чтобы тропа обрывалась вот так, без намека на продолжение! На то она и тропа, чтобы куда-то вести! Мшинка присмотрелся к скале. Поверхность ее была гладкой, как стекло. Внезапно он уловил краешком глаза какой-то блеск, повернулся, пригляделся повнимательнее и увидел ряд выложенных по окружности крохотных сапфиров, между которыми можно было различить маленькое отверстие.

— Замочная скважина! — воскликнул он и осторожно вставил в отверстие ключ. Тот повернулся; послышался лязг и скрежет, как будто кто-то внутри скалы колотил железным прутом по огромному медному котлу. Мшинка вынул ключ из скважины. Поверхность скалы покрылась трещинами. Он попятился и остановился на самом краю уступа. К его ногам обрушилась каменная плита, за которой, вопреки ожиданиям, не оказалось никакого прохода. Но едва он встал на плиту, как следом за первой упала вторая, образовав как бы следующую ступеньку лестницы. Плиты продолжали падать перед Мшинкой, пока он не добрался до дверного проема и не проник через него в пещеру — просторную, с высоким сводчатым потолком и многочисленными колоннами, что сверкали, подобно полу и стенам, переливались всевозможными цветами и оттенками. Посреди пещеры возвышались семь колонн, цветом от алого до фиолетового. У подножия одной из них сидела женщина. Она не шевелилась, словно спала, положив голову на колени. И то сказать, ведь она провела здесь долгих семь лет. Когда Мшинка приблизился, женщина подняла голову, и он узнал свою подружку. Узелок! Длинные, чуть ли не до пят, волосы наводили на мысль о морской глади; лицо прекрасное, как у Бабушки, и такое же покойное, как у Огненного Старца. И все же, хотя Узелок сильно изменилась, Мшинка узнал ее с первого взгляда.

— Какая ты красивая! — восхищенно проговорил он.

— Правда? — отозвалась она. — О, как долго я тебя ждала! Но ты похож на Морского Старца... Нет, на Подземного... Нет, нет! Ты похож на них всех, но я знаю, ты — мой друг Мшинка. Как ты попал сюда? Что делал после того, как я потерялась? Ты нашел замок? Ключ до сих пор при тебе?

Она забросала его вопросами, на которые Мшинка ответил как мог, а потом принялся расспрашивать сам. Они рассказывали друг другу о своих приключениях и радовались, как только могут радоваться мужчина и женщина. Ведь ныне они были моложе и лучше, сильнее и мудрее, чем когда-либо прежде.

Снаружи начало темнеть, и им вдруг отчаянно захотелось очутиться в стране, из которой приходят тени. Они направились было к дверному проему, через который вошел в пещеру Мшинка, но отверстие вдруг закрылось, и теперь пещеру отделяла от моря толща камня. Отверстие в полу, через которое проскользнула змея, что привела сюда Узелок, тоже исчезло. Пока они искали выход, стало совсем темно, и поиски пришлось прекратить.

Некоторое время спустя в пещере снова забрезжил свет, напоминавший сияние луны. Он исходил от тех семи колонн, что возвышались посредине пещеры. Неожиданно Мшинка различил рядом с алой колонной еще одну, которой раньше не замечал. У подножия колонны светились голубым сапфиры, что окружали замочную скважину.

Мшинка вставил в скважину ключ, повернул его... Послышались звуки музыки, словно кто-то заиграл на эоловой арфе. Каменная плита в подножии колонны отошла в сторону, за ней обнаружилась нижняя площадка винтовой лестницы. Ключ растаял в воздухе, будто был всего лишь призраком. Узелок без колебаний двинулась вверх по лестнице, Мшинка последовал за ней. Плита встала на место. Перепрыгивая со ступеньки на ступеньку, они поднялись над землей и очутились в радуге. Земля, с ее материками и океанами, осталась далеко внизу. Лестница уходила в неведомую высь, и по ней вместе с Узелком и Мшинкой поднимались некие прекрасные создания.

Они знали, что идут в страну, из которой являются тени.

И, сдается мне, теперь они уже наверняка достигли цели.

Перевел с английского
Кирилл КОРОЛЕВ

Валентин Берестов

ИВАНУШКА: ЦАРЕВИЧ И ДУРАЧОК

ЭКСПЕРИМЕНТ

Так называлась статья замечательного детского поэта В.Берестова, опубликованная в свое время «Курьером ЮНЕСКО». В русском варианте — «Неунывающий Иванушка»: видимо, чтобы не смущать начальство. Номер открывался предисловием испанского профессора Ф.Саватера, где речь шла обо всех сказочных героях, от Синдбада до Красной Шапочки, которые, как и персонажи Д.Макдональда, покинули уют родного дома ради невероятных приключений. «Очарование сказки, — заключил Саватер, — наполняет сердце ребенка верой в то, что не все неизбежное неизбежно и что в жизни нет ничего невозможного». Наш Иванушка оказался в одной компании с англичанкой Алисой, итальянцем Пиноккио, китайским царем обезьян Сунь Укуном, персонажами африканских сказок. Авторы разных стран попытались найти общие корни волшебной сказки. И сегодня мы предложили В.Берестову продолжить эти поиски на страницах журнала.

Об Иванушке мне в детстве рассказала моя бабушка-крестьянка. Помню розового коня, возникавшего передо мной в ночной тьме всякий раз, когда я слышал: «Стань передо мной, как лист перед травой!» Почему ребенок просит взрослого слово в слово повторять одну и ту же сказку, с замиранием сердца следя за развитием событий? Об этом вспоминает в книге «Друзья зимние, друзья летние» Татьяна Александрова, автор известной сказки про домовенка Кузьку. В раннем детстве они с сестрой-близнецом Наташей умоляли няню Матрешеньку снова и снова читать им «Царевну-лягушку», а пока няня надевала очки, каждый раз с волнением допытывались: «Лягушка станет царевной?» «Станет, станет», — успокаивала няня.

Детям необходимо, чтобы добро всякий раз неуклонно одерживало победу над злом — так важна ученым повторяемость результатов опыта, подтверждающего открытый ими закон.

Впрочем, я настаиваю, что Иванушка, дурачок и царевич, это одно и то же лицо. Не только благородный Иван-царевич, но и чумазый неряха и растрепа Иванушка-дурачок, к великой радости слушателей и читателей, ловит Жар-птицу, покоряет лучшую в мире красавицу, спускается в подземное царство, плывет по океану, а в небе делается почетным гостем и даже родичем Солнца и Луны, пьет с ними чай и по-свойски беседует.

Помните, в «Царевне-лягушке» царевич на время превращается в дурака? Пустил стрелу не на боярский или купеческий двор, где старшие братья получили приличных невест, а в болото. Взял в жены пучеглазую лягушку. Кто же знал, что это сама Василиса Премудрая! Таким же дураком считают старшие братья Ивана-царевича и в других сказках. Кто же еще полезет в подземное царство, да еще и подкормит несущего его орла кусками собственного мяса? Правда, Иван-царевич совершит множество подвигов, добудет для родителей молодильных яблок, освободит пленных красавиц для себя и для братьев. И передаст — дурачок — свою добычу братьям, а они, приняв драгоценный груз, бросят младшего брата погибать в подземном царстве, присвоят его подвиги, а самый старший еще и затеет свадьбу с чужой невестой. Но добро победит, неузнанный царевич окажется на свадьбе, невеста узнает его, обманщиков накажут, а ребенок примется перечитывать сказку, чтобы еще раз убедиться в победе добра.

ГЕРОЙ, КОТОРЫЙ НЕ ЛЮБИТ РЫНОК

«Вся наша задача, — писал Корней Чуковский, на чьих сказках выросло столько поколений малышей, — заключается в том, чтобы пробудить, воспитать, укрепить в восприимчивой детской душе эту драгоценную способность сопереживать, сострадать и сорадоваться, без которой человек — не человек».

Эту задачу и решал народ, сочиняя Иванушку. Народ дал ему величайшую степень надежности, что так прекрасно показал в своей дивной поэме «Конек-горбунок» Петр Ершов. «Особенно интересной, — писал Александр Афанасьев, известный исследователь народной поэзии прошлого века, — представляется мне роль младшего из трех братьев, действующих в сказке. Большая часть народных сказок, следуя обычному поэтическому приему, начинается тем, что у отца было три сына: два — умных, а третий — дурень. Старшие братья называются умными в том значении, какое придается этому слову на базаре житейской суеты, где всякий думает только о своих личных интересах; а младший — глупым в смысле отсутствия в нем этой практической мудрости: он простодушен, незлобив, сострадателен к чужим бедствиям до забвения собственной безопасности и прочих выгод».

Все, кажется, дано старшим братьям. Но потом выясняется, что они, живя умом «ярмарки тщеславия», оказываются только жалкими дублерами Иванушки, так сказать, «контрольной группой» в поразительном, захватывающем дух эксперименте. У Иванушки нет ничего из того, чем располагают его братья, но, как ни странно, — в этом его сила.

Иванушка — фигура парадоксальная. Он лежит на печи, дремлет или ловит мух. Но когда приходит время, то как раз он-то и не спит — в отличие от умных братьев. В одной из сказок отец, умирая, просит братьев по очереди провести ночь на его могиле. И, значит, с каждым могло произойти то, что потом случится с Иванушкой. Только старшие братья «благоразумно» остаются спать дома, послав вместо себя младшего, дурака. Бессонье его в те три ночи напоминает творческую бессонницу мыслителя, поэта, влюбленного. События сказки как бы происходят в его внутреннем мире, в его душе. Он разговаривает с покойным отцом, а на третий день получает от отца в подарок чудо-коня: «Конь бежит, земля дрожит, из ушей пламя пышет, из ноздрей дым валит».

Отец дарит Ивану коня со словами: «Пусть он служит тебе, как мне служил». Но ни в какой конюшне такого коня не сыщешь. Он вообще не

любит жить в конюшнях, является по свисту неизвестно откуда и уходит неизвестно куда. Волшебный Сивка-бурка — духовное наследие отца, его благословение. Отца, который теперь представляет всех отцов, живших на земле. Конь — подарок юноше от всех предков, от всего народа, какой был, есть и еще будет. В сущности, это Пегас, символ поэзии, спутник вдохновения. И вдохновение в высшей степени присуще Иванушке.

В одной сказке, выйдя из уха коня, Иванушка — уже нарядный красавец. Ясно, что он и Иван-царевич — это одно лицо. Вместе с другими женихами он хочет на коне допрыгнуть до окна терема, где сидит царевна, поцеловать ее и принять из ее рук платок в залог их будущего союза. Трижды Иван участвует в турнире и в первый же день чуть не достигает цели, поразив всех. И вдруг красавец витязь пропал, а восхищенных братьев встречает дурак со словами: «Не я ли это был?», чем вызывает безудержный смех. Он как бы испытывал братьев, любят ли они его, могут ли, пусть на миг, представить его победителем, предметом всеобщего восторга.

Победитель, как и Золушка, остается неузнанным. Всех молодых людей зовут во дворец, поят пивом и приглядываются, не вытрет ли кто губы заветным платком. Иванушку (он и во дворце сидит за печкой, черный от сажи, волосы дыбом, рот разинут) никто и за гостя не счел. Лишь на третий день и ему дали пива; тут-то он и утер губы платком царевны.

Полюбите меня черненьким, а беленьким всяк полюбит. Иванушка явился во дворец дураком, а не царевичем, ибо ему важно знать, верна ли его невеста своему слову. И если первого поцелуя удостоен царевич, то второй достается уже дураку, нелепому и жалкому с виду. Зато теперь и невеста стала жить по сказочным нормам, поэтичным и справедливым.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

У сказок про Иванушку огромная историческая глубина. Ребенок, слушающий их, и впрямь проникает через тридевять земель в тридесятое царство. Пустившись на машине времени в прошлое, мы сначала встретим там крепостного мужика, который, по русскому выражению, придуривается, то есть нарочно притворяется безвредным для сильных мира сего дураком. «Нужно быть очень умным, чтоб сыграть дурака», — писал поэт Николай Глазков. (Это он, назвав себя в 40-х годах «величайшим гуманистом эпохи», как бы спародировал самого Сталина. Выглядел поэт безумцем, и никто его не тронул). Еще вглубь, и мы становимся свидетелями распада родового общества. Над младшим братом, остающимся у родительского очага до смерти родителей, смеются сторонники новых порядков (об этом пишет фольклорист В.П.Аникин).

И вот — родовой строй, детство «человека разумного». Если верить В.Проппу, автору труда «Исторические корни волшебной сказки», то в родовом обществе перед инициацией, посвящением во взрослые, подростков испытывали не хуже, чем ныне космонавтов или спасателей. Они переживали жуткие приключения, нарочно подстроенные взрослыми, геройски преодолевали боль, страх, решали труднейшие задачи, разгадывали коварнейшие загадки. Все это и ушло в волшебные сказки. Если они и впрямь вышли из обряда инициации, то можно мысленно протянуть нить от пращуров, создавших нормы взаимной поддержки и родового братства, без чего человечество в своем начале просто не выжило бы, до наших детей и внуков на пути в то будущее, какое сейчас полубессознательно создается нами.

В сущности, обряду инициации до сих пор подвержены те, кто неизбежно проходит бесписьменное, неграмотное, первобытное время детства. И значит, волшебные сказки не просто воспоминание про этот обряд, но сама инициация. Да и вся история есть в сущности инициация с ее головоломными загадками, на которые мы еще не полностью ответили, и ужасающими испытаниями, какие мы еще не прошли до конца.

Общество обречено, если человек останется беспомощным перед стихиями собственного бытия, если он не осуществит наконец завет Сократа: «Познай самого себя».

И тут приходит на память известная загадка, которую Сфинкс ставил перед каждым, идущим в Фивы. А вдруг это одна из тех загадок, какие предлагалось решать и отрокам при инициации? И испытуемые верили, что от разгадки зависят их жизнь или смерть? Ведь в греческом мифе Сфинкс сбрасывал со скалы не сумевших найти разгадку. Загадка такая: «Кто утром на четырех, днем на двух, вечером на трех ногах?» Только Эдип нашел разгадку: это он сам, человек, в младенчестве бегающий на четвереньках, в старости опирающийся на палку. После верного ответа погиб Сфинкс.

И до нашего времени загадка Сфинкса решена не до конца, оставаясь в известном смысле вопросом жизни и смерти. Вот о чем догадался Тютчев:

Природа — Сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Сказочница Т.Александрова понимала эти стихи так: «Ответ на главную загадку природы заключен в нас самих. А мы ищем его где угодно, только не в человеке. И за это природа, как тот сфинкс, сбрасывает каждого из нас со скалы, и мы умираем».

У человека не три, а может, больше возрастов, отрицающих друг друга. Но Эдипа XX век вспомнил лишь в связи с эдиповым комплексом, забыв о его ответе Сфинксу. Но загадка о трех возрастах продолжает волновать людей. Не зря, хоть и по другому поводу, Блок помянул Эдипа в своих революционных «Скифах»:

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

РЕБЕНОК — СУЩЕСТВО ИСТОРИЧЕСКОЕ

Остановимся и мы перед подлинной загадкой Сфинкса Эдипу. В ней большой смысл.

В 1988 году в Загребе был прочитан доклад Ю.Кнорозова «Пиктография. Особенности детских рисунков». На сей раз ученый, успевший в подтверждение своей теории коллектива дешифровать письменность майя и протоиндийскую письменность, вспомнил закон Геккеля. Согласно закону, ребенок в утробе матери проходит все этапы эволюции, успев побывать и амебой, и рептилией (темечко младенца — память о ее третьем глазе), и рыбой, и чем-то вроде хвостатой и лохматой обезьяны.

22 марта 1925 года Корней Чуковский записал в дневнике: «Пришло в голову написать статью о пользе фантастических сказок, столь гонимых теперь. Вот такую: беременная баба узнала, что на таком-то месяце ее будущий младенец обзавелся почему-то жабрами. — О горе! Не желаю рожать щуку! — Потом еще немного — у ее младенца вырос хвост. — О горе! Не желаю рожать собаку! — Успокойся, баба, ты родишь не щуку, не собаку, но человека. Чтобы стать человеком, утробному младенцу необходимо побыть вчерне и собакой, и щукой. Таковы были все — и Лев Толстой, и Эдисон, и Карл Маркс».

Далее великий сказочник продолжает размышлять, расширяя сферу действия закона Геккеля: «Много черновых образов сменяет природа для того, чтобы сделать нас людьми. В три года становятся фантастами, в четыре — воинами и т.д. Этого не нужно бояться. Это те же собачьи хвосты. Черновики, времянки. Самый трезвый народ, англичане дали величайших фантастов. Пусть звери для четырехлетних младенцев говорят, — ибо все равно для младенца все предметы говорят».

В беседе со мной Ю.Кнорозов назвал себя учеником Чуковского и добавил, что, не будь «От двух до пяти», он бы не прочел иероглифы майя. Сопоставив графику первобытных племен с рисунками детей до 6 — 9 лет, Кнорозов пришел к выводу: и после рождения ребенок как бы проходит этапы доисторического развития человечества. «Дети, постоянно видящие рисунки взрослых, тем не менее продолжают рисовать по-

своему. Попытки обучить рисовать «правильно» успеха не имеют. Равным образом племена сохраняют свои особенности до возникновения государства», — пишет Кнорозов.

Точно так же не имели успеха попытки раньше времени отлучить ребенка от сказки, заменив ее положительными знаниями. Но, как пишет Чуковский, даже дети ревностных гонителей сказки, узнав, например, как они появились на свет, тут же придумывали себе фантастические приключения, происшедшие внутри материнской утробы. То, что у племен — мифология, у детей — сказка, причем, как считает Чуковский, всякая их игра сказку как бы материализует.

И первобытный человек, и ребенок постепенно приходят, скажем, к обратной перспективе, когда более значимые объекты увеличены, хотя и помещены на заднем плане. Помню выставку детского рисунка в Ташкенте во время войны. Цветной лист Маши Эльконинoй (5 лет): «Пушкин с няней». За столом на переднем плане сидит, примостясь на лавке, крохотная, как эльф, старушка, а по ту сторону стола ей внимает курчавый гигант с бакенбардами. Маша видела, как работают ее родители-художники, но она жила еще на волне могучей общечеловеческой наследственности.

ВЕЛИЧИЕ СКАЗКИ

О том, сколь разнятся видения тех, кто еще может бегать на четырех и, во всяком случае, ходить под стол пешком, и тех, кто на двух и на трех ногах, я узнал, когда сам стал писать для малышей. В книжке «Про машину» я с полным сочувствием изобразил заботу маленькой девочки о «заболевшей» машине: «На, машина, чашку. Ешь, машина, кашку. Вот тебе кроватка. Спи, машина, сладко!» и т.д. Это вызвало поток гневных писем во все инстанции. «Берестов учит детей ставить машину грязными колесами на чистую кровать!» — возмущались в журнале «Дошкольное воспитание» методисты из Ленинграда. А на перевод грузинской народной потешки «Удалая старушонка оседлала медвежонка, двух шакалов подковала, запрягла и поскакала» дружно ополчился весь медперсонал одной больницы.

Пушкин и Ершов совсем не имели в виду малых детей. Разве царь Салтан с царицею, которая «той же ночью понесла» или царь Додон со скопцом звездочетом — сугубо детские персонажи? Но в XX веке народная сказка вообще перешла во владение к детям.

Но что же дальше с Иванушкой? «И стали они жить-поживать, добра наживать». Дальше Иванушка преображается. Пройдя через ухо коня, окунувшись в котел с водой студеной да в котел с водой вареной, а то и искупавшись в молоке, он выходит из испытаний сильным и прекрасным, женится на самой красивой и премудрой подруге. Царит. Дальнейшего развития сюжета сказка не дает. Хотя, видимо, оно интересно многим, иначе почему от Парижа до Москвы массовую культуру начинает теснить великая народная культура с ее сказками?

А где старшие братья Иванушки? Сказка показывает, что они не способны царствовать, им никогда не найти пера Жар-птицы и уж тем более не поймать ее. И главное — они не способны к преображению. Вот им и приходится пускаться на ничтожные хитрости, какие позволительны лишь для «базара житейской суеты». Но не в серьезной, ответственной за людей и эту планету взрослой жизни, требующей мужества, мудрости, вдохновения и глубокой порядочности.

Все диктатуры и олигархии отвращают человека от такой жизни : подданные должны начальников ощущать отцами и быть готовыми к порке за всякую провинность или просто для острастки. Демократии же нужны как раз взрослые. Граждане.

Сказочники это понимают.

Бедный Сизиф, на бессмысленный труд обреченный,
Камень в гору вкатил. Камень скатился с горы.
К камню вернувшись опять, впервые за тысячелетья
Смех услышал Сизиф. Дети спешили к нему.
Крепко за камень взялись худые ручонки мальчишек,
Сделаться каждый хотел сильным, как дядя Сизиф.
«Труд твой окончен, Сизиф! — рассмеялись великие боги, —
Камень в гору вкати, камень срастется с горой».

Валентин Берестов. «Сизиф и дети».

ВСЕ ВИДЫ РЕКЛАМНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ ОТ ЗАМЫСЛА ДО ТИРАЖА

Дизайн, буклеты, постеры, открытки, бланки, визитные карточки, иллюстрированные журналы объемом до 200 полос, конверты, каталоги, проспекты, листовки, продукция эксклюзивного характера

электронный набор ✱ полнополосная верстка на современной полиграфической системе (на 21 языке) ❄ сканирование и обработка иллюстраций ✿ высококачественный вывод на пленку полос, подготовленных в формате Post Script (до формата А3) ❀ печать в российских и европейских типографиях ✱ доставка тиража заказчику ❄ обеспечение таможенных процедур ❄ рассылка тиража по европейскому региону

Филип Плоджер

Дитя на все времена

Девочка в приемной не сутулилась, сидела прямо, аккуратно положив руки на колени. Ее серое платье из дешевой ткани — такой трудно придать более или менее приличный вид — было тщательно отглажено, туфли, под цвет платья, старательно вычищены. Этакая примерная девочка: нигде не ковыряет пальцами, не болтает ногами. Сколько гувернанток и нянь тщетно пытаются добиться подобного от своих воспитанников... И, похоже, ожидание не тяготило девочку, словно оно было ее естественным состоянием.

Мэй Фостер, советник по вопросам поведения детей, отошла от двухстороннего зеркала, с помощью которого, оставаясь незамеченной, наблюдала за ребенком. Конечно, не очень хорошо подсматривать, но как иначе понять детей, разобраться в их проблемах? И важно захватить инициативу в начале разговора. Мэй уже 15 лет работала с трудными детьми; чтобы справиться с ними, приходилось идти на хитрость. К тому же не хотелось заработать язву желудка.

А если девочка только притворяется послушной? Дети — прекрасные актеры, однако они понимают, что играть имеет смысл лишь перед публикой. Но девочка не может знать о зеркале, она впервые пришла на беседу с Мэй Фостер. Значит, это обычное ее поведение.

Мэй вышла из-за затемненного шкафа, включила свет и села за свой стол. Еще раз заглянула в лежащую перед ней папку и, закрыв ее, нажала кнопку селектора.

— Луиза, можете привести ребенка.

Когда девочка вошла в кабинет, Мэй, хотя и готовилась к этой встрече, была поражена ее худобой. Такая бывает у стариков, которые ведут активный образ жизни — худые, но крепкие, несмотря на свои девяносто лет. И эти глаза... Мэй видела такие глаза у детей в Центральной Африке, когда в числе первых добровольцев Корпуса Мира боролась там с голодом.

Дети могли переживать боль и страдание, утомительные переходы, смерть своих родителей. Но, когда кожа прилипала к костям, а животы вздувались от голода, их взгляд приобретал особое выражение, которое сохранялось до конца жизни. Слишком рано получен урок: взрослый мир не достоин их доверия, смерть — единственная непобедимая сила в этом мире. Десять лет эти дети являлись Мэй в кошмарах. И теперь, казалось, такие же глаза, видевшие смерть, смотрели в ее душу.

Мэй постаралась справиться со своими чувствами.

— Меня зовут Мелисса, — сказала девочка, неуверенно улыбнувшись. — Вы, должно быть, миссис Фостер.

Теперь она снова казалась обыкновенной воспитанной школьницей, которой скоро исполнится четырнадцать.

— Мелисса, за этот год тебя уже третий раз хотят исключить из школы, — Мэй старалась говорить с профессиональной строгостью. — Может, ты сама расскажешь, в чем дело?

Мелисса пожала плечами.

— Что тут рассказывать. Мы со стариком М... э, мистером Мориссоном снова поспорили на уроке истории, — она усмехнулась. — Он заставил меня замолчать, чтобы выйти победителем.

— Мистер Мориссон давно преподает историю, — назидательно сказала Мэй. — Очевидно, у него есть основания полагать, что он знает о теме спора больше тебя.

— Да Мориссон ничего не соображает! Знаете, что он пытался вбить нам в голову? Что промышленная революция в Англии была шагом назад. Дети, видите ли, работали шесть-семь дней в неделю на фабриках по четырнадцать часов в смену всего ради нескольких пенни. Больше он ничего и не знает. И никогда не задавался вопросом, почему же они шли туда работать?

— И почему же? — задумчиво спросила Мэй. Ее поразила горячность девочки.

— Потому что это был единственный выход, вот почему, — Мелисса сочувственно посмотрела на нее. — Не нравится фабрика — иди воровать, попрошайничать или работай на ферме. А тогда попрошаек и воров могли запросто сварить в кипящем масле. А на ферме... — она скорчила гримасу, — всю неделю вкалывать от рассвета до заката. И что в результате? В урожайный год ты был сыт, в недород — голодал. На фабрике, по крайней мере, всегда можно было заработать деньги на еду.

Мэй на мгновение задумалась.

— А те дети, которые на фабриках погибали или становились калеками? — спросила она. — Зарабатывали чахотку от дыма, почти не видя солнечного света?

— Как будто не было детей, которых затоптали лошади, или тех, что умерли от солнечного удара? — девочка фыркнула. — Да, фабрики были плохи, но все остальное — еще хуже. Но попробуйте это объяснить старому Мориссону.

— Ты так говоришь, будто сама была там, — улыбнувшись, сказала Мэй.

— Я много читаю, — ровным голосом ответила девочка.

— Даже если ты права, надо вести себя более сдержанно. Ты уже два раза срывала его уроки и урок мисс Рэндольф тоже. Думаю, что проблемы у у тебя не только в школе. Как дела дома?

— Дома? — в голосе девочки не чувствовалось теплоты, с которой люди обычно произносят это слово. — Мой приемный отец умер в прошлом году. Сердечный приступ. Бам! Миссис Стюарт никак не оправится после его смерти.

— А ты?

Девочка бросила на Мэй быстрый взгляд.

— Рано или поздно все умирают. Хотя мне жаль, что мистер Стюарт умер. Мне с ним было хорошо.

— А с мамой? — осторожно спросила Мэй.

— Моя приемная мать ждет не дождется, когда избавится от меня. Господи, она бы выдала меня замуж хоть завтра, если бы это разрешал закон. — Девочка неловко заерзала на стуле. — Она буквально затаскивает мальчиков домой, чтобы они со мной подружились.

— А тебе нравится дружить с мальчиками?

— С некоторыми. То есть я не против дружбы с ними. — Мелисса нервно засмеялась. — Я хочу сказать, что они мне не противны и все такое, но у меня еще будет время для мальчиков, когда я вырасту.

— Тебе уже почти четырнадцать.

— Я слишком маленькая для своего возраста. — Девочка повела плечами.

— Миссис Стюарт хорошо тебя кормит?

— Нормально.

— Ты уверена, что питаешься правильно?

— Конечно. Я просто всегда худая, вот и все. Миссис Стюарт, конечно, не подарок, но голодом она меня не морит. Дело в том... — на лице девочки вдруг появилась лукавая улыбка. Неожиданно понизив голос, она продолжала назидательно: — «В современном урбанистическом обществе все чаще встречается синдром мнимого дефицита питания у лиц женского пола, не достигших полового созревания. Несмотря на экономические возможности и пропаганду правильно сбалансированной диеты, указанные субъекты, похоже, не в состоянии получить необходимые для роста компоненты. Такие субъекты часто проживают в окружении, лишенном мужского присутствия и проявляют повышенное беспокойство в связи с функциональными изменениями, свойственными женскому организму в этот период. Мнимый дефицит питания — это не что иное, как скрытый способ попытаться избежать ответственности и обязанностей, ассоциируемых с вышеуказанными изменениями».

Девочка остановилась и перевела дыхание.

— Уф! Этот Андерсон такой чепухи понаписал! Я вижу, вас заставляли читать его книгу на лекциях по психологии поведения, так? — Она продолжала лукаво улыбаться.

— Да, эта книга входила в список обязательной литературы. А как ты догадалась?

— Увидела ее на вашей полке. У вас есть конфеты?

— Э... нет.

— Очень плохо. Работник социальной службы, с которым мне последний раз пришлось иметь дело, всегда держал конфеты в ящике стола. Вам тоже не помешает. Это помогает расположить ребенка к себе.

Мэй попыталась взять себя в руки. Давно она не испытывала такой беспомощности.

— У тебя отличная память, Мелисса. Я вижу, ты действительно много читаешь. Но тебе не приходило в голову, что выводы Андерсона могут относиться и к тебе?

— Вы хотите сказать, что я не ем каких-то продуктов, чтобы не расти?

Мэй кивнула.

— Это действительно так, только этот дурак Андерсон здесь ни при чем. Миссис Фостер, вы свободны от предрассудков? Надеюсь, вы не фанатик, считающий себя олицетворением справедливости. Предлагаю небольшой тест. Вы читаете научную фантастику?

— Иногда.

— Сказки?

— Немного.

— И они вам нравятся? — Девочка внимательно смотрела на Мэй.

— Ну, кое-что. Хотя есть книги, которые оставляют меня равнодушной. — Поколебавшись, Мэй добавила, словно извиняясь: — Мой муж очень любит фантастику и мой тесть тоже, он биохимик.

Мелисса повела плечами — взрослый жест.

— Что вы подумаете, если я скажу, что мой отец был колдуном?

— Честно? Я бы сказала, что ты наделяешь своих неизвестных родителей необычными способностями. Сироты часто так поступают. Тебе ведь это известно?

— Да, снова Андерсон. Но думаю, вы не считаете меня просто трудным ребенком-сиротой? А если я скажу, что мне более двух тысяч четырехсот лет?

Мэй испытала удивление, страх и что-то еще, прежде ей не знакомое.

— Я думаю, тебе стоит встретиться с моим мужем.

Трое взрослых пили аперитив и вели разговор. Мелисса вежливо отвечала, если ее о чем-то спрашивали, но сама в беседе не участвовала.

Джордж Фостер-младший подозревал, что этот простодушный на вид ребенок, сидящий напротив него за обеденным столом, ждет вопросов. Но если девочка родилась еще до Христа, вряд ли ее одолеешь в интеллектуальных играх.

— Папа, передай, пожалуйста, салат, — попросил он. — Надеюсь, тебе нравится цикорий, Мелисса, или к нему привыкают уже будучи взрослыми, как к алкоголю?

Девочка отказалась от бокала сухого шерри, но протянула тарелку для салата.

— Я уверена, что салат мне понравится, спасибо. Соус замечательно пахнет. У вас собственный рецепт, не так ли?

— Да, это действительно так, — ответил Джордж. — У преподавателя истории больше свободного времени, чем у Мэй, — объяснил он. — Этот горчичный соус — одно из моих ранних «изобретений». Если хочешь, могу дать рецепт.

— Да, спасибо. Я редко стряпаю, но когда это делаю, мне нравится готовить изысканные блюда.

Джордж-младший отметил, что она пропустила мимо ушей его намек на возраст. Поразительно, как она умеет себя вести. Но с чего же все-таки начать?

— Кстати, Мэй сказала, что одно время ты жила в Англии?

— Вообще-то я так не говорила, но я действительно там жила. Мы затронули вопрос о промышленной революции.

— Моя специальность — средние века, но в душе я немного англофил, — Джордж-младший удержался, чтобы не перейти на псевдобританский акцент, с которым он всегда произносил эту фразу. Он чувствовал себя неловко.

— Ты знаешь что-нибудь о королевской фамилии? — спросил он.

— Мы проходили это в школе.

— Я всегда хотел быть похожим на адмирала Нельсона. Незавидная ему досталась смерть. Как там сказал на его похоронах король Эдуард, по-моему...

Мелисса положила вилку на стол.

— Это был король Георг, и вы это знаете. Видите

ли, раньше я жила в Беркли. — Она почувствовала на себе взгляд Мэй. — Я знаю, что написано в моем деле. Ведь я сама его сочинила. Одним словом, несколько лет я жила в Беркли. Там как раз проходили мощные студенческие демонстрации, и мы каждый день смотрели в новостях кадры о стычках полиции со студентами. Но своими глазами я ничего такого не видела, хотя жили мы в нескольких кварталах от университета. Впрочем, мне однажды довелось понюхать слезоточивого газа. — Она взяла вилку. — Доктор Фостер, вы можете задавать мне любые вопросы о датах, адмиралах и королях. Именно это прежде всего интересует историков, но не ждите, что я расскажу вам больше того, чем учат в школе или показывают по телевизору. Детей не приглашают участвовать в событиях, которые становятся историческими.

Не зная, что ответить, Джордж-младший встал и подошел к буфету, где стояли блюда. Он долго возился с крышками, пытаясь сосредоточиться.

— Тебе действительно две тысячи четыреста лет? — спросил вдруг Джордж Фостер-старший. Карты были раскрыты.

— Приблизительно, — ответила девочка, кладя себе в тарелку кусок цыпленка. — Как я уже говорила, даты мало интересуют детей. Только двести-триста лет назад я начала задумываться, как это все началось. К тому времени мне уже было трудно восстановить в памяти все события. Я думаю, мне сейчас две тысячи четыреста тридцать три года, плюс-минус десять лет.

— Твой отец действительно был знахарем? — спросила Мэй.

— Не знахарем, а колдуном, — поправила девочка. — Он не занимался магией, не наводил порчу, он был мудрец и изучал природу. Можно назвать его ученым. Он много всего знал о различных вещах, только не имел понятия об организованной системе знаний, какая существует сейчас. Он работал над секретом эликсира молодости. В то время это было модно. И кое-кто добивался поразительных результатов. Помню, одному старому алхимику удалось стать на тридцать лет моложе и вернуться к половой жизни.

— Значит, ты знаешь, как омолаживать организм? — напряженно спросил Джордж Фостер-старший. При свете свечи морщины на его лице казались глубже.

— Извините, я только сказала, что знала одного человека, которому удалось вернуть молодость, и то ненадолго. Насколько мне известно, тайну он унес с собой в могилу. Люди в те времена никому не доверяли своих секретов, именно из-за покрова тайны наука так долго не развивалась. Я в самом деле не могу вам помочь, — тихо добавила она.

— Я верю тебе, дитя. — Джордж Фостер-старший потянулся за бутылкой вина.

— Мой отец потратил большую часть своей жизни на поиски эликсира молодости. Он узнал, как остановить процесс старения до достижения организмом полового созревания, и испробовал этот метод на мне. Я стала его единственным «успехом».

— Он рассказал тебе, как это стало возможно? — спросил Фостер-старший.

— Я знаю, как это сделать, хотя и не совсем понимаю механизм действия. На организм взрослого это не оказывает влияния.

— А ты можешь описать этот метод?

— Могу. Но не хочу. Возможно, я — продукт своего времени. Но мне кажется, что лучше все сохранить в тайне. У меня есть кое-какие неприятные воспоминания.

Все ждали, что девочка продолжит, но она молчала. Фостер-младший поднялся, собираясь убрать со стола.

— Зачем ты нам все это рассказала, Мелисса?

— Разве это не очевидно? — Она вновь покорно сложила руки на коленях. — После смерти отца я некоторое время оставалась в Афинах. Я говорила, что мы жили в Греции? Но там многие меня знали, и люди стали удивляться, почему я не расту. Другие колдуны начали посматривать на меня с подозрением, и мне пришлось покинуть город. Вскоре я поняла, что у меня постоянно будет одна и та же проблема. Всегда найдутся люди, которые возьмут к себе ребенка, тем более крепкую, здоровую девочку, способную помогать по хозяйству. Но со временем, когда станет ясно, что я не расту, как другие дети, появится подозрительность. Она всегда приводит к страху, а страх — к беде. Я научилась точно определять, когда мне пора уходить.

Джордж-младший поставил на стол шоколадный слоеный торт. Как любой ребенок, Мелисса обрадовалась.

— Трудно всегда выглядеть ребенком, быть ребенком, особенно сейчас. Нельзя устроиться на работу, снять квартиру, получить водительские права. Надо обязательно ходить в школу, иначе какой-нибудь чиновник поднимет шум. Для бюрократов приходится придумывать правдоподобную биографию. С каждым годом это все труднее и труднее.

— Мне кажется, — перебил ее Фостер-младший, — тебе стоит переехать в одну из развивающихся стран Африки или Южной Америки. Там со всем этим гораздо проще.

Мелисса поморщилась.

— Нет уж, спасибо. Я предпочитаю жить среди людей с высоким уровнем развития.

И, потеряв интерес к беседе, она принялась за торт.

— Прекрасный обед. Спасибо. — Мелисса промакнула губы салфеткой. — Но я не ответила полностью на ваш вопрос. Я рассказываю про себя, потому что пришло время искать новую семью. Я слишком задержалась у Стюартов. Биографию в моем деле пора менять. Я подумала, что в этот раз мне стоит рассказать обо всем честно. — Она обвела лица взрослых выжидательным взглядом.

— Ты хочешь, чтобы мы помогли тебе найти новый дом? — Джордж-младший едва сдерживал удивление.

Мелисса молча смотрела на пустую тарелку.

— Господи! Джордж, неужели ты так и не понял? Она хочет, чтобы мы взяли ее к себе.

— Мы?.. Но... у нас же нет детей, с которыми она могла бы играть... То есть я хотел сказать... — Он замолчал.

Мелисса не поднимала глаз. Джордж посмотрел на жену и перевел взгляд на отца. Он понял, что они приняли решение.

— Думаю, что это возможно, — неуверенно произнес он.

Девочка подняла голову. В ее глазах блестели слезы.

— О, пожалуйста. Я стану помогать вам по хозяйству, я не причиню вам никакого беспокойства. Может, я не очень сильна в истории, но знаю, как люди жили в разное время и в разных странах. Я умею читать на многих языках. Возможно, я смогу помочь вам в изучении средних веков, — речь

ее была торопливой. — Я помню кое-что из того, что делал мой отец, — добавила она, обращаясь к Фостеру-старшему, — возможно, ваши познания в биохимии подскажут вам, где он ошибался. Ведь кое-что у него получилось.

Джордж-младший понял, что еще немного, и она начнет их умолять. Он не мог этого вынести.

— Папа? — спросил он, придав своему голосу торжественность.

— Думаю, это будет неплохо, — медленно ответил Фостер-старший. — Да, совсем неплохо.

— Мэй?

— Ты знаешь мой ответ, Джордж.

— Ну что ж. — Джордж все еще не мог оправиться от удивления. — Думаю, вопрос улажен. Когда ты сможешь к нам переехать, Мелисса?

Ответ потонул в радостных возгласах. Мэй сжимала Мелиссу в объятиях, Джордж видел из-за плеча жены заплаканное лицо ребенка. На мгновение ему показалось, что в ее глазах мелькнуло какое-то странное выражение — будто девочка уже подсчитывала, сколько продлится ее пребывание в семье Фостеров. Но оно исчезло под потоком счастливых слез. Джордж улыбнулся своей новой дочери.

Девочка подняла голову, услышав шаги Фостера-старшего. За последний год этот гордый человек сильно сдал, его походка потеряла уверенность.

— Здравствуй, дедушка, — сказала Мелисса.

Фостер-старший понял, что она почувствовала его настроение и старается расположить к себе.

— Мортимер умер, — сказал он.

— Я знала, что ему осталось совсем недолго. Для белой крысы он жил долго. Что-нибудь новое в последнем анализе крови?

— Нет. Умер от старости. И я не знаю, почему он так быстро старел в последние три месяца, поэтому неизвестно, как проводить исследования дальше.

Они помолчали.

— Ты можешь дать мне немного зелья, рецепт которого оставил тебе отец?

— Нет.

— Я знаю, что оно у тебя есть, недаром ты так часто пропадаешь в лесу.

— Я ведь говорила, что оно вам все равно не поможет, и вы обещали ничего у меня не просить. — Она не упрекала, она просто констатировала факт.

— Тебе никогда не хотелось вырасти? — спросил Фостер-старший.

— А вы бы согласились стать императором, зная, что вас убьют через две недели?

— Нет, мне достаточно того, что у меня есть. Если мы изучим состав зелья, то, возможно, найдем способ дать тебе вырасти, сохранив бессмертие.

— Я не бессмертна. Я не смогу выжить после серьезной травмы.— Она обхватила руками коленки, как бы защищая себя от мира. — Приходится заниматься профилактикой. Например, зубы рассчитаны на определенный срок, примерно, на пятьдесят лет. Когда мои зубы стачиваются, приходится вырывать их и ждать, пока вырастут новые. И так — каждые двести лет. Поэтому после еды я чищу зубы, стараюсь не царапать эмаль, но не обращаюсь за помощью к дантистам с их бормашинами.

У Фостера-старшего закружилась голова от мысли, что, оказывается, можно планировать жизнь на столетие, как семестр в учебном году. Невероятно слышать подобное от девочки, которая сидит рядом под деревом, обхватив руками колени.

— Я исследовала то, что вы называете моим «зельем», но, по-моему, у нас недостаточно знаний по биологии или химии, чтобы разобраться с его составом, тем более его изменить. Я знаю, как навечно остаться ребенком, но возвращать молодость — совсем другое.

— Неужели ты не хочешь стать взрослой? Сама ведь говорила, как тяжело быть ребенком в двадцатом веке.

— Но это единственное, что мне дано. Я не хочу с этим расставаться. — Она наклонилась вперед и положила подбородок на колени. — Видите ли, в прошлом я заводила друзей. Кто-то мне нравился, с кем-то я надеялась оставаться как можно дольше, но всем им хотелось подрасти. Им это удалось, и они умерли давным-давно. Лучше уж я останусь такою, какая есть.

— И тебе не жаль тратить столько времени на школу? По нескольку раз учить одно и то же, общаясь только с детьми, — в его голосе слышалась насмешка, когда он произносил последнюю фразу.

— Тратить время? Да у меня его полно! Сколько времени вы тратите на исследования по сравнению с тем, что уходит на дорогу до места работы и написание разных отчетов? Сколько беседует миссис Фостер с трудными детьми? Да в среднем не более пяти минут в день. У всех нас большая часть времени уходит на рутину. К тому же мне нравится быть с детьми, я их люблю.

— Я не могу понять, — рассеянно сказал Фостер-старший, — как тебе удается вести себя, как они?

— Здесь вы ошибаетесь, — мягко возразила она. — Это они ведут себя так, как я. Все дети бессмертны, пока не станут взрослыми. — Она замолчала, давая собеседнику возможность обдумать ее слова. — А теперь скажите мне, дедушка, ради чего становиться взрослой?

— Существуют и другие удовольствия, — неопределенно ответил он. — Более глубокие, чем детские радости.

— Вы имеете в виду секс? Да, вы подумали именно об этом. А с чего вы взяли, что девочка моего возраста обязательно должна быть девственницей?

Старик протестующе поднял руки, как бы не желая ничего слышать на эту тему.

— Нет, подождите, вы сами начали. Посмотрите на меня, разве я не красива? Хорошие зубы, чистое лицо, никаких физических недостатков. В некоторых местах девочка моего возраста считается отличной женой, особенно там, где продолжительность жизни не превышает тридцати пяти лет. Такое часто случалось в истории. Запрет на секс в подростковом возрасте, как и поздние браки, появились сравнительно недавно. — Она с гордостью посмотрела на него. — У меня было достаточно любовников, и, можете не сомневаться, я получала не меньше удовольствия, чем они. Но для меня секс — всего лишь способ общения с людьми. Мне всегда нужно находиться среди них. Что еще мне может дать взрослая жизнь?

«Действительно, что еще»? — с грустью подумал Фостер-старший. Он решился на последнюю попытку:

— Ты знаешь о Мэй? — спросил он.

— Что она не может иметь детей. Это было очевидно с самого начала. Вы думаете, я могу ей помочь? Нет, я знаю об этом меньше, чем о причинах смерти Мортимера, — она помолчала. — Мне очень жаль, дедушка. Мне очень жаль...

Послышался шум подъехавшей к дому машины,

это Фостер-младший вернулся домой. Старик медленно и неуклюже поднялся с пня.

— Скоро ужин. — Он повернулся к дому. — Не опаздывай. Твоей маме не нравится, когда ты играешь в лесу.

Девочка сидела на церковной скамье, аккуратно сложив руки на коленях, слушала, как дождь барабанит в высокие окна с витражами. В сумерках на них едва можно было рассмотреть библейские сцены. Мелиссе всегда нравились церкви, обычно они ей служили приютом, где можно передохнуть перед возвращением во враждебный мир.

Ее время у Фостеров подошло к концу. Ей нравилось в их доме, и она надеялась, что выпадет лишний год или хотя бы месяц счастья, прежде чем придется искать новую семью. Но Фостер-старший перенес первый инфаркт, а Джордж-младший постоянно упрекал ее, хотя она не могла ничем помочь. Жизнь усложнилась.

Однажды он выследил Мелиссу в лесу. Злость и отчаяние толкнули Джорджа-младшего на низость: найдя все ее тайники, он взял понемногу зелья из каждого. Это, конечно, не принесло пользы ни ему, ни его отцу: эликсир оказался крайне чувствительным к свету. Хрупкие молекулярные цепи легко разрушались, превращая эликсир в обычную смесь органических веществ задолго до того, как образцы попадали в лабораторию. Но это воровство чуть не погубило ее. У Мелиссы начались колики в животе. Такое с ней случалось только два раза за всю ее долгую жизнь. Мелисса снова бросилась в лес собирать травы. Два дня, пока эликсир не приобрел нужных свойств, она стерегла его в темной берлоге. Колики прекратились. Вернувшись домой, она узнала, что у Фостера-старшего произошел второй инфаркт. Мэй была в ярости.

Джордж-младший продолжал избегать встреч с Мелиссой. Она поняла, что пора уходить. Прокравшись по коридору мимо комнаты Джорджа-младшего, услышала, что он тихо говорит с кем-то по телефону. Она без ключа завела автомобиль соседей и направилась к центру города. Выезжая на улицу, увидела, как к дому Фостеров подъехали машины, из которых вылезли люди с угрюмыми лицами. Мелиссе приходилось когда-то прятаться в темных аллеях от римских центурионов, теперь это могли быть люди из ЦРУ, ФБР или подобной организации. Мелисса прекрасно понимала, зачем они приехали.

Когда пропадает ребенок, никому и в голову не придет искать его в украденной машине. Девочка бросила ее рядом с автовокзалом. В кассе купила билет до Беркли. Первой поднялась в автобус и спросила у водителя, действительно ли автобус идет в Беркли? Когда водитель пошел подписывать путевой лист у диспетчера, незаметно выскользнула наружу. Оставив ложный след, она не стала никуда уезжать. Решила подождать до утра, а потом отправиться в путь пешком. Сколько раз ей приходилось так делать!

— Нам пора закрываться, сын мой, — услышала она позади себя мягкий голос.

Ее часто принимали за мальчика, и Мелисса поняла, что слова обращены к ней. Обернувшись, она увидела священника в сутане.

— Уже почти полночь, — с улыбкой произнес он. — Тебе пора домой.

— Здравствуйте, святой отец. Я не слышал, как вы вошли.

— Все в порядке? Ты всегда так поздно возвращаешься домой?

— Моя сестра работает официанткой в кафе неподалеку отсюда. Папа всегда просит, чтобы я провожал ее домой. Сейчас пойду ее встречать. Я зашел сюда ненадолго, чтобы переждать дождь.

Она не любила врать, но не хотелось привлекать к себе лишний раз внимание: кто знает, может, ее уже ищут по всему городу.

Священник улыбнулся в ответ.

— Хорошо. Будь осторожен, сынок. Сейчас на улицах опасно.

— Там всегда опасно, святой отец.

«Центурионы» беспокоили ее сейчас гораздо больше, чем хотелось в этом признаться самой себе. Их было так много, значит, Джорджу-младшему удалось убедить кого-то из очень важных лиц. К счастью, у них нет никаких документов, касающихся ее истории. Образцы эликсира, похищенные Джорджем, абсолютно бесполезны. Фотографии, которые может показать им Мэй, охватывают период в восемь лет. Может показаться странным, что девочка так долго не меняется внешне, но ничего особенно пугающего в этом нет. Конечно же, они строят разные предположения. Мелисса — ошибка природы. Или просто у нее позднее созревание. Девочка — малолетняя аферистка. Но вряд ли кто-то поверит Фостерам: они все слишком разозлены на нее из-за Джорджа-старшего. Мелисса очень надеялась, что им не поверят. И отпечатков ее пальцев они не найдут — перед уходом она тщательно протерла все, к чему прикасалась в своей комнате, в доме. С них может статься — объявят розыск именем правительства США, чтобы привлечь ее к суду. Что ж, видно придется на время отказаться от честных поисков новой семьи для себя.

Дождь понемногу стихал, хотя все еще моросил. Пора было искать ночлег. Девочка устала, продрогла, волосы ее свисали мокрыми прядями. Неожиданно она начала вспоминать что-то из своего давнего, настоящего, детства, прошедшего много веков назад. Какие у мамы золотые волосы, как тепло и уютно у нее на коленях...

Сквозь пелену дождя на другой стороне улицы она увидела афишу кинотеатра:

УОЛТ ДИСНЕЙ
МУЛЬТФИЛЬМЫ
НЕПРЕРЫВНЫЙ ПОКАЗ
ДЛЯ ДЕТЕЙ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ

— Это для меня, — подумала Мелисса. Перебежав через дорогу, протянула деньги в окошко кассы. Скоро в теплом полумраке зала она забыла о дожде и холоде.

Перевел с английского
Сергей КОНОПЛЕВ

Маргарита Шурко, Илья Борич

«НЕ ХОЧУ БЫТЬ ВЗРОСЛЫМ!»

Героиню своего рассказа, как будто отвращающего нас от столь притягательной идеи бессмертия, Ф.Пледжер называет Мелиссой. Так зовется известное лекарственное растение (вечное детство девочке дарует как раз снадобье из трав), таково было и имя философа из Самоса, жившего в V веке до Рождества Христова (примерно тогда родилась и героиня). Кстати, диалектик Мелисс как раз доказывал, что сущее не исчезает, что оно бесконечно, едино. Возможно, философские штудии подсказали Пледжеру тему. Решается она традиционным приемом: фантастическая идея рассматривается на реальном фоне. «Вечная» девочка попадает в число трудных детей и нуждается в попечении социальных работников. Реалистический контекст — при всей малости отрезка явленной читателю жизни героини — задает множество направлений комментарию публицистов М.Шурко и И.Борича. Они размышляют о проблеме инфантилизма, актуальной для современной социальной психологии.

Альберт Эйнштейн объяснял свои гениальные прозрения тем, что в нем застряло навсегда детское непонимание многих вещей и понятий, которые другие давно и быстро одолели (или обошли?). Чересчур задержавшаяся детскость... Что это — беда или удача, досадная приостановка развития или, как у создателя теории относительности, дополнительный шанс, подаренный природой? Каждый, вероятно, мог бы назвать не одного большого ребенка, который, к досаде близких, «пропускает жизнь», малюя, сочиняя «в стол», в корзину. И, несмотря ни на что, предается своему недоходному, невзрослому делу. А спросить такого человека, он назовет «детскими умами» тех, кто живет «просто», заколачивает деньгу..

ОЧЕНЬ НЕОДНОЗНАЧНОЕ, вмещающее в себя так много оттенков и смыслов понятие — инфантилизм. В энциклопедическом словаре — «сохранение у взрослых особей физических и психических черт, свойственных детскому возрасту». Ну, скажем, родители твердят об инфантильности, когда суждения акселератов не поспевают за их бурным физиологическим развитием. Словом, инфантилен тот, кто не отвечает норме взрослости, зрелости. Но ведь и границы возрастов меняются, да и сама норма подвижна, колеблется.

Педагоги, психологи выделяют среди подростков группу ретардантов (отстающих в развитии). Последние комплексуют, испытывают ощущение собственной неполноценности. Неуютно в мире, порог детства позади, а опоры в новом жизненном пространстве не найти. Куда спрятаться от пронизывающих ветров реальной жизни? Обратно, в детство. Это, кстати, свойственно не только отстающим в развитии, а отрочеству вообще. Лучше оставаться ребенком, направляемым родителями, взрослыми. Но одновременно хочется уйти от этой зависимости: стыдно. Дерзости, вызов, конфликты дома, в школе. Подросток нападает, а на самом деле защищается.

Ученик, из болезненных и неуспевающих, все деньги, которые даются ему на завтраки и лакомства, тратит на кормление пары бродячих собак в репьях и коросте. Мать замечает, что ее «дурак» тощает, бледнеет. Инфантилен? А, может быть, сердце, созревшее для добра?

Понятие, о котором мы говорим, не только изменчиво. Не раз оно выворачивалось наизнанку. Не в столь далекие времена инфантильность была термином-меткой изобличительного звучания. Педагогика, пронизанная официальным духом, борясь за «свою» молодежь, вела поход против задумывавшихся над жизнью мальчиков, понимая, что **этими** не поманипулируешь. Строптивы, непослушны, не станут делать «что положено». Государственно уполномоченные критики в 60-х годах возмущались «звездными» мальчиками Василия Аксенова. Инфантильными считались и герои Виктора Розова, готовые рубать серванты «простых» накопителей — взрослых. Такая поросль возникла на излете коммунистической эры. Юноши, желавшие понять мир вокруг себя. Двухцветный мир — бело-красный — двадцатых годов, черно-красный — более позднего времени. Мир с «заданным мышлением, против которого не может не восставать всякое самосознающее существо» (Мераб Мамардашвили).

Короче, использование термина «инфантильный» было в основном «наоборотным»: с позиции заданного мышления (а это качество незрелого, коснеющего духа), старческого догматизма «инфантильными» были как раз духовно взрослевшие, остановившиеся на марше, чтобы оглядеться, свериться с внутренним компасом.

Стоит хотя бы бросить взгляд на героев Розова. Самый известный из них (пьеса «В поисках радости», киноверсия «Шумный день»), как уже сказано, рубит шашкой сервант, добытый «в бою» женой старшего брата. Подросток несдержан, но чист и неподкупен, легкомысленно влюбчив и очень серьезно дорожит своей внутренней жизнью — заповедным аквариумом. А герой пьесы «В добрый час»? Он как будто ерничает, ленится, слоняется без дела, но сквозь это внешнее прорывается душа, утверждающая себя в трудностях и самоопределении. Еще один розовский мальчик («А,Б,В,Г,Д...») бежит, в прямом смысле бежит — по рельсам из дальнего поселка, от любимой «отцами», вросшей в них предвзятости, недомыслия, рутинных поучений. Он учится видеть, любить и жалеть человеческое существо, которое рядом, от эгоистического высокомерия переходит к позиции ответственного лица — ответственного за другого.

Все эти мальчики бегут не от трудностей к легкости, а наоборот. Каждый из них с детским старанием, требовательно всматривается в жизнь, чтобы встать в ней честно и твердо, по принципу: на том стою и не могу иначе. Это не приходит без серьезных усилий. Так инфантильны ли они?

КОГДА В 60-Е ГОДЫ на Западе забушевали молодежные бунты, то свойственные этому движению богемное своеволие, разгул инстинктов, тягу к лозунгам маоцзэдунизма

окрестили социальным инфантилизмом. Философ и социолог Ю.Н.Давыдов, посвятивший (совместно с И.Б.Роднянской) этому явлению книгу, рассматривает социальный инфантилизм как тип мировоззрения и социальную болезнь. Она заключается в нежелании определенной части молодежи, достигшей биологической зрелости, приобщиться к выполнению традиционных трудовых и общественных обязанностей, обзавестись семьей и т.д. И ферментом, и симптомом этой социальной болезни была контркультура, противостоящая фундаментальным, традиционным принципам западной культуры. Неприятие мира и установок взрослых имело самые различные проявления: от увлечения наркотиками, погружения в восточную мистику до крайностей сексуальной революции и ломки художественных традиций.

С молодежным движением, юношеским диссидентством тесно связана рок-культура. Она была неотъемлемой частью тотального, всеобщего противостояния миру взрослых. Молодежь, не принимавшая власти, всего строя общества, заявила: «Мы против вас». Первая часть формулы («мы») предполагает спайку, крепко сбитую стаю, чувство локтя, коллективизм, товарищество, в котором так уверенно и тепло незрелому, инфантильному сознанию: «Я живу тем, что мы вместе». Вторая часть («против вас») выражается во всестороннем вызове, эпатаже, от костюма и манеры держаться до душевного склада, некой ощетиненности. Напомним слова одного рок-подростка: «Меня зовут Улитка... Я просто убежал. Я не хочу ничего делать. Я не хочу лгать, не хочу обманывать, не хочу пробивать себе дорогу куда-то». Другие юные, поагрессивней, хотели и хотят если не «пробивать», то побивать все, что «не они», что принадлежит миру ненавистных «отцов».

Для рок-культуры достаточно характерны эта отроческая демонстрация мускулов, сверхгромкий звук, угрожающий ритм, прославление беспредельной раскованности, унижение всех видов и форм порядка, традиций в искусстве. Своего рода проявление «геройства», показ готовности к преодолению и покорению жестокой взрослой жизни.

Мы сказали об агрессивной ипостаси рока. Но он многолик, как сама инфантильность, как отрочество. Здесь всей системой воздействий утверждается позиция «человека в осаде»: я готов встретить угрозу, выстоять и победить.

Но не одна отроческая враждебность миру консерватизма, в том числе классической культуре, является содержанием рока, хотя он и родился из противостояния, как эпатаж. От 60-х до 90-х годов это часть контркультуры усложнялась. Простые ситуации (мальчик—девочка, я—ты, одиночество—общность), выпеваемые на сотни ладов, одевались в сложную инструментовку, варьировались. Как противоположные классике, как исконно свои, исполнялись и исполняются обработки народных песен.

И все-таки коренной признак рока — его вызывающая демократичность, простота, ставка на любительство (особенно в начале его развития), доступность для зреющего юношеского вкуса и сознания. В крайнем выражении — простота, граничащая с хаосом, как оппозиция усложненному и давящему порядку.

Подпочва радости, испытываемой юным слушателем рока, — это утверждение своего «я», своих чувств и своего единства в неприятии всего установленного. Это всяческое своеволие, которое, заметим, не так уже редко становится залогом действительного формирования самостоятельной личности.

СТРЕМИТЕЛЬНАЯ экспансия рока в России неудивительна. Наша молодежь, которой претили официально-догматические установки власти, особенно в области культуры, интимной жизни, запретительская направленность нашей идеологии, чутко уловила нерв протеста против косности, традиций и приняла его. Десятилетиями звучало: «Мы будем петь и смеяться, как дети». Нас хотели видеть детьми, прилежными и послушными. Патернализм, когда за вас думает, вами распоряжается, казнит и милует верхушка (отнюдь не выборная!), наподобие отца в патриархальной семье, в конечном счете приводит к недоразвитию, детству народа — гражданскому и человеческому. По выражению Ю.Н.Давыдова, у нас произошла инфантилизация общественного сознания и всей духовной культуры страны. Поэтому в наших, российских, условиях социальный инфантилизм вышел далеко за пре-делы молодежной субкультуры. Он принимал и принимает самые разные обличья: ожидание политического чуда («Вот приедет барин...»), слепота чинов-ника, не желающего ничего знать, кроме надобностей своего «шестка», неспособность пешки—функционера принимать самостоятельные решения, брать на себя ответственность. Вообще всякие формы отказа от самостояния, самоотчета.

— Как же это ты? Видел же, что вредно, несправедливо?

— Так приказано. Что мне, больше всех надо?

— Напрасно, Прокоповна, не пошла с нами: в кастрюльки лупили, шумели, было весело, — грузная пенсионерка, вернувшаяся с митинга, подруге.

Шли с портретами Сталина, царя, с иконами. Лица серьезные, отрешенно-мученические. Свойства этой толпы — исконно детские: поклонение силе — ведь ребенок чаще всего гордится сильным отцом. Отсюда нынешнее влечение нашего уличного люда к вождю, к твердой руке, жажда жить под сенью сильной, мощной власти. Детское легковерие бросает людей к тому и тем, чьи лозунги и обещания, пусть нереалистичные, радуют, тешат душу, сулят лучшее будущее. Всякий видел детей, ожесточенно секущих траву, топчущих червячков и жуков. Незрелому, слабому нужен кто-то враждебный, плохой, нужно творить расправу и тем утверждать себя в своей силе и правоте. Все это воспитывалось долго, планомерно — не чувство достоинства, собственной значимости, а иждивенчество, пассивность, послушание.

МЫ СОЗНАТЕЛЬНО нажимали на кнопки — значения термина «инфантильность», и каждый раз на экране загорался новый смысл, новый оттенок. Может быть, надо остерегаться этого понятия ввиду его неопределенности? Всякий раз его использование спотыкается о необъятность самого понятия «детскость», «детство». Как сказал философ Мамардашвили, человек — существо «долгое», «медленно выковывает себя во времени». Мы взрослеем, становимся, образуемся всю жизнь. Это и отличает сложное существо от простейшего. Следовательно, на каждом этапе нашего земного пути есть в нас детское. И само-то детское включает в себя несовершенство, продиктованное слабостью духа и плоти, и одновременно свежесть, ясность, здоровье, нечто рвущееся вперед и вдаль. Обещание.

Мы бы даже отважились утверждать: горе окончательно повзрослевшим. Ведь сказано в древности и на все времена: если не будете, как дети, не войдете...

«...Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом — ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело — ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему. Наверное, я дурак».

Джон Сэлинджер. «Над пропастью во ржи».

Если желаете родить мальчика, ешьте соленые бананы

Мальчик или девочка? Чтобы выбрать пол своего будущего ребенка, прибегают к разнообразным более или менее научным методам. Вот один из них, который, пожалуй, имеет наиболее прочную научную основу.
Изучая обезьян-ревунов, американский ученый из университета Дюка в Чикаго профессор Кеннет Глэндер пришел к выводу, что пол потомства в основном зависит от того, какую полярность — положительную или отрицательную — имеет влагалище самки в момент зачатия. Оно либо притягивает, либо отталкивает, подобно магниту, сперматозоиды, которые порождают мальчиков или девочек. Полярность зависит от пищи, которой питалась самка в дни, предшествующие зачатию.
Для проведения эксперимента на людях были выработаны два режима питания. Они соблюдались участницами в течение месяца, предшествующего зачатию.
Чтобы родились мальчики: артишоки, грибы, шпинат, бананы, финики, каштаны — все, что богато калием. Молочные продукты, яйца, свежие овощи и фрукты были исключены по причине их богатства кальцием. К тому же еду активно солили.
Чтобы родились девочки, режим был обратным, и пища подавалась без соли. Этим рекомендациям следовали 388 женщин в роддоме Порт-Ройял в Париже на протяжении 1977 — 1983 годов. Желаемый результат был достигнут в 82 процентах случаев. Таким образом не исключено, что в ближайшее время выбор пола нашего потомства станет делом простым и будет зависеть от наших кулинарных пристрастий.

Испугались дракона...

Известно, что китайцы — большие поклонники разного рода гороскопов, народных примет и астрологии, в которые они искренне верят. Правда, часть их суеверий далека от европейского сознания и кажется нам несколько странной. Например, сверхсовременный небоскреб Китайского банка в Гон-Конге якобы был построен над «логовищем дракона».
По китайским обычаям нельзя строить где попало: прежде нужно при помощи божественного посредника убедиться, что под выбранным местом не обитает подземный дракон. Когда руководство банка выяснило, что под ними пещера дракона, был проведен ряд мистических действий, целью которых было вымолить у дракона прощение за беспокойство...
Разумеется, оборудование банка и его компьютеры и в этот период продолжали работать без сбоев...

Один паразит уничтожает другого

Хорошо известно, как вредны помехи, распространяющиеся по электрическим сетям.
Их источниками чаще всего являются различные индустриальные комплексы большой мощности, вырабатывающие паразитные колебания различной частоты.
До сих пор единственным спасением от них было применение пассивных фильтров. Они, как правило, состояли из индуктивности и конденсатора, но все подобные устройства были малоэффективны.
Новый путь открылся разработкой активных фильтрующих систем: микропроцессор постоянно анализирует частотный спектр сигнала.
Как только он обнаружит помеху-паразита, идет команда исполнительному блоку — создать аналогичную помеху, но в противофазе.
Таким образом два вредителя уничтожают друг друга, и сеть «остается чистой».

Люди с «ароматом» рыбы

Некоторые люди обладают специфическим неприятным запахом — от них пахнет рыбой. Такое, правда, встречается редко, в Великобритании, например, известно всего 35 случаев за последние 20 лет. Несомненно, что и в других странах не больше, поскольку не найдено каких-либо эпидемиологических причин этого явления. Запах никак не связан с плохой личной гигиеной. Он появляется у человека с детства, иногда возникает эпизодически — в случаях волнения, недомогания и, естественно, каждый раз при питании рыбой.
Причина здесь кроется в неспособности данного организма окислять триметиламин — обычно окисляемую природную аминокислоту. Он и оказывает влияние на целый комплекс механизмов секреции и вызывает неприятный запах.
Есть предположение, что такая ферментальная аномалия наследственна. Однако подобным людям рекомендуется не включать в свой рацион яйца, рыбу, молодой горошек, побеги сои. Полезно, по согласованию с врачами, кратковременное применение некоторых антибиотиков для сокращения выработки специфических ферментов... в ожидании, пока будет найдено более подходящее средство против рыбного запаха.

Хотите стать долгожителем? Не верьте в гороскоп

Одно из исследований, проведенное среди 28 000 американцев китайского происхождения в Калифорнийском университете Сан-Диего, показало, что те из них, кто верит китайским гороскопам, живут меньше, чем те, кто ими не интересуется.
Чтобы понять суть исследования, нужно вспомнить, что, согласно китайской астрологии, судьба личности зависит от года рождения, а каждый год связан с одним из пяти элементов китайской мифологии — огонь, земля, металл, вода, дерево. Всякий из этих элементов в свою очередь «отвечает» за определенные органы человеческого тела и его болезни.
Вера в астрологию заставляет людей принимать случайности за неизбежность. Например, человек родился в год огня и страдает сердцем (огонь «отвечает» за сердце). Значит, умрет он скорее всего в огненный год.
Поскольку каждый год связан с каким-либо животным, а каждое из этих 12 животных имеет свой час в сутках и месяц в году, то для рожденного в год Крысы критическим часом будет полночь — час Крысы, в декабре — месяц Крысы.
Наблюдения показывают, что рожденные в год земли, которая ответственна за рак, умирают от рака дыхательных путей примерно в 66,35 лет, а рожденные в другие годы — в 67,47 лет. Более года разницы.
Однако когда изучали смертность людей некитайского происхождения, которые либо не знают, либо не доверяют восточным гороскопам, ничего подобного не наблюдалось.

Кингсли Эмис

НОВЫЕ КАРТЫ АДА

СИСТЕМА КООРДИНАТ

Как мы и обещали нашим читателям, журнал открывает на своих страницах новую рубрику, где предполагает публиковать материалы литературно-критического и справочного характера, посвященные проблемам жанра от его возникновения до наших дней. Причем, американскую литературу будут представлять американские авторы, французскую — французы, отечественную — российские и т.д.

А начинает эту рубрику (мы назвали ее «Система координат») знаменитая фантастоведческая работа Кингсли Эмиса, оказавшая влияние на развитие не только литературной критики, но и самой НФ.

Имя английского писателя Эмиса российские читатели узнали в 1958 году, когда увидел свет русский перевод его романа «Счастливчик Джим». Был ли причиной выхода книги антибуржуазный пафос произведения или общественная деятельность автора, ставшего основателем леворадикального движения «Рассерженные молодые люди», но факт остается фактом: одной из первых «оттепельных» ласточек стал роман преданного поклонника и авторитетного исследователя научной фантастики. Статьи по теории жанра, работа над составлением ежегодных антологий «Spectrum», собственные литературные труды — вот далеко не полный перечень заслуг Эмиса. Однако самым значительным его достижением по праву считается книга «Новые карты ада» (1960), созданная на основе курса лекций, прочитанных автором в Принстонском университете. Во вступительной главе, уже публиковавшейся в России, Эмис пытается дать определение научной фантастике и приходит к выводу, что «это раздел художественной прозы, имеющий дело с ситуациями, которые в нашем мире невозможны, но постулируются писателями на базе научно-технических новшеств либо на основе псевдонауки или псевдотехники земного или неземного происхождения». Такая формулировка позволяет Эмису провести четкую границу между НФ и фэнтези: если первая «сохраняет некоторое уважение к научным фактам», пусть даже вымышленным, то вторая их полностью игнорирует. Наконец, отдав должное всем корифеям жанра от Лукиана до Уэллса, писатель переходит к истории современной фантастики.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Итак, в апреле 1911 года журнал «Современное электрооборудование» («Modern Electrics») приступил к публикации произведения под названием «Ральф 124С 41+: Роман о 2660 годе». Его автором был учредитель и редактор журнала, некий Хьюго Гернсбек. В истории НФ Гернсбек занимает теперь такое же место, какое Джордж Льюис занимает в истории джаза (имя Гернсбека, как известно, было присвоено самой престижной фантастической премии, премии «Хьюго»). Это, однако, не помешает нам обратиться к содержанию «Ральфа...», страницы которого посвящены описанию технических диковин, произведенных на свет изобретательным заглавным героем. Будучи кем-то вроде кавалера ордена «За научные заслуги», символом чего служит знак «+», Ральф начинает свои подвиги с уничтожения лавины, находящейся за три тысячи миль от него. После некоторых неприятностей с парочкой конкурирующих поклонников — землянином и марсианином — он при помощи сильного охлаждения и переливания крови возвращает к жизни погибшую девушку. Среди прочих содеянных им чудес стоит отметить гипнобиоскоп (своеобразное предвосхищение гипнопедии Олдоса Хаксли) и трехмерное цветное телевидение (термин, который, как утверждают, Гернсбек и ввел в обиход). Неудивительно, что многочисленных последователей автора «Ральфа...» стали публиковать главным образом научно-популярные издания; в 1926 году, впрочем, Гернсбек приступает к выпуску первого журнала, посвященного исключительно фантастике, — «Удивительных историй» («Amazing Stories»), которые выходят по сей день. Тогда же НФ открывает для себя, какой мощной поддержкой — по части объема и тиражей — может служить работа в двух смежных с ней жанрах. Одним из них — тем, что посолиднее — является фэнтези.

Первый журнал современной фэнтези, «Рассказы о сверхъестественном» («Weird Tales»), был основан тремя годами ранее «Удивительных историй», и я полагаю, что могу ограничиться простым упоминанием о существовании — где-то на втором плане — Элджернона Блэквуда и лорда Дансени. Самым ярким автором этого направления был Г.Ф.Лавкрафт, основная часть произведений коего представляет собой прозу ужасов популярного в Англии толка — или, по крайней мере, считавшимся популярным в 20-е — 30-е годы. Некоторые из лавкрафтовских рассказов — «Данвичский ужас» например, — незабываемо омерзительны; паратройка других, вроде «Крыс в стенах», относятся к жанру «историй с привидениями» или же настолько затасканы по сборникам, что, скажем, вещь под заголовком «Краска из космоса» иногда пробивается и на страницы НФ-антологий — главным образом, как мне кажется, из-за своего названия. Литературные достоинства этих текстов невелики, однако Лавкрафт умудряется создать впечатление, будто они нечто большее, нежели материал для психоаналитика (что справедливо для очень многих фэнтези и почти всей ранней научной фантастики); трудности же, возникающие при попытке определить жанровую принадлежность некоторых его работ, являются закономерным следствием неразберихи, которая была характерна для нереалистической прозы в период ее мучительного внутреннего «расщепления».

Второй смежный (и состязающийся) с НФ жанр именуется «космической оперой», что справедливо напоминает нам о «лошадиной опере», или вестерне, и о поразительном внутреннем сходстве этих двух «опер». В «космической» место штата Аризона занимает, с некоторыми изменениями физических свойств окружающей среды, планета Марс, шестизарядный револьвер героя превращается в бластер, а плохие парни становятся плохими инопланетянами, которые

выглядят точь-в-точь как плохие парни, только у них зеленая кожа и шестипалые конечности. Что касается индейцев, то они принимают форму так называемых «жукоглазых чудищ» (выражение, частенько сокращаемое до ЖГЧ по психобиологическому закону, который относится к постоянно используемым терминам). Некоторые исследователи фантастики ЖГЧ терпеть не могут и то и дело обрушиваются на беднягу Уэллса, от марсиан которого, как они высокомерно утверждают, и пошло все зло. С их точкой зрения, вероятно, можно было бы согласиться, если бы ЖГЧ представляли собой всего-навсего сюрреалистических орангутангов, бросающихся в венерианское болото с героиней в щупальцах, однако секрет заключается в правильно созданном эффекте угрозы, и мне встречалось немало хороших историй о ЖГЧ. «Путешествие «Космического Бигля» А.Э.Ван-Вогта, к примеру, прекрасно читается на протяжении всех своих шестидесяти тысяч слов благодаря последовательному появлению целого ряда ЖГЧ, каждое из которых противнее предыдущего.

«Жукоглазые чудища», впрочем, вовсе не являются обязательным атрибутом «космической оперы», и первые ее образцы нередко заполнялись всякой чепухой, позаимствованной в исторических романах — или, если угодно, «фехтовальных операх», — принцессами, дворцовыми стражниками и древними кодексами чести. Позднее «космическая опера» начинает черпать вдохновение в низкопробных детективах, включает в число персонажей галактических хулиганов и инопланетную наркомафию. Но, как бы то ни было, описываемая мной схема безусловно состоит в прямом родстве с современной «духовной пищей», которой — в виде комиксов — потчуют зеленых юнцов и которая проникает даже в солидные НФ-журналы. Более того, я вынужден думать, что именно «космическая опера» с полным комплектом ЖГЧ, небольшим коллективом сумасшедших ученых и полуодетыми девочками служит главной торговой маркой научной фантастики для разного рода «знатоков» — тех, кто до сих пор не понял, насколько серьезен этот жанр.

Кстати, хотел бы обратить их внимание еще на одного предка «космической оперы», которым, вне всякого сомнения, был Райдер Хаггард: некоторые элементы его книг типа «Она» нуждались только в том, чтобы их переместили на Марс и дополнили парочкой ЖГЧ для пущей новизны. Эдгар Райс Берроуз блестяще справился с этой задачей в романе «Под лунами Марса» (1912; позднее переиздан под названием «Прин-цесса Марса»), и в последующую четверть века его чертовски беглое перо побудило к творчеству более дюжины подражателей. Степень «научности» его произведений прекрасно характеризуется презрительным отношением Берроуза ко всем без исключения приспособлениям для межпланетных полетов — от водяных смерчей до гравитационных «изоляторов»: герой, загнанный в пещеру бандой апачей, вдруг обнаруживает, что оказался на Марсе, и сразу же начинается всякая ерунда в стиле «зеленых человечков» — для того, чтобы полностью опустить побольше технических вопросов. Между прочим, самое известное и прибыльное создание Берроуза, Тарзан, является куда более сложной персоной, чем можно судить по нескончаемому потоку фильмов о нем. Занимаясь отнюдь не только поисками пропавших путников и разговорами с представителями животного мира, он не раз пускается в откровенно хаггардовские приключения, например, в романах «Тарзан и забытая империя» и «Тарзан и золотой город» — своеобразных «земных космооперах»*, а в «Тарзане на земном ядре» и вовсе идет по следам героев Жюля Верна (пусть и менее благородной поступью).

Но вернемся к научной фантастике. В 30-е годы она окончательно утверждается в литературном мире, все более и более обосабливаясь от фэнтези и «космической оперы», опережая их по популярности и тиражам (одновременно выходило не менее полудюжины специализированных журналов), однако всегда оставаясь некоей разновидностью интеллектуальной игры. Авторы некоторых произведений разделяли надежды Жюля Верна на всемогущество техники и напирали на научный элемент, зачастую намного опережая великого француза в громоздкости описаний и нечитабельности. По большей части, впрочем, на внимание читателей претендовали вульгаризаторы раннего Уэллса, подводившие научную базу под истории с волшебством и рассказы ужасов. В одной вещице, например, были перемешаны Лукиан и «Цветение странной орхидеи» — речь шла о молодом дереве, крона которого представляла собой верхнюю половину могучей и злобной девицы. Другая повествовала о замаскированном инопланетянине, который возглавляет мнимую геологическую экспедицию к некоей гигантской пещере, намереваясь накормить скрывающихся в ней собратьев завтраком из человечины. Разумеется, несмотря на горы смертоносной техники, находящейся в распоряжении пришельцев, затея с завтраком терпит крах и они гибнут «под градом искр». (Рассказ, помнится, был написан довольно прилично; впрочем, мне тогда едва исполнилось двенадцать.)

Наконец, поведаю еще об одном сочинении — про ученого, который не то чтобы совсем спятил, однако, по стойкому убеждению коллег, был «немного того», и вот он-то и создал в своей лаборатории «жизненную форму». «Жизненная форма» походила на своего рода прорезиненную медузу и с бешеным аппетитом пожирала различные вещи, в то время как ее пытались привести в подчинение при помощи сухого льда. Операция, как и следовало ожидать, провалилась, что позволило существу внести в список проглоченного корабль Его Величества «Непобедимый», маневрировавший в Северной Атлантике. Финальные сцены сочинения живописали естественную для такой «формы» попытку атаковать Манхэттен и смекалку ее создателя, который умудрился покончить с тварью, принеся ей в жертву самого себя. Насколько мне известно, ни один из этих опусов с той поры не переиздавался, чего не скажешь о других тогдашних текстах, демонстрировавших равное отсутствие мастерства и невероятное незнание элементарных литературных законов (или равнодушное к ним отношение).

Вот выдержка из рассказа «Чудовище ниоткуда», опубликованного в 1935 году. Персонаж рассказывает своим друзьям о неприятном происшествии на плато Маратан:

«— Взглянув туда, мы увидали гигантские бесформенные капли черного цвета, которые как будто были слеплены из земли — хотя и не только из нее. Время от времени эти штуки поднимались вверх и зависали в воздухе без какой-либо видимой поддержки. В другой раз они, казалось, спокойно лежали на твердом грунте. Но главное — они постоянно менялись!.. Сгорая от любопытства, мы вышли на открытое место. Это была ошибка.

— Ошибка? — переспросил я.

---

* *Это довольно точное название для целого направления приключенческой литературы, примыкающего к научной фантастике, — произведений о затерянных расах или неоткрытых человеческих племенах. В настоящее время практически все малодоступные уголки планеты — от Атлантиды до Тибета и Большого Каньона, от приполярных областей до земных недр — уже использованы писателями в качестве пристанища вышеназванных персонажей, однако мы почти всегда имеем дело не более чем с голыми приключениями. «Грядущая раса» (1891) лорда Литтона и «Страна под Англией» (1935) Джозефа О'Нила, которые как бы открывают и закрывают период популярности данной темы, — относительно редкие примеры ее использования в целях воспитания и предостережения, традиционно отличающих серьезную НФ.*

— Да. Флетчер мертв — из-за своего любопытства. Нужно ли мне рассказывать вам, как он погиб? Поверьте, это было ужасно. Одна из черных капель вдруг появилась перед ним... затем окружила его... затем... его не стало!

— Не стало! — воскликнула Ки. — Ты хочешь сказать: «он умер»?

— Я хочу сказать «не стало». Он стоял рядом со мной, а через секунду и он, и то существо, что утащило его, как в воздухе растворились.

Охваченные паникой, мы с Толандом бросились обратно в лагерь, где рассказали Гаинелю о случившемся. Гаинель, великолепный стрелок и бравый спортсмен, выглядел недоверчивым, возможно, даже сомневающимся...»

Впрочем, каким бы ни был Гаинель на самом деле, боюсь, что на пользу ему это не пошло: существо прихватило и его заодно. Дело здесь, однако (а кроме этого рассказа, существует целая куча других, почти столь же глупых), совсем не в существах: их происхождение и причина столь странного поведения объясняются вполне добросовестно. «Чудовище ниоткуда» — хороший пример плохого изложения интересной идеи (ситуация, обычная в фантастике даже сегодня). Кстати, знаете, чем отличается наркоман от человека, который вынужден заниматься расследованием? Первому хочется, а второму нет. И позвольте мне на этой шутке оборвать данный раздел моего труда, ибо, говоря откровенно, для его продолжения мне пришлось бы прочитать еще какое-то количество литературного хлама, а стоит ли овчинка выделки?

Положение дел в фантастике резко изменилось где-то в 1940 году: в 1938-м выходило пять НФ-журналов, в 1939-м — тринадцать, а в 1941-м — двадцать два (разумеется, американских: в Британии в то время было всего два издания такого рода). Журнальный бум фактически совпал с появлением большой группы новых авторов, многие из которых ныне являются знаменитостями. Сенсуализм начал сдавать позиции (вероятно, по причине возросшей грамотности населения), и на авансцену после почти двадцатилетнего перерыва вышла антиутопия, ведущая форма современной НФ. Нет, фантастика не достигла совершеннолетия — ей еще предстоит сделать это, — однако дни прозябания остались позади. Почему столь благотворная метаморфоза произошла именно в 1940 году и почему произошла вообще, я не знаю. Не думаю, к примеру, что ее можно считать результатом второй мировой войны. Конечно, внезапное увеличение числа журналов можно было бы отчасти объяснить стремлением людей, которым не по душе военная служба, отвлечься от действительности, почерпнуть свежие впечатления. Но в этом случае сборники анекдотов, бытовые романы и порнография подошли бы куда больше. Что же касается появления молодых талантов, то я хотел бы заметить следующее: если в 1930-м автор НФ был, скорее всего, чудаком или халтурщиком, то в 1940-м он мог оказаться нормальным молодым человеком, пытающимся сделать карьеру, он принадлежал к первому поколению, которое выросло в уже сформировавшейся среде. Если совсем просто, кое-какие вещи гораздо лучше начинать не с нуля, и вовсе не убожество ранней елизаветинской драмы является причиной величия Шекспира.

ЧИТАТЕЛИ И ПИСАТЕЛИ

Начнем с нескольких цифр. Журнал «Галактика» («Galaxy») расходится в Соединенных Штатах 125-тысячным тиражом и располагает английским, французским, бельгийским, швейцарским, немецким, итальянским, финским и шведским изданиями на соответствующих языках. «Потрясающая научная фантастика» («Astounding Science Fiction») выходит 100-тысячным тиражом в Америке, 35-тысячным — в Англии, имеет подписчиков в Африке, на Ближнем Востоке, в России и Китае. «Удивительные истории», которые, казалось бы, распространяются только в Англии, продаются в США в количестве 50 тысяч экземпляров ежемесячно. Учитывая, что все поклонники жанра в обязательном порядке читают «Потрясающую НФ», и предполагая, что каждый номер прочитывается сразу несколькими фэнами, можно оценить общее число читателей фантастики в Соединенных Штатах — приблизительно полмиллиона человек. Это составляет порядка трех десятых процента всего населения, так что аудитория отнюдь не массовая (вывод, подтверждаемый особенностями упомянутых журналов). В самом деле, если отказаться от эпатажа, то придется признать: свойства, присущие обычному печатному изданию, — дороговизна, отсутствие малопонятных или еретических высказываний, успокаивающая интонация, анонимность — ни в коей мере не характерны для большинства НФ-журналов, и я напоминаю вам, что «Галактика», которая редко обращается к теме ЖГЧ или, скажем, к теме секса, продается в два с половиной раза лучше «Удивительных историй», которые обращаются к этим темам чаще. Если же говорить об анонимности, то известность писателей-фантастов есть своего рода анонимность наоборот: ее причина, вероятнее всего, в раздражающей читателя оригинальности. Более того, аналогичных взглядов сплошь и рядом придерживаются авторы писем, приходящих в редакции фантастических журналов, какими бы неразумными ни казались их аргументы (между прочим, знакомство со всей массой созданных известными писателями произведений обычно подводит к такому же выводу, поскольку подразумевает затрату определенных усилий на адаптацию к оригинальному стилю). Да, конечно, читатели НФ — «наркоманы», однако «наркоманы» активные, настоящие энтузиасты, чрезвычайно шумные и склонные объединяться в фэн-клубы.

Существование этих клубов — очаровательная черта американского и британского обществ, и маломальски полный рассказ о них потребовал бы отдельной статьи. Рассказ же сокращенный следовало бы начать с основания первых клубов в начале 30-х, а завершить — обзором сегодняшней ситуации, которая характеризуется наличием подобных организаций в двух десятках крупных городов и множестве прочих (географический анализ, кажется, показывает, что энтузиазм более силен на Среднем Западе и на Западном побережье, нежели в Новой Англии и Техасе). Многие клубы устраивают еженедельные собрания, проводят дискуссии, имеют внутреннюю иерархию и ротапринтным или даже типографским способом издают журналы. Эти фэн-журналы, или фэнзины, то и дело появляются и исчезают, однако можно не сомневаться, что в нынешнем году увидят свет номера сорока — пятидесяти изданий, содержание которых составят художественные произведения, литературная критика и всевозможные сплетни. Клубная лексика оставляет желать много лучшего: одно из объединений называется «Научно-фантастическое и котелково-походное общество эльфов, гномов и малого народца», некая национальная федерация — «Маленькие чудовища Америки», — но согласитесь, что энергия буквально хлещет через край. Каждый год проводятся региональные конференции и трехдневные всемирные конгрессы (конвенты). В Великобритании насчитывается как минимум двадцать клубов; как обстоит дело в остальной Европе, не знаю. В политическом плане фэн-клубы склоняются к прогрессивным взглядам, особенно по расовому вопросу, солидари-

зируясь таким образом с позициями НФ-журналов, многие публикации коих аллегорически или же впрямую затрагивают тему дискриминации. Всех, впрочем, переплюнул некий прокоммунистический клуб из Бруклина, который после неудачной попытки склонить на свою сторону всеамериканскую конференцию основал ассоциацию «За политический прогресс НФ» — ну да полагаю, что долго она не протянет.

Добавлю, что поклонники фэнтези согласны маршировать под знаменем изрядно опережающих их количеством любителей НФ. Тем не менее очень многие не различают эти два жанра. Так, Энтони Бучер, работавший соредактором «Журнала научной фантастики и фэнтези» («The Magazine of Fantasy and Science Fiction»), утверждал, что «читатели не предпочитают научную фантастику фэнтези, однако думают, что предпочитают». По его же свидетельству, научно-фантастическая обложка (люди в космических скафандрах) более способствует расходимости журнала, нежели обложка в жанре фэнтези (эльфы). Подобные факты, похоже, подтверждают старую гипотезу: не будучи эскапистской по существу, НФ нередко используется как средство убежать от реальности.

Но вернемся к читателю фантастики. Помимо вероятного членства в фэн-клубе, что еще его характеризует? Информации об этом довольно много, причем весьма противоречивой. Робкая попытка согласовать различные источники приводит приблизительно к следующему. Мужчин значительно больше, чем женщин, — в пропорции не то пятнадцать к одному, не то пять к одному. В настоящее время сие неравенство, возможно, идет на убыль. Средний возраст — где-то под тридцать, имеются также школьники и некая группа фэнов-ветеранов вроде автора этих строк. Что касается рода занятий, то лица, связанные с наукой и техникой — инженеры, химики, исследователи и т.д., — естественно, преобладают, составляя в общей сложности процентов сорок от общего числа читателей, хотя редактор «Потрясающей НФ» и уверяет, что «почти все» его подписчики получили техническое образование. Среди других читательских групп самыми крупными являются студенты, военнослужащие и гуманитарии.

Рассуждать о взглядах и мотивации читателей — дело рискованное, однако, чего бы мне это ни стоило, я приведу здесь соответствующие высказывания ведущих писателей жанра. Итак, поклонники НФ, с их точки зрения, «любопытные люди, которые ищут возбуждения или сенсации», «технари, желающие вести профессиональные разговоры на литературные темы, и подростки, считающие науку волшебством», «на десять процентов духовные недоросли, которые все еще любят сказки, на девяносто процентов лица с болезненным любопытством, которым нравится, когда их фантазию стимулируют», «идеалистичные, устремленные в будущее, начитанные, интересующиеся искусством». Все эти высказывания (кроме последнего) демонстрируют отрадное отсутствие какого-либо благоговения перед читателем, но в целом, мне кажется, писатели вторят здесь редактору «Потрясающей НФ», который как-то похвастал, что его журнал читается очень творческим и влиятельным меньшинством нации — молодыми технократами. К ним, конечно, можно относиться как угодно, однако, поскольку я рассматриваю НФ как облагораживающую силу, а не наоборот, ее популярность в этих кругах подает мне обнадеживающий знак.

А что за люди пишут научную фантастику? Он («она» встречается в одном случае из пятидесяти) обычно не зарабатывает на хлеб сочинением НФ. Нынешние гонорары требуют от автора либо фантастической работоспособности, либо согласия на самые скромные условия жизни. Вторая профессия зачастую связана с наукой (преподавание и исследовательская работа) или же с литературой (сочинение детективов и/или вестернов, иногда традиционной прозы). Подробный анализ их работ и выступлений в прессе свидетельствует о том, что большинство писателей и редакторов относится к своему призванию с огромной, порой чрезмерной серьезностью. Иной раз даже с серьезностью миссионера: НФ — «последнее прибежище иконоборцев в американской литературе», она призвана «позволить читателям понять самих себя и человеческий род в целом», ее функция — «смягчать естественный консерватизм живых существ», «она помогает человечеству быть скромным». Время от времени законная гордость за особое призвание соединяется с естественным желанием увидеть фантастику в числе респектабельных жанров, вследствие чего на свет рождаются совсем уж дикие гиперболы. Так, Реджинальд Бретнор, авторитетный автор и критик, кажется, думает, что НФ — куда более «широкая» разновидность литературы, чем все остальные; Роберт Хайнлайн, великолепный писатель, полагает, что фантастика «гораздо реалистичней большей части исторических и современных романов и превосходит как тех, так и других», что она «самая трудная из всех форм прозы» и «единственная форма литературы, которая дает шанс понять дух нашего времени». Все это напоминает мне джазового музыканта, утверждающего, будто его музыка превосходит классическую по части утонченности и труднее для исполнения. Однако верить в то, что твоя работа — самая важная вещь в мире, не так уж и плохо. В конечном итоге это может привести к созданию чего-то стоящего. Так что если писателем-фантастом окажется серьезный и преданный своему делу человек, я возражать не буду.

Остается уточнить, какую пользу приносят или могут принести НФ-издания. Мне не кажутся справедливыми назойливые уверения, будто они подслащают пилюлю научного образования: большая часть науки все равно неверна, а объем необходимых знаний таков, что с тем же успехом можно учиться ведению фермерского хозяйства по вестернам. Не следует также рассматривать фантастические журналы как сборники предсказаний: максимум, что требуется от НФ, — это чтобы время от времени складывалось впечатление, будто ее прогноз подтвердился, а если нет, так опять-таки ничего страшного. Осмелюсь утверждать, что ее важнейшая практическая функция — служить средством беллетризации социального исследования, каковое осуществляется посредством построения вымышленной модели, позволяющей вычленить и проанализировать те или иные культурные тенденции. Разумеется, это происходит только в наиболее претенциозных и потому нередко псевдоглубоких произведениях, однако многие культурологи, социологи и проч. будут удивлены и подавлены, узнав, что большинство лелеемых ими идей в НФ давно стали общим местом. Словом, марсианским шпионам следовало бы сперва изучить образчики научной фантастики, а уж потом приступать к составлению отчета о нашей цивилизации.

Окончание следует

Публикацию подготовил Александр РОЙФЕ

ХЕРБЕРТ, Фрэнк Патрик (HERBERT, Frank Patrick)

Родился в 1920 г. в Такоме (штат Вашингтон), обучался в университете им. Дж. Вашингтона (Сиэтл). В течение долгого времени работал репортером и издателем газет. Первая публикация в области фантастики — рассказ «На что надеяться?» в «Startling Stories», 1952 г. В последующие десять лет написал более 20 рассказов и роман «Дракон в море» (1956 г.), впоследствии названный «Под давлением». Его переход на качественно новый уровень в литературе ознаменовался началом публикации в «Astounding Science Fiction» в 1963 г. романа «Дюна», сразу же завоевавшего и «Хьюго», и «Небьюла». Кроме всемирно известного цикла о Дюне («Дюна», 1965 г., «Мессия Дюны», 1969 г., «Дети Дюны», 1976 г.,«Бог-Император Дюны», 1981 г., «Еретики Дюны», 1984 г. и «Дюна: Дом Глав Родов», 1985 г.), любителям фантастики известен ряд произведений, примыкающих к сериалу: «Энциклопедия Дюны» (1984 г., издана В. Макнелли) и «Записные книжки о «Дюне» Фрэнка Херберта» (1988 г., издана Брайаном Хербертом). А в 1984 г. по мотивам сериала был снят одноименный фильм. Помимо книг о Дюне, Фрэнк Херберт написал еще полтора десятка романов, многие из них стали литературным событием. Его интересовал обширный спектр этических и философских проблем, стоящих перед человечеством. Широко известны такие книги, как «Зеленый мозг» (1966 г.), тетралогия о Пандоре («Направление — пустота», 1966 г., «Инцидент с Иисусом», 1979 г., «Эффект Лазаря», 1983 г. и «Фактор вознесения», 1988 г.; последние три книги написаны вместе с известным поэтом Биллом Рэнсомом), «Глаза Гейзенберга» (1966 г.), «Создатели Небес» (1968 г.), «Создатели Бога» (1972 г.), «Барьер Сантароги» (1968 г.), дилогия «Звезда под бичом» (1970 г.), и «Досадийский эксперимент» (1977 г.), и ряд других. Книги Херберта, по мнению критиков, нелегки для чтения — столь глубоки и сложны поднимаемые в них проблемы. Но широкая эрудиция и блестящий литературный дар автора привлекают внимание читателей во многих странах мира. Фрэнк Херберт, не принадлежащий формально ни к одной литературной школе, — уникальное явление в фантастике. Скончался писатель в 1986 г.

СТАРДЖОН, Теодор

(см. биобиблиографическую справку в N 9, 1993 г.)

Настоящее имя писателя — Эдвард Гамильтон Уолдо. Псевдоним Теодор Старджон появился в начале 40-х гг., когда двадцатилетний Эдвард Уолдо сотрудничал в журналах «Astounding Science Fiction» и «Unknown». Для последнего журнала он был одним из двух основных авторов (вторым был Спрэг де Камп); но если де Камп создавал, как правило, длинные повести и романы, то «специализацией» будущего Старджона были рассказы. В ту пору он писал «либо никак, либо очень хорошо». Его рассказы появлялись буквально в каждом номере этих журналов, а иногда и не по одному. В последнем случае ему приходилось подписывать их двумя вариантами своего первого псевдонима — Э. Хантер Уолдо и Э.Уолдо Хантер (Hunter, заменившее знаменитое Hamilton, означает «охотник»). Иногда он использовал еще один вариант — Теодор Старджон (Старджон — фамилия его отчима). Так продолжалось до 1942 г., когда в том же «Astounding Science Fiction» вышла повесть молодого Р. Хайнлайна «Уолдо», и началась великая неразбериха. Писали, что повесть «Уолдо» написана в стиле Старджона, самим Старджоном, о Старджоне и т.п., после чего молодой человек Эдвард Гамильтон Уолдо распрощался с надеждой увидеть собственное имя на обложке и окончательно взял себе псевдоним Теодор Старджон.

СИЛЕЦКИЙ, Александр

Родился в Москве в 1947 году. Фантастикой увлекся с детства. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Впоследствии много лет работал в издательстве «Наука» научным редактором по проблемам освоения космоса. Первый рассказ опубликовал в 1963 году в журнале «Юный техник». В 1962 году на международном конкурсе на лучший НФ-рассказ получил поощрительную премию (по рукописи), а в 1965 году на аналогичном международном конкурсе — первую. Всего к настоящему времени опубликовано более 60 рассказов, а также роман «Питомник для мух». Увлечения: классическая музыка и авангардный рок.

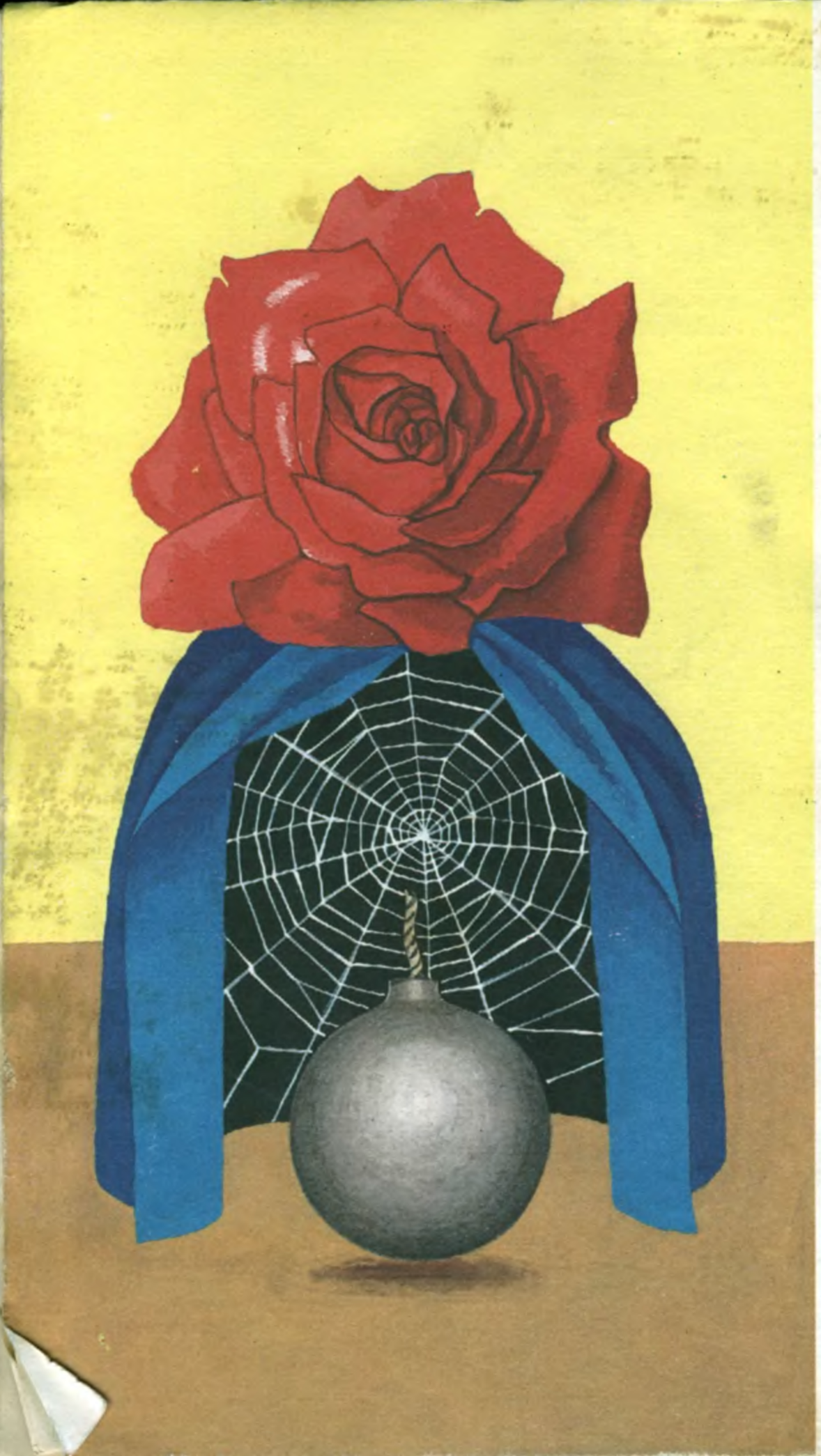
МАКДОНАЛЬД, Джордж (MacDonald, George)

Шотландский автор и издатель; родился в 1824 г. Перед тем, как стать профессиональным писателем, был священником, что наложило отпечаток на его творчество. Получил широкую известность благодаря своим сказочным повестям для детей и взрослых. Первая книжная публикация — аллегорическая фантазия «Фантастика: сказочный роман для мужчин и женщин» (1858 г.). Написал более десятка романов, в их числе следует отметить детский сериал о Принцессе: «Принцесса и гоблин» (1871 г.) и др., а также «Лилит» (1895 г.), который, как и другие произведения позднего периода его творчества, тяготеет к фантастике. Кроме того, писал повести и рассказы. Скончался в 1905 г. Вклад Дж. Макдональда в литературу весьма велик; он считается предшественником Толкина, Льюиса и одним из основоположников британской фантастики.

ПЛОДЖЕР, Филип Джеймс (PLAUGER, Phillip James)

Американский писатель, родился в 1944 г. По собственному признанию, является «физиком, влюбившимся в компьютеры». Получив докторскую степень по ядерной физике в Мичиганском университете, он возглавляет фирму, занимающуюся консультированием в этой области. Кроме того, он читает лекции по программированию в разных странах мира и широко известен благодаря статьям и книгам на эту тему. Фантастику читает с семи лет. Первая публикация — рассказ «Эпицикл» (1973 г.) в «Astounding Science Fiction». Регулярно, хотя и не часто, публикуется в журнале «Analog» и других изданиях. Буквально каждое его произведение привлекает внимание, но наибольшее число положительных отзывов собрал рассказ «Дитя на все времена». Как писал Дж. Р. Р. Мартин, это «запоминающееся и очень человечное обращение к проблемам бессмертия». Ф. Дж. Плоджер завоевал премию Дж. Кэмпбелла в 1975 г. как лучший молодой автор. За исключением рассказов, написал роман «Сражаясь с безумием» (1976 г.), так и не опубликованный в отдельной книге.

Подготовил Андрей ЖЕВЛАКОВ



ЕСАИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Харлан Эллисон
ТРЕБУЕТСЯ ЛИШЬ НЕМНОГО ВЕРЫ

Элен Кашнер
ТОМАС РИФМАЧ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Элджернон Блэквуд
ИВЫ

Кир Булычев
НОВЫЙ СУСАНИН

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ
73118, 39801